

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»

На правах рукописи

БОБЫЛЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР В.Л. ГАЛЬСКОГО

Специальность 10.01.01 Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор П.А. Ковалев

ОРЕЛ – 2019

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В.Л. ГАЛЬСКОГО: ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	20
1.1. БЕЛГРАД В СУДЬБЕ В.Л.ГАЛЬСКОГО.....	22
1.2. ПАРИЖСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В.Л.ГАЛЬСКОГО.....	30
1.3. ДИПИЙСКИЙ ПЕРИОД.....	35
1.4. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. КАСАБЛАНКА	49
1.5. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В.Л. ГАЛЬСКОГО.....	58
ГЛАВА 2. ДОМ-РОДИНА-ЧУЖБИНА В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО.....	81
2.1. ДОМ. РУССКАЯ ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА.....	81
2.2. УТРАЧЕННАЯ РОДИНА В ЛИРИКЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО	99
2.3. ОБРАЗЫ ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО	110
ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО	122
3.1. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ В.Л. ГАЛЬСКОГО.....	122
3.2. РОД–ФАМИЛИЯ–СЕМЬЯ В ЛИРИКЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО	135
3.3 ДОМИНАНТЫ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ В.Л. ГАЛЬСКОГО.....	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	169

ВВЕДЕНИЕ

Катастрофические события начала XX века – революция 1917 года и Гражданская война – вехами русской истории, вынудившими тысячи граждан бывшей Российской империи покинуть Советскую Россию. В историографии это явление стало основанием для обозначения 1920-х годов как «первой волны» русской эмиграции, которая «представляла собой не монолитное, но все же достаточно единое "общество в изгнании"»¹, сплоченное общей целью. Известный знаток русской эмиграции, историк Марк Раев так писал об этом: «Эмиграция перестала быть лишь способом физического выживания, она приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины независимо от того, суждено ли было эмигрантам вернуться домой или умереть на чужбине. Поэтому русских эмигрантов 20–30-х гг. нельзя сравнивать с теми, кто покинул родину в поисках лучшей доли, какими бы мотивами они ни руководствовались»².

Тема воссоздания России за рубежом как одна из важнейших задач русской эмиграции в 20-е годы звучит в выступлениях практически всех ведущих писателей-эмигрантов: от И.А. Бунина до Г.И. Газданова. Об этой миссии писал известный деятель русской культуры В.Ф. Ходасевич в статье о молодом поколении поэтов-эмигрантов, приводя знаменитую строчку из «Лирической поэмы» Н.Н. Берберовой, которая стала девизом «первой эмиграции»: «Мы не в изгнаныи, мы в посланьи!»³. Реализацией идеи

¹ Лизунова И.В., Лбова Е.М. Диалог двух культур: французская и русская в контексте книжной культуры // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. № 1. Т. 6. С. 3.

² Раев Марк. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 14–15.

³ Ходасевич В. Литература в изгнании // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подгот. текста И.П. Андреевой, С.И. Богатыревой, С.Г. Бочарова, И.П. Хабарова. М.: «Согласие», 1996. Т.2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939 гг. С. 264.

«охранительной функции» в культуре Русского Зарубежья занимались все поколения русских эмигрантов вне зависимости от места их пребывания.

Основными культурными и информационными центрами русской эмиграции стали Белград, Берлин, Константинополь, Париж, Прага, София, Харбин¹. В этих средоточиях русской диаспоры «формировались новые идеи для целого поколения русских литераторов, избравших для себя нелегкий путь хранителей русской культуры»². Не случайно поэтому, что в последнее время наибольший интерес для современных ученых представляет наследие первой волны русской эмиграции, являющееся «самым значительным по своему объему и вкладу в мировую культуру»³.

Феномен литературы Русского Зарубежья активно исследуется в современном отечественном литературоведении. И объясняется это тем, что культура, разделенная надвое, продолжает свое развитие, создавая уникальный феномен «двуязычия» в рамках единого литературного процесса. «Для поэзии эмигрантской, – как отмечается в одном из уникальных учебных пособий по изучению литературы Русского Зарубежья, – выдвинувшейся на грань языковой ассимиляции, критерий (общности языка – *И.Б.*) становится не просто ведущим, но превращается в своеобразный лингвистический и нравственный императив»⁴.

По мнению И.Ю. Карташевой, «русская литература в эмиграции не стала иной по своей природе, она осталась органической частью

¹ См.: Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Общ. ред. В.Б. Кудрявцева, К.Ю. Лаппо-Данилевского; сост., вступ. статья К.Ю. Лаппо-Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996; Танин С.Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009; Смирнова А.И. Литература русского зарубежья (1920–1990): Учеб. пособие ФЛИНТА, 2012; Матвеева Ю. В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017; Ключева А.В. Информационная среда политической коммуникации российской эмиграции: автореферат дис. ... канд. полит. наук. М, 2005 и др.

² Денисова О.Е. Жизнь и творчество Ю.Б. Софиева: историко-литературный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2015. С. 5

³ Стаканова М.В. Эмигранты “первой волны” о национальных проблемах // Вестник Брянского государственного университета 2015. № 2. С. 187

⁴ Литература русского зарубежья («первая волна» эмиграции: 1920–1940 годы): Учеб. пособие: В 2 ч. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. Ч. 2. С. 158.

национальной культуры»¹. И академик Е.П. Чельшев справедливо выступает за отношение к литературе Русского Зарубежья и Советского Союза как к единой художественной системе: «Русская литература из эмиграции возвращается на родину. Ликвидируются не только белые пятна в истории русской литературы; она перестает быть искусственно расчлененной, обретает присущую ей целостность, становится единой русской национальной литературой. Ее становление обусловлено взаимодействием не только литературных, но и других факторов, определяющих особенности историко-культурного развития метрополии и российской диаспоры. Впереди задача создания единой истории русской литературы XX в., решить которую можно лишь совместными усилиями ученых, литераторов, культурологов и философов, занимающихся как советской культурой, так и культурой России в изгнании»².

Одной из основных задач современного литературоведения в таком контексте, по мнению большинства исследователей, является восстановление целостности «завершившейся литературной эпохи в России, историческими событиями прошлого века неправомерно "четвертованной"»³. И этим во многом определяется актуальность темы нашего исследования, претендующего на исправление исторических диспропорций научного знания.

Особенное внимание, как уже говорилось выше, отечественное литературоведение уделяет судьбе писателей-эмигрантов первой волны. С начала 90-х годов в Москве работает уникальный комплекс, состоящий из музея, архива, библиотеки, научно-исследовательского, информационно-издательского и культурно-просветительского центров – Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. В Интернете формируется сайт

¹ Карташева И.Ю. К проблеме изучения современной литературы русского зарубежья // Вестник Челябинского государственного университета. 1994. № 1. Т. 2. С. 110-113.

² Чельшев Е.П. Ветвь на общем стволе. О литературном наследии российской эмиграции // Пространство и Время. 2011. № 1. С. 114.

³ Бабичева Ю.В. Гайто Газданов и творческие искания Серебряного века: Учеб. пособие по курсу истории русской зарубежной литературы XX века. Вологда, 2002. С. 3.

«Эмигрантика», представляющий собой электронную библиотеку эмигрантских изданий «с сопутствующим научным аппаратом: библиографические списки исследовательских работ о журналах и критических отзывов на отдельные номера»¹. Публикуются справочные и энциклопедические издания, в числе которых следует назвать трехтомную «Литературную энциклопедию русского зарубежья (1918–1940)»², энциклопедический биографический словарь «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века»³, «Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940»⁴, «Литература русского зарубежья. 1920–1940»⁵, «Словарь поэтов Русского Зарубежья»⁶. В этом ряду стоит упомянуть уникальные антологии: «Литература русского зарубежья»⁷ и «Мы жили тогда на планете другой...»⁸.

Множество статей и диссертаций посвящено творчеству выдающихся писателей Русского Зарубежья: Г. Адамовича, К. Бальмонта, И. Бунина, Б. Зайцева, Вяч. Иванова, А. Куприна, Д. Мережковского, А. Ремизова, И. Северянина, И. Шмелева, М. Цветаевой, В. Ходасевича и др. Но в то же время остается малоисследованным творческое наследие «фигур второго и третьего ряда, составляющих своего рода культурный фон, без учета которого невозможно понимание самого феномена русского эмигрантского

¹ О проекте // Эмигрантика.ru Русское зарубежье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.emigrantika.ru/> (Дата обращения: 20.06.2019)

² Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940: В 3 т. / РАН. ИНИОН; [Гл. ред. А.Н. Николюкин]. М.: РОССПЭН, 1997.

³ Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Отв.ред. Н.И. Канищева. РОССПЭН. М., 1997.

⁴ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общей редакцией Л.А. Мнухина. Т.1–4. М.; Paris: ЭКСМО; УМСА-Press, 1995–1997.

⁵ Литература русского зарубежья, 1920–1940 / Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; сост. и отв. ред. О.Н. Михайлов. Москва: Наследие: Наука, 1993–2008.

⁶ Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В.П. Крейда. СПб.: РХГИ, 1999.

⁷ Литература русского зарубежья: Антология: В 6 т. М., 1990–1998. Т. 1–4.

⁸ «Мы жили тогда на планете другой»: антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990: В 4 т. / сост. Е. Витковский, справки об авт., примеч. Г. Мосешвили. М., 1994.

Ренессанса»¹. Среди представителей младшего поколения писателей первой волны монографического анализа удостоились В. Набоков, Н. Берберова, Г. Газданов, Г. Кузнецова, И. Одоевцова, Б. Поплавский, Ю. Софиев, Л. Червинская, А. Штейгер, В. Яновский и некоторые другие авторы². Но еще больше писателей осталось «за кадром».

В этом ряду особое место занимают творческая биография и наследие Владимира Львовича Гальского (1908–1961), которые стали предметом научно-критических исследований сравнительно недавно.

Творческий путь этого писателя был связан с Сербией, Францией, Германией, Австрией и Марокко. Но детские воспоминания о России с пронзительностью и удивительной точностью воспроизведены в его поэтических произведениях: в них отражены черты родной усадьбы и золотаревских мест под Орлом, красота природы среднерусской полосы. «Трагизм поэта, – по мнению Т.А. Пономаревой, – заключается в том, что, разлученный с родиной, он стал частью чужого и чуждого мира <...> Отсюда <...> мотив одиночества даже среди близких людей, в семье, в любви, трагическое ощущение бессмысленности жизни вообще»³.

Изучению исторических судеб русской эмиграции через проникновение в художественный мир одного из поэтов «незамеченного поколения» (В.С. Варшавский) и посвящена данная диссертация.

Степень разработанности темы. Сложность изучения наследия В.Л. Гальского связана, в первую очередь, с отсутствием работ, комплексно представляющих его жанрово-поэтическую систему как единый текст.

¹ Каменева К.Д. «Свое» и «чужое» в культуре русской эмиграции «поколения полутора»: на примере творчества Г. Газданова: дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 3.

² Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980–2005 гг. Библиометрический анализ. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co.KG. - Saarbrücken, 2011.

³ Пономарева Т.А. Поэзия Владимира Гальского // Северо-Запад: Историко-культурный региональный вестник. Череповец: Изд-во Череповецкого гос. пед. ун-та им. А.В. Луначарского. 1995. Вып. 1. С. 62.

При жизни В.Л. Гальского его творчество редко становилось объектом внимания эмигрантской литературной критики. В статьях Б. Ганусовского, К.С. Елита-Вильчковского, В. Завалишина, Ю. Софиева, А. Черных, Е. Яконовского представлены немногочисленные и не всегда справедливые оценки современников. Только в последние годы проявился подлинный научный интерес к художественному наследию писателя. И несмотря на то, что первые статьи В. Аринина, С. Виноградова, Д. Кавыркиной, Т. Посоховой, Э. Прыговой, С. Симаковой, Т. Сопиной и В. Шахова о В.Л. Гальском, опубликованные в России в начале 1990-х годов, носят в основном обзорный биографический характер, можно говорить о том, что с начала 2000-х начинается детальное научное осмысление его поэзии и творческой судьбы как на Родине, так и за рубежом, чему свидетельством статьи О. Брылевой, С. Ефремова, Г.Н. Павловой, Р.В. Полчанинова, Т.А. Пономаревой, Г.А. Тюрина, В.Г. Тюриной, Ю. Фильчакова и др. При этом анализ монографической и периодической литературы по проблематике диссертации показал, что систематические научные публикации по изучению творчества В.Л. Гальского практически отсутствуют, отдельные статьи не ставят целью проведение комплексного анализа, что не позволяет сформировать целостное представление о художественном методе писателя.

Предпринятый в первой главе исследования обзор прижизненных публикаций поэтических произведений В.Л. Гальского, включенных в литературный контекст двух первых волн русской эмиграции, дает представление о восприятии его поэзии современниками и об особенностях эволюции творчества писателя-эмигранта «незамеченного поколения». При этом значимыми являются как «хронологическая» (от середины 1930-х годов до конца 1950-х), так и «пространственная» (от Белграда и Парижа до Касабланки) парадигмы, формирующие особенную индивидуальную концептосферу творчества писателя, его поэтический мир.

В системе литературоведческих категорий, как отмечает ряд исследователей, до сих пор нет четкого определения понятия «поэтический

(художественный) мир», синонимами которого зачастую выступают терминологические выражения «внутренний мир», «авторский мир», «художественная» (или «поэтическая») реальность, «художественная вселенная» и некоторые другие. До сих пор «не исследована структура художественного мира; не сформировалась и процедура анализа явления»¹. Но при этом опора на эту категорию «представляется особенно актуальной»².

История возникновения и развития терминологической системы, описывающей «мир литературы», позволяет говорить о том, что выделение этого понятия имеет под собой глубокие философские и эстетические основания. В работах В.С. Соловьева, В.В. Розанова, К.Н. Леонтьева, А.П. Волынского, Н.Н. Страхова, В.Я. Брюсова, А. Белого, В.В. Вересаева, Б.М. Эйхенбаума, М.М. Бахтина, А.С. Бушмина, С.Г. Бочарова, В.Я. Линкова, Д.С. Лихачева³, А.П. Чудакова и других выдающихся исследователей были определены такие важнейшие характеристики, как целостность и автономность, принципиальная незавершенность и открытость. «Структура художественного мира в ряде моментов аналогична структуре реального мира; художественный мир создается при помощи принятого в данной культуре художественного языка <...> Художественный мир обладает целостностью; это сложное, многозначное, многоуровневое целое. Художественный мир не завершен и открыт для взаимодействия с

¹ Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания // Вестник Пермского университета. 2011. 4(16). С. 130.

² Кравченко Я.П. К истории становления категории "художественный мир" в литературоведческом дискурсе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web.znu.edu.ua/herald/issues/2008/fil_2008_1_2/2008-26-06/017.pdf (Дата обращения: 20.06.2019)

³ В научный обиход понятие «художественный мир» было введено именно Д.С. Лихачевым в статье «Внутренний мир художественного произведения», положения которой были развиты им в книге «Поэтика древнерусской литературы» для обоснования таких категорий, как время и пространство. Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 629

другими мирами. Художественный мир представляет собой целую группу взаимосвязанных понятий»¹.

В монографии Е.Г. Рудневой особо подчеркивается духовная целостность этой категории: «...это мир, созданный творческим воображением художника и адресованный воображению читателя, возникающий в его представлении <...> тот уровень произведения, который с наибольшей очевидностью демонстрирует сращенность конкретного идейного содержания и формы...»².

Своеобразие понятия «поэтический мир» В.В. Федоров видит в его противопоставленности прозаической реальности и реальному миру, отмечая, что синонимичное ему терминологическое выражение «художественный мир» чаще всего появляется при характеристике конкретных литературных произведений³. Эта функциональная дифференциация понятий не отменяет факта структурной близости художественной и поэтической реальностей, придающих вымыслу «черты мира действительного», имитирующих его «физические характеристики (время и пространство, развитие событий, жизнь действующих лиц, социальное устройство мира) и процессы (она может быть статичной и динамичной, может обладать способностью к саморазвитию)»⁴.

Такие выдающиеся исследователи, как С.Е. Шаталов⁵ и А.П. Чудаков⁶, важной особенностью понятия «художественный мир» считают концептуальную полноту, предполагающую изображение всех основных параметров действительности: времени, пространства, событий, человека, его взаимоотношений с другими людьми, мыслей, чувств, поступков. По мнению

¹ Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания... С. 135.

² Руднева Е.Г. Романтика в русском критическом реализме: (Вопр. теории). М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 34-35.

³ Федоров В.В. О природе поэтической реальности. М.: Сов. писатель, 1984. С. 56.

⁴ Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания... С. 136.

⁵ Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. М.: Наука, 1979. С. 16

⁶ Чудаков А.П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. С. 3

В.В. Савельевой, «художественный мир – это фантазийно организованное и структурированное воображением и сознанием сначала автора, потом читателей представление о художественной реальности, соединяющее в себе кажущееся жизнеподобие картины мира, и рациональные и иррациональные, вероятностные, виртуальные ее варианты»¹. Художественный мир, по мнению исследователя, существует благодаря нескольким субъектам: автору, читателю и художественному тексту, а результатом вхождения в текст и постижения художественного мира может стать создание модели авторского мира. Организация художественного мира рассматривается исследователем в трех аспектах: образная система, пространственно-временной континуум и динамика мира, которые, воплощаясь в текст, предстают как языковая реальность, словесно воссоздающая «телесно-духовный образ человека во всем его внешне-внутреннем поведенческом разнообразии»², что позволяет выделять в классификации художественного мира образы-чувства, образы-мысли и т.д.

Ж.Н. Маслова считает, что на содержание поэтической картины мира оказывают влияние слуховые, зрительные, обонятельные, осязательные модусы, так как «поэтический текст, главным образом, направлен на создание чувственных впечатлений», что свидетельствует о необходимости «изучения эмоционального, чувственного ореола концепта»³. Это перекликается с идеей А. Чудакова о необходимости изучения предметного (вещного) мира литературы, который «есть не меньшая индивидуальность, чем слово»⁴.

¹ Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. Алматы: Дайу -пресс, 1996. С. 47

² Савельева В.В. Художественная антропология. Алматы: Изд-во АГУ им. Абая, 1999. С. 15.

³ Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 3 С. 150.

⁴ Чудаков А.П. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков. М.: Современный писатель, 1992. С. 5

Ю.М. Лотман считал, что исследование поэтического («художественного») мира предполагает изучение всего творчества писателя как единого текста, выявление основных оппозиций в образной и языковой системах, исследование художественного пространства и времени, «природы поэтического пространства и характер его границ»¹.

При этом большинством ученых признается, что поэтический мир – это «художественный (или внутренний) мир лирического произведения. И хотя автор диссертационного исследования частотных словарей как способов реконструкции поэтического (художественного) мира Л.В. Селезнева пессимистически отмечает, что «невозможно построить универсальную модель художественного мира, как невозможно предложить один единственно верный способ его исследования»², все же нельзя не согласиться с тем, что специфическими признаками, отличающими поэтический мир от «мира» прозаических произведений, являются локальность (пространственно-временная обобщенность), моносубъектность, сближение ценностно-смысловых позиций автора, героя и читателя, незначительная степень конкретности и изобразительности»³.

Поэтическая картина мира как феномен эстетической функции языка возникает в едином текстовом пространстве⁴ и представляет собой сложный процесс языкового миромоделирования, «актуализирующего в образной форме внутренний мир автора, в котором отражается и субъективно перерабатывается реальная действительность»⁵. Еще В.М. Жирмунский отмечал, что «каждое слово, имеющее вещественное значение, является для

¹ Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т.3. С. 162.

² Селезнева Л. В. Частотный словарь как основа реконструкции художественного мира (На примере «Романтических цветов» и «Огненного столпа» Н.С. Гумилева): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. С. 8.

³ Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания... С. 136.

⁴ Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Комкнига, 2007. С. 227

⁵ Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник ТГПУ. 2004. № 1 (38) С. 20.

художника поэтической темой, своеобразным приемом художественного воздействия»¹.

Индивидуальный поэтический (художественный) мир сложно коррелирует с языковой картиной мира, являясь одновременно и субъектом, и объектом поэтического «языкомышления», результаты которого «закрепляются в языке», при условии, что «концептуальный аппарат человека действительно отражает истинное бытие объективного мира»².

Учитывая все эти особенности, группа В.С. Баевского в рамках исследований типологии русской лирической поэзии пришла к выводу, что отражение основных сторон человеческого бытия в словесном творчестве можно свести к девяти тематическим сферам, которые напрямую соотносятся с понятием «художественного концепта», определяемого как «сложное ментальное эмоционально-ценностное образование, которое отражает универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти, выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений, получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений, обладает диалогической, коммуникативной природой»³. Это такие категории, как: 1) интимная жизнь человека; 2) природа; 3) искусство; 4) общественная жизнь; 5) патриотическое сознание; 6) историческое сознание; 7) философия; 8) поэтически переработанный быт, 9) мифологизированное сознание⁴. При этом исследователями отдельно отмечается, что существует определенная специфика функционирования поэтического образа, связанная с ритмологическим основанием поэтического образа, аккумулирующего в себе

¹ Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 30–31.

² Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. С. 33, 25.

³ Степанова Н.С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: дис. ... докт. филол. наук. М., 2016. С. 14.

⁴ См.: Баевский В.С. Типология стиха русской лирической поэзии: дис. ... докт. филол. наук. Тарту, 1975. С. 272. Павлова Л.В. Смоленская поэтическая школа: новое поколение // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного педагогического университета. Смоленск: СГПУ, 1999. С. 266–284.

смысловые и ритмические ассоциации. Это тот самый синтез разнородных ментальных элементов, по поводу которого А. Белый писал: «Для концепта характерно то, что составляющие делаются в нем неразделимыми...»¹.

Согласно концепции Ж.Н. Масловой, разрабатывающей методы когнитивного анализа поэтического текста, «основными структурными элементами поэтической картины мира являются художественные (поэтические) концепты, аккумулирующие представления об экзистенциальных сущностях, эмоционально-чувственном опыте, а также собственно поэтические категории»². По мнению Э.В. Бабарыковой, эти основные, ключевые концепты являются «не просто фрагментами индивидуальной картины мира, а играют роль ее главных элементов, отражают основы мировосприятия и мировоззрения автора»³.

В системе эмигрантского художественного дискурса к ключевым в первую очередь относятся концепты, аккумулирующие в себе представления об окружающем мире, обусловленные такими оппозициями, как «Родина» / «чужбина», «дом» / «мир». Как альтернатива внешнему, общественному бытию, как его своеобразная концептуальная антитеза выступают элементы концептосферы, обусловленные интимными переживаниями и чувствами, такими, как любовь, дружба, семья. Вместе с внешним концептуализированным пространством внутренняя система концептов формирует гиперконцепт – особенную категорию, под которой понимается «ментально-языковая единица, возникающая на пересечении нескольких концептуальных слоев двух (и более) самостоятельно зафиксированных концептов»⁴. Этот гиперконцепт условно можно назвать судьбой,

¹ Белый А. Лирика и эксперимент // Белый А. Собр. соч. Символизм. Книга статей. М.: Культурная революция, 2010. С. 30.

² Маслова Ж.Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира: монография / 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017. С. 52

³ Бабарыкова Э.В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. С. 3.

⁴ Кострубина Е.А. Гиперконцепт Семья / Дом – Family / Home в русской и английской лингвокультурах : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. С. 3–4.

понимаемой как «концепция личности, прошедшей свой "путь жизни"»¹. Он включает в себя целую совокупность художественных концептов: «путь», «жизнь», «судьба», «образ мира», «дом», «семья», «отец», «мать», «детство», «память», «родина», «свобода», «пространство», «время», «изгнание», «творчество», «выбор» и др., определяющих жизненный путь как эволюцию личности в условиях изгнания»². Все эти понятия находят яркое воплощение в творчестве В.Л. Гальского, образуя уникальное, в рамках большой литературной традиции, индивидуализированное время-пространство, поуровневое изучение которого помогает осмыслению глобальной картины русского мира, не замкнутой в рамках государственных границ.

Таким образом, можно говорить о том, что **актуальность** данного диссертационного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения поэтического (художественного) мира В.Л. Гальского через систему художественных концептов, отражающих концептосферу авторов «незамеченного поколения» и определяющих индивидуальные особенности менталитета писателя-эмигранта.

Объектом данного исследования являются творческая биография В.Л. Гальского как отражение тенденций развития младоэмигрантской литературы Русского Зарубежья, а также творческое наследие писателя, в котором моделируется система концептов, отражающих особенности мировоззрения автора.

Предметом исследования, таким образом, становится концептуализированный поэтический мир В.Л. Гальского как целостное художественное явление.

Целью исследования является изучение поэтического (художественного) мира В.Л. Гальского в контексте индивидуальной и общелитературной эволюции поэзии русской эмиграции первой волны.

¹ Степанова Н.С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: дис. ... докт. филол. наук. М., 2016. С. 17.

² Там же. С. 27.

Обусловленные выбранной целью, в диссертации решаются следующие задачи:

1. Обобщить архивно-исторические и историко-литературные материалы, связанные с творческой биографией В.Л. Гальского и литературной и общественной деятельностью младоэмигрантских объединений.
2. Исследовать этапы творческого пути В.Л. Гальского, определить место писателя в литературном процессе XX века в контексте традиций русской классики, идейных исканий и культурно-исторических воззрений литературы Русского Зарубежья.
3. Выявить характерные особенности индивидуального художественного стиля и поэтики, специфику проблематики, образно-тематического строя и поэтической техники В.Л. Гальского.
4. Осуществить всесторонний анализ поэтического (художественного) мира В.Л. Гальского, исследовать художественное своеобразие концептосферы автора в ее основных художественных воплощениях.
5. Определить художественные функции и особенности доминантных концептов РОДИНА, ЧУЖБИНА, ДОМ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СЕМЬЯ, ВЕРА в творчестве В.Л. Гальского как составляющих гиперконцепта ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.

Материал исследования. Текстологической базой исследования послужили книги В.Л. Гальского «Путь усталости» (Вологда, 1992г.) и «Листы запоздалые» (Орел, 2008), а также рукописи писателя из его личного фонда, архивные материалы из частных фондов, хранящиеся в Орловском объединенном государственном литературном музее И.С. Тургенева.

Методологическую базу диссертационного исследования составили труды по проблемам общей поэтики В.С. Соловьева, Б.М. Эйхенбаума, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.В. Федорова, Ф.П. Федорова, Е.Г. Рудневой, О.В. Рудневой и др. Особое место при определении методологии настоящего диссертационного исследования занимают работы С.Г. Бочарова, В.В. Кожинова, Б.В. Кондакова, Я.П. Кравченко,

Т.Д. Попковой, В.В. Савельевой, Л.В. Селезневой, А.П. Чудакова, С.Е. Шаталова и других исследователей, посвященные изучению и разработке литературоведческой категории «поэтический (художественный) мир», С.А. Аскольдова, Н.В. Володиной, Ю.С. Степанова и других ученых по проблемам концептосферы и концептологии. Также в диссертации были использованы труды по истории Русского Зарубежья и эмиграции первой волны В. Варшавского, А.В. Леденева, М. Раева, Г.П. Струве, Ю.К. Терапиано, В.Ф. Ходасевича, Е.П. Чельшева, А.Г. Шешкен и др.

В диссертации применялся комплексный подход к изучению литературных произведений на основе применения биографического, историко-литературного, историко-типологического, сравнительно-исторического, структурно-семантического **методов**.

Научная новизна работы, обусловлена выбором предмета исследования, поскольку до настоящего времени художественный мир В.Л. Гальского не изучался как целостное художественное явление, введением в научный оборот архивно-исторических материалов творческой биографии поэта (в частности – малоизученной африканской эмиграции писателя).

Теоретическая значимость диссертации заключается в выработке нового подхода к изучению творчества писателя-эмигранта, состоящего в исследовании поэтического мира как единого концептуального поля, образуемого гиперконцептом «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ».

Практическая значимость исследования состоит в совершенствовании методики анализа поэтического (художественного) мира писателя как основы для формирования в мегаконтекста русской литературы XX века; использовании результатов проведенного исследования в учебно-образовательном процессе высшей (курс «Литература русского зарубежья», спецкурсы и спецсеминары) и средней (литературное краеведение) школы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творческий путь писателя-эмигранта «незамеченного поколения»

В.Л. Гальского имеет уникальное значение для понимания специфики эволюции литературы Русского Зарубежья, которая не пошла по пути языковой и культурной ассимиляции, сохраняя имагологический дискурс национального мировосприятия.

2. Поэтический мир В.Л. Гальского представляет собой концептуализированное пространство, состоящее из доминантных для всей эмигрантской литературы концептов ДОМ, РОДИНА, ЧУЖБИНА, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СЕМЬЯ, ВЕРА, которые в свою очередь входят в состав гиперконцепта ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ и формируют феномен русской литературы в изгнании. В то же время основные концепты поэзии В.Л. Гальского имеют ряд субъективных особенностей, определяющих экзистенциальную специфику его художественного сознания.

3. Принципы создания поэтического мира в творчестве В.Л. Гальского характеризуются сочетанием традиционных и новаторских приемов, начиная от романтико-символистских описаний времени, пространства и человека, сгущенной метафорики, экфрасических конструкций и заканчивая реминисценциями, парафразами и интертекстуальными комплексами. Особое место в его поэтическом дискурсе занимает работа с эмфатически выделенными звуковыми и синтаксическими формами, создающими неповторимый колорит лирического высказывания.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования были представлены и апробированы в виде докладов на Международных литературных чтениях, посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского (17-18 марта 2008 года); Международных Славянских Чтениях «Русская цивилизация: диалог в культурном пространстве» (30 апреля 2009 г., ОГИИК); Международной научной конференции «Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура» (27–29 апреля 2011 года); Всероссийской научной конференции «Орловский текст

русской словесности: творческое наследие И.А. Бунина» (28–29 сентября 2010 года), Афонинских чтениях (2013); «Орловский текст русской словесности» (Орел, 5–6 ноября 2017 года).

Результаты исследования опубликованы в зарубежном литературно-художественном журнале «Простор» (Алматы, 2011). Основные положения диссертации изложены в 17 публикациях и статьях, 4 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, в котором нами выделено несколько разделов. В первом из них представлены публикации литературно-художественных произведений В.Л. Гальского в книжных изданиях, коллективных сборниках, литературно-художественных и публицистических журналах. Во второй раздел списка включены историко-архивные материалы государственных (ОГЛМТ, ГАОО) и личных архивов. В третьем разделе в хронологическом порядке представлены основные литературоведческие, литературно-критические и публицистические работы, посвященные творческой биографии писателя. В четвертом разделе указаны в алфавитной последовательности основные историко-литературные и теоретические издания (книги, диссертации, сборники, научные статьи), использованные в качестве методологической базы исследования. Общее количество библиографических источников – 302.

ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В.Л. ГАЛЬСКОГО: ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«Гальские, – как отмечают биографы, – древний благородный род новгородского дворянства, ведущий свою историю с XVI века»¹. Род Гальских (написание фамилии исторически менялось – Гольские, Гульские) имел польские корни. В конце XVI-го века на восточной окраине Польши шла борьба между православными поляками и католиками, что и послужило причиной переселения семьи в Новгородские и Ярославские земли. В отделе герольдии (бывший архив Сената) в Петербурге российский герб Гальских сыном поэта К.В. Гальским найден не был. Но трудно предположить, что предводитель Череповецкого уездного дворянства (Николай Львович Гальской² избирался на эту должность несколько сроков подряд) не имел своего герба. Скорее всего, он был общим для всего рода. Младшая сестра Николая Львовича и Ионы Львовича Гальских Мария была замужем за Николаем Николаевичем Янишем, который утверждал, что однажды видел такой герб: «на нем были изображены олени головы»³.

В.Л. Гальской – потомственный дворянин. Его родители – Лев Ионович (1879–1955 гг.) и Александра Владимировна Гальские – были землевладельцами средней руки, которым, в частности, принадлежало имение Золотарево Мценского уезда Орловской губернии (ныне Залогощенский район Орловской области)⁴, где в 1908 году и родился будущий писатель. Это уникальное усадебное место ранее принадлежало помещикам Глебовым, Гурьевым, Телепневым и Нилусам. «Бывшие

¹ См.: Коровина Е.Н., Бабошина И.К. К истории рода дворян Гальских // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 4. Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2007. С. 10.

² Гальской Николай Львович (1855 – 1920 гг.) – младший брат Ионы Львовича Гальского, последний владеец усадьбы Горка в Череповце.

³ Тюрин Г.А. Беседа с К.В. Гальским // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 25

⁴ Словарь поэтов Русского Зарубежья... С. 67.

владельцы усадьбы родственными и дружескими узами были связаны с Тургеневыми, Шеншиными, Апухтиными, Карповыми, Кривцовыми, Жедринскими. <...> Сюда приезжали И.С. Тургенев, Л.Н. и Н.Н. Толстые, Н.Н. Страхов, Боткины и др.»¹. Упоминание этих мест встречается в мемуарах Владимира Андреевича Друцкого-Соколинского, у писателя Сергея Александровича Нилуса, владельца имения в селе Золотарево и хутора Грачева, в книге «Великое в малом».

В семейных архивах Гальских остались воспоминания и об Орле, куда в начале 1910-х годов В. Гальского привезли родители для учебы в Алексеевской гимназии. Семья снимала квартиру у Талызиных: «Все дома в городском квартале №17 по улице Введенской (ныне улица 7-го ноября) были небольшими, одноэтажными, с маленькими дворами. Жили в них семьи чиновников, священников, музыкантов, юристов, врачей, отставных военных <...> Этот дом имел четыре входа с улиц Борисоглебской и Георгиевской и три лестницы со ступенями чугунного литья – узорчатые, просвечивающиеся»².

Изгнанническая жизнь будущего поэта началась после окончания первого класса орловской гимназии: ребенком он был вывезен в эмиграцию. Сын писателя, К.В. Гальской, отмечал: «Уже в 1918 году семья Гальских уезжает из Орла в Киев и оттуда в Полтаву, где Владимир Львович учится в дворянской гимназии. Из Полтавы в 1919 году семья попадает в Новороссийск, оттуда эвакуируется через Константинополь в Сербию»³.

¹ Тюрин Г.А. На родине Владимира Гальского (село Золотарево: прошлое и настоящее) // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 4. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2007. С. 80.

² Седойкина К.А. Гальские в Орле: достопримечательности городского квартала // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 4. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2007. С. 118-120.

³ Тюрин Г.А., Тюрина В.Г. Юрий Софиев и Владимир Гальской: несостоявшийся диалог поэтов // Литература русского зарубежья (1917 - 1939 гг.): новые материалы. Т. 4. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2007. С. 141. В архивных изданиях отмечено, что Гальской «...в 12-летнем возрасте эвакуировался из Крыма вместе с родителями в Константинополь». Московский архив: историко-краеведческий альманах. М.: Мосгорархив, 1996. С. 50.

1.1. БЕЛГРАД В СУДЬБЕ В.Л.ГАЛЬСКОГО

Трудный жизненный путь приводил Гальского в разные города и страны. И всюду он находил возможность для творчества. Пребывая в качестве юного эмигранта в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, он сотрудничал с газетой «Русское дело» (София, 1921–1922; Белград, 1922–1923), был членом Зарубежного союза русских писателей и журналистов (Белград), организованного решением объединенного съезда писателей-эмигрантов.

О русской эмиграции в Белграде написано уже довольно много¹. Но, пожалуй, наиболее показательное свидетельство Г.Н. Пио-Ульского, одного из организаторов Русского научного института в Белграде, который в докладе, прочитанном в 1938 году в Союзе русских инженеров в Белграде, отмечал: «Благородное положение по отношению к русской эмиграции заняла Югославия. Она, несмотря на сравнительно тяжелое финансовое положение страны после Великой войны, оказала русским людям широкое гостеприимство. К приходу русской эмиграции Югославия нуждалась в интеллигентных работниках высокой культуры, и она их нашла в лице русских специалистов, принесших в страну свой опыт, свои знания и любовь к труду...»².

В.Л. Гальской учился в Первой русско-сербской гимназии в Белграде (называвшейся «Плетневской» по имени основателя и первого директора Владимира Дмитриевича Плетнева), затем стал студентом архитектурно-

¹ См.: Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века – границы и перспективы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М.; «Индрик», 1996; Танин С.Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009; Шешкен А.Г. «Русский след» в истории сербской литературы и критики 20–30-х гг. XX века (к вопросу о роли русской эмиграции в культурной жизни Сербии) // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране књижевности и културе. Међународни тематски зборник радова. Косовска Митровица, 2012. С. 216–232 и др.

² Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград; изд. Союза русских инженеров в Югославии, 1939. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dorogadomj.com/dr042emi.html> (Дата обращения: 20.06.2019)

строительного факультета Белградского университета. Особенное место в жизни Владимира Гальского в это время занимало молодежное движение. Он был активным организатором общества скаутов: составил краткий исторический очерк русского скаутизма для первого номера журнала «Le Scout Slave» и даже написал «роверскую» песню «На Авале, на горе, роверы гуляли...», ставшую своеобразным гимном движения¹. Под влиянием скаутской деятельности молодым поэтом были также написаны стихотворения «Будапешт» и «Голландия»².

Активно участвовал В.Л. Гальской и в литературной жизни русской диаспоры, в работе кружков, среди которых в творческой биографии будущего поэта особенное место занимала белградская группа «Литературная среда». Одна из первых публикаций Гальского вошла в коллективный сборник с одноименным названием. И.А. Дмитриева в своей диссертации о белградской атмосфере тех лет особо подчеркивает: «В Югославии условия сложились так, что литературной деятельностью занимались и студенты, и профессора, и инженеры и т.д. Они организовывали литературные кружки, вечера, где читали свои произведения, критиковали и хвалили друг друга. Слушателями были писатели и поэты, любители русского литературного творчества, образованные и необразованные»³.

В «Энциклопедии русского зарубежья» «Литературная среда» характеризуется как «самое крупное и известное литературное объединение Югославии».⁴ Создано оно было в Белграде в октябре 1934 году историком

¹ См. нашу статью: Меркулова (Бобылева) И.А. Скаутская песня В.Л. Гальского (литературоведческие наблюдения) // Афонинские чтения: Сб. мат-лов научн. конф-ции. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2013. С. 82–85.

² Полчанинов Р.В. Неизвестная песня поэта В.Л. Гальского // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2004. № 36 (93) октябрь. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.scouts.ru/library/13035> (Дата обращения: 20.06.2019)

³ Дмитриева И.А. Русская литературная диаспора в славянских странах (Чехословакии, Югославии, Болгарии) в 20-30 годы XX века: дис. ... канд. истор. наук. Рязань, 2005. С. 135.

⁴ Энциклопедия русского зарубежья... Т.2. С. 216.

литературы, поэтом и переводчиком И.Н. Голенищевым-Кутузовым «по образцу парижских литературных кружков, а также московской "Среды" Н.Д. Телешова». Участниками объединения, кроме самого В. Гальского, были молодые поэты Е.М. Кискевич и Е.Л. Таубер, прозаик М.Д. Иванников, режиссер Народного театра в Белграде Ю.Л. Ракитин, поэт, прозаик и литературный критик А.Н. Неймирок, драматург, поэт, литературный и театральный критик Ю.В. Офросимов (Росимов), драматург, актер и поэт В.В. Хомицкий (Вячеславский), историк литературы К.Ф. Тарановский и др. «Заседания "Литературной среды" проходили по средам в помещении, в котором размещался Союз русских писателей и журналистов в Югославии, в Русском доме имени Императора Николая II. На заседаниях читали стихи, рефераты, прозаические произведения, отрывки из пьес. Проводились обсуждения новых книг, выходящих в России и в эмиграции»¹.

Высокую оценку деятельности этого общества дают все современные исследователи. Так, Е.А. Бондарева считает, что «белградская "Литературная Среда" не стояла в стороне от основных направлений культурной жизни зарубежья, участием в крупнейших изданиях с критическими статьями и с собственным творчеством не только ее президент – Голенищев-Кутузов, но и другие участники заявляли о собственном видении задач русской литературы, основных тенденциях ее развития»².

У членов «Литературной среды» был авторитетный наставник – Евгений Васильевич Аничков (1866–1937), «бывший профессор Петербургского университета, ученый с мировым именем, трудившийся в филиале Белградского университета в г. Скопье»³, памяти которого

¹ Там же.

² Бондарева Е.А. Русская государственность в трудах историков зарубежья / Авт.-сост. Е.А. Бондарева. М., 2012. С. 47.

³ Шешкен А.Г. «Русский след» в истории сербской литературы и критики 20–30-х гг. XX века (к вопросу о роли русской эмиграции в культурной жизни Сербии) // Филологические заметки. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 44

В. Гальской посвятил стихотворение, начинавшееся знаменательными строчками:

Порой аскет, порой эпикурец,
По пустякам растративший талант,
Ты был всеискушенный европеец,
Российский дворянин и дилетант.[69]¹

Не в последнюю очередь трудами Е.В. Аничкова в белградской диаспоре культивировалось исключительное внимание к наследию русской поэзии серебряного века. А.Г. Шешкен отмечает «важность символизма для поэтов русского зарубежья, в том числе для молодых авторов "русского Белграда"», что, в частности выразилось в том, что «кружок "Литературная среда" и сборник под таким же названием получили свое имя в знак уважения к весьма авторитетному в эмигрантской среде Вяч. Иванову»².

В «Библиографическом перечне изданий "Русская поэзия Югославии"», составленном А.Б. Арсеньевым, датой выхода сборника «Литературная среда» указан 1935 год³. Свое предположение по этому поводу высказал К.В. Гальской, сын поэта: «Этот сборник поименован первым, но второй никогда не вышел. На обложке стоит 1936 год, а на титульном листе – 1935. В моем экземпляре есть дарственная надпись моего отца своим племянникам: "Дорогим Мурке и Тике (Марии и Николаю Жедринским – К.Г.) на память от Володя (Владимира Гальского – И.Б.), 3 июля 1936, Белград". Так как трудно себе представить, что отец ждал год, чтобы подарить сборник, в котором были впервые напечатаны его стихи, я

¹ Здесь и далее в квадратных скобках даются номера страниц по изданию: Гальской В.Л. Путь усталости / Сост. и автор вступ. ст. Гальской К.В. Вологда: Грифон, 1992.

² Шешкен А.Г. «Русский след» в истории сербской литературы и критики 20–30-х гг. XX века... С. 114.

³ Джурич О. Антология поэзии русского Белграда. Русско-сербское издание. Сост., перевод, предисл. и биографические справки: Остоя Джурич; библиография: Алексей Арсеньев. Белград: Zepher Book World, 2002. С. 176.

считаю, что 1936 год соответствует реальной дате выхода в свет "Литературной среды"»¹.

В книге известной поэтессы русского Зарубежья Лидии Алексеевны Девель (в замужестве Иванниковой, псевдоним – Алексеева) «Горькое счастье», в примечаниях есть раздел «Из воспоминаний о Белграде», где она пишет: «Было у нас четыре литературных кружка или общества, все очень разные, и во всех я участвовала. <...> Третий кружок был много солиднее, назывался "Литературная Среда", и собирался по средам в одной из аудиторий народного университета им. Коларца. <...> Этот кружок издал тоненький альманах "Литературная Среда", который так и остался номером первым»².

По мнению Е.А. Бондаревой, сборник «Литературная Среда» – это «не только лучшее свидетельство позиций и достижений участников кружка, но и наиболее ценное в наследии литературного Белграда»³.

В предисловии к книге «Путь усталости» К.В. Гальской отмечал: «Во втором номере выходящего в Париже «Русского временника» в 1938 году появилась рецензия Алексея Бекчеева (псевдоним Юрия Бек-Софиева) на этот сборник».⁴ Вспоминая о семействе Гальских в биографических заметках «Разрозненные страницы», автор, Юрий Софиев писал о своем давнем отзыве на стихи В.Л. Гальского: «Впоследствии из Володи выработался неплохой, талантливый даже поэт я как-то написал даже хвалебную статейку о его напечатанных в каком-то сборнике стихах»⁵.

В целом же рецензия Софиева носила довольно резкий характер. Причины того, что лишь «очень немногие стихи в нем возвышаются над

¹ Гальской В.Л. Путь усталости / Сост. и автор вступ. ст. Гальской К.В. Вологда: Грифон, 1992. С. 16.

² Алексеева Л. Из воспоминаний о Белграде // Русский Альманах. Сост. Зинаида Шаховская, Ренэ Герра, Евгений Терновский. Париж, 1981. С. 367–368;

³ Бондарева Е.А. Русская государственность в трудах историков зарубежья... С. 48

⁴ Гальской К.В. Вступительное слово // Гальской В.Л. Путь усталости... С. 16.

⁵ Софиев Ю.Б. Синий дым: Стихи и проза / Предисл. и сост. Н. Чернова. Алматы: Б.и., 2013. С. 157.

уровнем средней литературной грамотности», критик видел в отсутствии литературной школы: «...в Белграде не было и нет крупных литературных сил. Литературному молодняку не у кого учиться. Нет ни критиков, ни поэтов, в общении с которыми можно бы выправлять и развивать свой вкус. Молодые поэты предоставлены в Белграде самим себе»¹.

При этом, отмечая в характеристике стихотворений В. Гальского «недоработки» («суетное стремление к метафоре», «случайные и неточные эпитеты», «неточные образы, вызывающие «комическое впечатление»), Софиев называет их «лучшими стихами в сборнике», «свидетельством о подлинной поэзии»: «...в стихах у Гальского есть то, что заставляет отнестись к нему с большим вниманием. У него есть свой голос. Своя мелодия, с очень грустными подлинно лирическими интонациями. Есть в его стихах благородная простота и ясность. Его стихи «доходят» и убеждают. Они запоминаются. После них остается какой-то очень теплый, очень грустный лирический след»². По мнению О.Е. Денисовой, «в поэзии Гальского критик, являвшийся последователем творческих заветов Н.С. Гумилева, отчетливо увидел продолжение традиций акмеизма»³.

Стихотворениями В.Л. Гальского сборник «Литературная среда» открывался.⁴ Соавторами его по сборнику являлись прославившиеся в будущем И.Н. Голенищев-Кутузов, А.П. Дураков, А.Н. Неймирок, Е.Л. Таубер и другие молодые литераторы, «из числа которых в историю литературной диаспоры вошло имя Лидии Девель (Алексеевой)»⁵.

В «Литературной среде» представлены, пожалуй, самые проникновенные ранние стихотворения В. Гальского: «Бабье лето», в

¹ Бекчеев А. (Софиев Ю.Б.) Литературная среда. Сборник белградских поэтов // Русский временник. Париж, 1938. № 2. С. 94

² Там же. С. 96.

³ Денисова О.Е. Юрий Софиев о поэзии русского зарубежья // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т.5. Орел: изд-во Орловского гос. ун-та; изд-во Вешние воды, 2009. С. 140–144.

⁴ Структура книги основывалась на алфавитном принципе расположения фамилий литераторов.

⁵ Бондарева Е.А. Русская государственность в трудах историков зарубежья... С. 46

котором обнаруживаются пушкинские реминисценции в описаниях ранней осени – распространенного мотива в лирике поэта-эмигранта; посвящение «Княжне Вере (Владимировне) Голицыной», повествующее о перипетиях неразделенной любви.

Мотив памяти звучит в стихотворении «В тесном скверике косили травы...», посвященном И. Голенищеву-Кутузову. Его текст не вошел в книгу Гальского «Путь усталости» и был опубликован только позже. Лирический сюжет стихотворения строится на воспоминаниях о далекой Родине и беззаботном детстве. Минувшее слито здесь с настоящим: ностальгическая горечь отражается на сложном медитативном восприятии окружающего мира, что подчеркивается звуковой урегулированностью стиха и его особой внутренней музыкальностью, в которой ощущается энергетика потенциального взрыва:

Рвался ввысь бессильный взлет фонтана.
Осыпаясь бисерной водой,
И сияло небо, словно рана,
Заплывая ветреной зарей.

И казалось – в этой узкой щели,
Между стен бетонной наготой,
Дряхлый Пан заплакал на свирели
В этот вечер пыльно-золотой¹.

Написанное, как и упомянутые ранее тексты, 5-ст. хореем, это стихотворение образует с ними своеобразный лермонтовский² хорейский комплекс, который, по мнению Р.О. Якобсона, определяется как «цикл

¹ Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 15.

² См. Ковалева Т.В. «Лермонтовский цикл» в ранней лирике И.А. Бунина: к вопросу о семантическом ореоле пятистопного хоря // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 188–191.

лирических раздумий, переплетающих динамическую тему пути в скорбно-статические одиночества, разочарования и предстоящей гибели»¹.

Наконец, последнее стихотворение из этой подборки – «Где темно-бурые листья каштана...» – хотя и написано 5-ст. ямбом, неожиданно оказывается довольно близко к отмеченному семантическому комплексу своей общей ностальгической тональностью: на пыльном перекрестке в железном караване машин лирический герой, как и герой лермонтовского «Сна», одного из самых inferнальных произведений русской литературы², ощущает «далекой жизни тусклое мерцанье». Тема тотального одиночества и неприкаянности, разорванности человеческого бытия сочетается здесь с кодексом романтической личности, которую Ю.М. Лотман определял как особый тип художественного характера: «Главными чертами романтического героя были одиночество, разочарованность, "равнодушие к жизни и к ее наслаждениям", "преждевременная старость души", которые сделались "отличительными чертами молодежи 19-го века"»³.

В прорезах сумрачных холодных окон
Шевелятся беззвучной речью губы,
Лучом случайным вспыхнет чей-то локон,
Зажгутся глаз неведомые глубины.

Хочу узнать, куда их путь уносит?
Хочу кричать, чтобы остановились,
Но сам для них я только бледный отсвет
В холодной дымке подорожной пыли⁴.

Романтическая эстетика, сконцентрированная в этом стихотворении, вызывает устойчивые ассоциации с творчеством близкого друга и соратника Гальского по «Литературной среде» И.Н. Голенищева-Кутузова и объединяет, по мнению А.Г. Шешкен, многие эмигрантские стихотворения,

¹ Jakobson R. Selected writings. Vol. 5: On verse, its masters and explorers. The Hague, 1979. С. 465–466

² См.: Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. С. 378–415.

³ Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 59.

⁴ Литературная среда. Белград, 1935/1936. [Вып.]1. С. 8.

«содержащие раздумья о судьбе России, об изгнанниках, размышления о переключке времен, о душе поэта, во все времена раздираемой мучительными сомнениями, поисками абсолютной истины и совершенства. "Родовую стихию", родовую тоску в стихах И.Н. Голенищева-Кутузова можно соотнести с восходящей к романтизму "мировой скорбью"»¹.

1.2. ПАРИЖСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В.Л.ГАЛЬСКОГО

Важным этапом творческой биографии В.Л. Гальского стали его поездки во Францию и публикации в известных парижских эмигрантских изданиях.

В 1930 годах, когда в Германии начался экономический кризис, а в Сербии – процесс реформации государственности, центр русской эмиграции окончательно переместился в Париж, который тогда называли «столицей Русского Зарубежья»². В тот период во Францию переехало много видных деятелей русской культуры. По мнению Э.С. Даниелян, «Париж и ранее был политическим центром русской эмиграции, теперь он становится и литературной столицей русского Зарубежья. Здесь живут Бунин, Куприн, Мережковский, Гиппиус, Ремизов, Зайцев, Ходасевич, Георгий Иванов, Тэффи и многие другие поэты, прозаики, критики и публицисты»³.

«В середине 20-х – начале 30-х годов XX века во французской столице, как отмечает О.Е. Денисова, – шла интенсивная культурная и политическая жизнь. Практически все русские эмигранты в Париже объединялись во всевозможные союзы и общественные объединения: Академический союз,

¹ Шешкен А.Г. Белград – центр русской эмиграции на Балканах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=925> (Дата обращения: 20.06.2019)

² Скрыбина Т. Литература русского зарубежья // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/LITERATURA_RUSSKOGO_ZA_RUBEZHNYA.html?page=0,2 (Дата обращения: 20.06.2019)

³ Даниелян Э.С. Литература Русского Зарубежья (1920–1940). Ереван: Лингва, 2005. С. 7.

религиозно-философский союз, "Общество друзей русской книги" (1925–1938), "Общество русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры" (ОРСИУСК, 1922–1929), "Кружок казаков-литераторов" (1937–1940) и др., которые занимались социально-культурной и воспитательно-просветительской деятельностью. Множество литературно-художественных объединений и кружков было создано по всей Франции: в Ницце, Марселе, Лионе и т.д.»¹.

Совершенно не удивительно поэтому, что эмигрантская молодежь, особенно начинающие писатели, стремились причаститься к символу русской культуры в изгнании. Кроме того, не последнюю роль в этом играло то обстоятельство, что в Париже действовали практически все крупные русские издательства: «Литературная периодика русского Парижа в 1920–1930-е гг. насчитывала несколько сотен наименований газет и журналов. Были среди них массовые и элитарные, тонкие и толстые, строго партийные и принципиально аполитичные, монархические и демократические, воинствующе антибольшевистские и почти просоветские, обращенные к прошлому и целиком посвященные современности, подпитываемые солидными меценатами и державшиеся на голом энтузиазме основателей, яркие однодневки и почтенные долгожители. По разнообразию палитры картина уступала лишь довоенным Москве и Петербургу. Своим положением столицы в истории русской литературной эмиграции первой волны Париж обязан, прежде всего, крупнейшим газетам и журналам, таким, как "Последние новости" и "Возрождение", "Современные записки" и "Числа"»².

Во второй половине 1930-х годов В.Л. Гальской посетил Париж, где встретился с давним знакомым Юрием Софиевым и познакомился с его женой Ириной Кнорринг. Результатом этого общения стало стихотворение

¹ Денисова О.Е. Жизнь и творчество Ю.Б. Софиева: историко-литературный аспект... С. 12.

² Буслакова Т.П. Русский Париж глазами современников (предисловие) // Русский Париж / Сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 6.

«Париж», в котором отразились непосредственные впечатления от литературной столицы Русского Зарубежья.

Ты не стареешь вместе с нами,
 Неувядающий Париж,
 Над промелькнувшими веками
 Ты вечным призраком паришь¹.

Опубликованное только в 1947 году в сборнике «Стихи» (Мюнхен), это стихотворение содержит в себе очень много парижских реалий того времени и в то же время философских размышлений о судьбах эмиграции.

Об этой встрече в Париже сохранились воспоминания Ю.Б. Софиева: «Сидели на Монпарнасе, много читали стихов, много беседовали, и, откровенно говоря, я был огорчен тем, что белградская среда все-таки повлияла на Володю дурно: он стал писать какие-то лирические всхлипы, сожалея об утраченном дворянстве, и я понял, что мы очень разошлись друг от друга»².

В 1938 году В.Л. Гальской, очевидно, не без помощи парижских друзей напечатал в журнале «Русские записки» стихотворение «Не проклиняйте нас, отцы и деды...», которое позже вошло в состав поэмы «Бездорожье», изображающей сложные отношения «отцов» и «детей», обусловленные трагическими историко-социальными событиями XX столетия³. Во фрагменте, помещенном в журнале, еще отсутствует эпиграф из знаменитого блоковского посвящения З.Н. Гиппиус, подчеркивавший поколенческий аспект проблемы:

Рожденные в года глухие
 Пути не помнят своего.
 Мы, дети страшных лет России,
 Забыть не в силах ничего.

¹ Стихи. Мюнхен, 1947. С. 32.

² Софиев Ю.Б. Синий дым... С. 157.

³ Тюрин Г.А. Идеалы прошлого и «иная память» В.Л. Гальского в историко-биографическом контексте // Литература XX – XXI веков: Исследования. Наблюдения. Публикации. Орел: Картуш, 2002. С. 55.

Не менее значима для понимания творческой эволюции начинающего поэта и публикация в журнале «Русские записки» (Шанхай, Париж; 1937–1939). С 4-го номера журнал начал выходить ежемесячно под редакцией П.Н. Милюкова в Париже. В редакционной статье журнала отмечалось: «Мы <...> не отказываемся от нашего первого долга: служения русскому слову, придушенному на родине, и только здесь – в рассеянии всех пяти частей света – обретшему насущный для нас воздух свободы»¹.

Струве отмечал: «...к концу 30-х годов возникает в Зарубежье второй толстый журнал – "Русские записки", но возникает не как оппозиция "Современным запискам", а как их почти что двойник»². По мнению критика, «Главная разница между "Русскими записками" и "Современными записками" была в том, что новый журнал выходил гораздо чаще и довольно регулярно, а потому имел возможность более непосредственно откликаться на политические события, за быстрым ходом которых, однако, и ежемесячному журналу нелегко было угнаться. Кроме того, благодаря редактированию П.Н. Милюкова, "Русские записки" носили явно более "позитивистский" характер»³.

Тенденции синтетизма в стратегии журнала были невысоко оценены некоторыми критиками. Так, издатель и главный редактор газеты «Меч», а по совместительству критик и литературовед первой волны эмиграции Л.Н. Гомолицкий, писал в своем обзоре, посвященном журналу: «По размерам "Русские Записки" толще "Современных", однако материал в журнале менее разнообразен. Читателю здесь предоставляется главным образом статейный материал»⁴.

¹ Русские записки 1937 № 1. С. 5.

² Струве Г.П. Русская литература в изгнании... С. 138. Р. Гуль тоже называл «Русские записки» «вторым "толстым" журналом» с подчеркнутой «секулярностью». Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. В 3 т. СПб.: Б.С.Г. – Пресс, 2001. Т. 2. Ч. 2.

³ Струве Г.П. Русская литература в изгнании... С. 165.

⁴ Николаев Г. [Гомолицкий Л.Н.] «Русские записки» [№ 1] // Меч. 1937. № 32 (168). 22 августа. С. 6.

Критическое отношение к «Русским запискам», возможно, отразилось и на анализе поэтической продукции, помещенной в них. Так, Л.Н. Гомолицкий явно иронизирует над поэтическим разделом №1, отмечая романтический пафос в «Поэме о дубе» Ант. Ладинского, романсы Довида Кнута, «бледные и многословные» стихи Ю. Софиева и т.д.

Стихотворение В.Л. Гальского попало под прицел парижской критики в том же 1938 году. В парижской газете «Бодрость» (Париж. 1934–1940) была опубликована критическая рецензия К.С. Елита-Вильчковского, регулярно критиковавшего выпуски «Русских записок», в которой автор весьма нелестно отзывался о художественном разделе журнала: «Надо думать, что "Русские записки" стремятся содействовать выдвижению новых, еще неизвестных талантов, печатая стихи, появление которых в "толстом журнале" должно придать храбрость самым конфузливим поэтам. Иначе трудно было бы объяснить наличие в последнем номере "Русских записок" таких вовсе слабых произведений, как стихи Владимира Гальского и Бориса Смагина. Уровень в данном случае не соблюден никакой: ни поэтический, ни грамматический (у В. Гальского). Интересны такого рода стихи лишь с точки зрения психологической: мысли высказаны здравые и в мажорном тоне. В эмиграции это не совсем привычно. Если, как мы предполагаем, стихи принадлежат совсем молодым людям, – то это признак утешительный. Впрочем, по отделу поэтическому о всей книжке судить не следует. Для "Русских записок" неровность содержания типична. Вещи более чем посредственные чередуются с вещами высокого класса...»¹.

В поэтическом отделе журнала наряду с произведениями маститых авторов публиковались стихи молодых поэтов: Ант. Ладинского, Д. Кнута, Арс. Несмелова, В. Мамченко, Ю. Мандельштама, Л. Гроссе, Б. Смагина, З. Шаховской, Ю. Терапиано, А. Штейгера, Ю. Софиева. Последний вспоминал об этом так: «Приблизительно в эти же довоенные годы "левым"

¹ Елита-Вильчковский К. Русские записки. № VIII–IX (август–сентябрь 1938 г.) // Бодрость. 1938. 18 сентября. № 192. С. 3.

сектором литераторов нашего поколения в тесном сотрудничестве с И.И. Бунаковым-Фундаминским, одним из редакторов журнала "Современные Записки" и журнала "Русские Записки", – мы собирались у него на квартире, – был организован литературно-общественно-политический кружок "Круг" с резко антифашистской направленностью. Благодаря организационной энергии и материальной поддержке И.И. Бунакова кружок стал выпускать периодический альманах "Круг"¹. Возможно, что Гальской принимал участие в заседаниях «Круга», который, по справедливому наблюдению В.С. Яновского, был «последней эмигрантской попыткой оправдать вопреки всему русскую культуру, утвердить ее в сознании как европейскую, христианскую, родственную Западу»².

Вот так за счет посещений «литературной столицы русской эмиграции и публикаций в ведущих журналах начинающий «белградский» писатель В.Л. Гальской постепенно входил в «столичную» (парижскую) эмигрантскую среду. Однако этот процесс был прерван войной.

1.3. ДИПИЙСКИЙ ПЕРИОД

В начале Второй мировой войны В.Л. Гальской оказался в Берлине, а потом – в Вольфсбурге. Согласно архивным данным, летом 1941 года «при посредничестве биржи труда В. Гальской переехал в Германию»³. Именно во второй половине 1940-х годов творчество поэта оказывается связанным с так называемой «дипийской» литературой⁴. Феномен этот изучен еще очень

¹ Софиев Ю.Б. Синий дым... С. 213.

² Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. М.: Изд-во: Редакция Елены Шубиной, 2012. С. 147–148.

³ Московский архив: историко-краеведческий альманах. М.: Мосгорархив, 1996. С. 50.

⁴ Аббревиатурой DP, произносившейся по русски «ди-пи» обозначали после Второй мировой войны «перемещенное лицо» («displaced person»). В период с 1945 по 1951 гг. антигитлеровской коалицией были созданы национальные лагеря для русских, которые находились на территориях Германии и Австрии. Согласно подсчетам Р. Полчанинова, со времени окончания войны и до июня 1948 года вышло порядка 800 названий книг.

плохо¹ ввиду того обстоятельства, что «вся печатная продукция периода ДИ-ПИ была издана исключительно в больших и маленьких городах Германии и Австрии <...> на плохой бумаге мизерными тиражами»².

Деятели второй волны русской эмиграции даже в сложных условиях послевоенного быта сумели наладить издательскую деятельность и даже выпустили несколько литературно-художественных сборников, в которых публиковался и В.Л. Гальской. Так, отрывок из его поэмы «Бездорожье» (1936 г.) вошел в «Походный сборник. Десять первых», изданный в 1945 году в лагере для «перемещенных лиц» Менхенгоф. Он был посвящен памяти Кирилла Дмитриевича Вергуна, одного из основателей «Национального союза русской молодежи» (НСРМ), погибшего 17 апреля 1945 года в Пильзене при англо-американской бомбардировке³.

В сборнике опубликованы вперемежку стихотворения десяти русских и советских поэтов, посвященные теме России и войны: К. Симонова, А. Сиверского, Г. Полошкина, Н. Туроверова, С. Есенина, А. Блока, Ф.И. Тютчева, М. Волошина, Н. Гумилева. В этом окружении оказывается и отрывок из поэмы В. Гальского, отличающийся от стихотворения, опубликованного в «Русских записках» объемом (сокращена последняя строфа с ударной строкой «Но вне Руси нам места в мире нет») и незначительной пунктуационно-лексической правкой текста.⁴ И это особенно показательно в контексте того обстоятельства, что во всех произведениях, помещенных в сборник, наблюдается высокая частотность употребления лексем, обозначающих разные компоненты концепта «Родина»: Русь, Родина, страна, родной край, Дом, селенья и др.

(Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья: воспоминания, 1941–1951. М.; Посев, 2009).

¹ См. полемику между П.Н. Базановым и М.Е. Юппом в журнале «Библиография».

² Юпп М.Е. Библиографическая путаница // Библиография. 2008. № 6. С. 79–82

³ См.: Посев. 1995. № 6. С. 105.

⁴ Походный сборник: десять первых: [посвящается светлой памяти Кирилла Дмитриевича Вергуна]. Менхенгоф: Посев, 1945. С. 8

По свидетельству Л.С. Оболенской-Флам, в школах лагерей Ди-Пи происходило «приобщение к русской культуре»: «...с 1946 года то тут, то там стали появляться сперва ротаторные, а позже типографским способом напечатанные книги. Первыми, ротаторными, изданиями были школьные пособия»¹. По свидетельству Т.А. Котовой, «в тяжелых условиях лагерей ДиПи русскими энтузиастами было основано примерно 50 издательств. Из наиболее известных были «Златоуст», «Эстет», «Прометей», «Медный всадник», «Копейка», «Н. Парамонова», «Родник», «Родина» и другие»². Особенное место в этом ряду занимало издательство «Посев», учрежденное в Германии российскими эмигрантами из Народно-трудового союза и выпускающее книги (в том числе художественную литературу) на русском языке, а также журналы «Посев» и «Грани». Именно в последнем были опубликованы стихотворение «Мохач»³ В. Гальского и его же поэма «Наполеон»⁴.

«Грани» считается первым литературно-художественным и общественно-политическим журналом второй эмиграции. В своеобразном манифесте, открывающем первый номер, раскрывается смысл названия этого издания: «Легко и радостно жить тому, кто ищет в другом хорошее, ищет и находит. Исканиями своими он помогает тем, в ком ищет раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он, прежде всего, в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию»⁵. «Грани» сыграли существенную роль в сближении культуры первой и второй «волн»

¹ Оболенская-Флам Л.С. Времена «дипийские» // «Наставникам, хранившим юность нашу...»: Памяти тех, кто посвятил себя формированию молодого поколения российских беженцев в послевоенной Германии и Австрии. М.: Б.и., 2012. С. 27-28. Дело не ограничивалось только этим. Так, например, в лагере Шлайсхайм под Мюнхеном в июне 1949 года торжественно отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина. С чтением своих стихов выступали Иван Елагин, Ольга Анстей, Александр Неймирок, Владимир Гальской и другие поэты.

² Котова Т.А. Повседневная жизнь в европейских лагерях для перемещенных лиц в 1945-1952 гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2018. С. 139.

³ См.: Грани. Мюнхен, 1946. № 2. С. 11.

⁴ См.: Грани. Мюнхен, 1947. № 3. С. 16.

⁵ Романов Е. Вместо программной статьи // Грани. 1946. № 1. Июль. С. 2

русской эмиграции. В этом периодическом издании печатались произведения Б. Алексеева, И. Савина, Р. Редлих, И. Савич, И. Сургучева, Н. Туроверова и других писателей.

Вячеслав Завалишин в статье «Четверть века журнала "Грани"» обозначал три периода его развития. Первый – «период собирания литературных сил», но «не все из того, что было помещено в первых номерах «Граней», выдержало испытание временем и оказалось художественно ценным». Тогда в нем начинал свою литературную карьеру Иван Елагин – «автор стихотворных сборников, доставивших ему заслуженную репутацию одного из самых выдающихся русских зарубежных поэтов»¹, а также Николай Моршен, Ольга Анстей, Олег Ильинский, Лидия Алексеева, а позже – Иван Буркин, Ираида Легкая и другие авторы. Если в первом периоде «упор делался на перемещенных лиц, то во втором периоде "Грани" принялись налаживать контакты с предвоенной зарубежной литературой»². В. Завалишин считает особой заслугой журнала перед российской историей в том, что он «дал представление о России как о стране противоположностей и <...> о соотношении света и теней в искусстве современной России»³.

Публикации в «Гранях» были важны для В. Гальского своим уклоном в историческую тематику. В отрывках из неоконченной поэмы «Наполеон», посвященной С. Гертельману, противопоставляются личности двух выдающихся полководцев – Наполеона и Кутузова⁴, что вызывает устойчивые ассоциации с «Войной и миром» Л.Н. Толстого. В изображении В. Гальского Наполеон представлен как самонадеянный политик, уверенный в своей непогрешимости и исторической правоте. С большой долей вероятности можно говорить о том, что трактовка этого образа, чрезвычайно актуального среди русских эмигрантов в контексте Второй мировой и

¹ Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под ред. Н. Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург, 1972. С. 301–303

² Там же. С. 304

³ Там же. С. 307

⁴ Грани .1947. № 3. С. 16.

Великой Отечественной войн, почерпнута поэтом из знаменитого романа-эпопеи, а также из произведений русской классической поэзии:

«Наполеон»	«Война и мир»
Как пешками, играя королями,	«29-го мая Наполеон выехал из Дрездена, где он пробыл три недели, окруженный двором, составленным из принцев, герцогов, королей и даже одного императора. Наполеон перед отъездом обласкал принцев, королей и императора, которые того заслуживали, побранил королей и принцев, которыми он был не вполне доволен, одарил своими собственными, то есть взятыми у других королей, жемчугами и бриллиантами императрицу австрийскую и, нежно обняв императрицу Марию-Луизу». «Война и мир». Т.3. Ч.1.
Ребенку подаривши римский трон,	«Roi de Rome, – сказал он, грациозным жестом руки указывая на портрет. – Admirable!– Он чувствовал, что то, что он скажет и сделает теперь, – есть история. И ему казалось, что лучшее, что он может сделать теперь, – это то, чтобы он с своим величием, вследствие которого сын его в бильбоке играл земным шаром, чтобы он выказал, в противоположность этого величия, самую простую отеческую нежность». «Война и мир». Т.3. Ч.2.
Кружа орлом над бранными полями,	«Страшный вид поля сражения, покрытого трупами и ранеными, в соединении с тяжестью головы и с известиями об убитых и раненых двадцати знакомых генералах и с сознанием бессильности своей прежде сильной руки произвели неожиданное впечатление на Наполеона, который обыкновенно любил рассматривать убитых и раненых, испытывая тем свою душевную силу». «Война и мир». Т.3. Ч.2.
Империю ковал Наполеон.	«В уме губителя теснились мрачны думы, / Он новую в мечтах Европе цепь ковал». А.С. Пушкин «Наполеон на Эльбе» (1815)
Обрызганную кровью Термидора	
Он над Европой мантию простер.	
Враги вчерашние согласным хором,	
Угодливо кричали: Vive l'Empereur.	Войска знали о присутствии императора, искали его глазами, и, когда находили на горе перед палаткой отделившуюся от свиты фигуру в сюртуке и шляпе, они кидали вверх шапки, кричали: «Vive l'Empereur!»... «Война и мир». Т.3. Ч.1.
Но лезть рабов он принимал устало,	«...непрестанно оглушаемый восторженными криками, которые он, очевидно, переносил

	только потому, что нельзя было запретить им криками этими выражать свою любовь к нему; но крики эти, сопутствующие ему везде, тяготили его и отвлекали его от военной заботы...» «Война и мир». Т.3. Ч.1.
Его душа, рожденная в борьбе, Мучительно и тягостно мечтала О варварской таинственной стране.	«Эта Moscou не давала покоя воображению Наполеона...» «Война и мир». Т.3. Ч.2. «Москва, азиатская столица этой великой империи, священный город народов Александра». «Война и мир». Т.3. Ч.2.
В июльский зной переступив границу,	«13-го июня Наполеону подали небольшую чистокровную арабскую лошадь, и он сел и поехал галопом к одному из мостов через Неман». «Война и мир». Т.3. Ч.1.
Движеньем пухлой холеной руки Он двинул на российскую столицу Непобедимой армии полки.	«Бонапарте между тем стал снимать перчатку с белой маленькой руки и, разорвав ее, бросил... Наполеон чуть повернул голову назад и отвел назад свою маленькую пухлую ручку, как будто желая взять что-то... Маленькая белая рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева». «Война и мир». Т.2. Ч.2.

В этой исторической панораме встречается только одна неточность – определение времени наступления «непобедимой армии», которое началось не в июле, а в июне 1812 года. Причем, наступление велось в трех направлениях (Север – Санкт-Петербург, Центр – Москва, Юг – Черное море), из которых главным было московское. Именно на этом направлении произошли основные сражения, и частности – Бородинское.

Вторая часть диптиха посвящена такому же исторически обобщенному описанию одному из самых трагических моментов Отечественной войны 1812 года: отступлению после Бородинского сражения русских войск под командованием Кутузова за Москву, оставлению древней столицы жителями, московскому пожару и началу партизанского движения. В отличие от предыдущего отрывка этот заполнен описаниями, не имеющими прямых образных аналогий с романом Л.Н. Толстого, за исключением описания ночи на Бородинском поле в первой строфе и ожидания Наполеоном московской делегации с ключами от Кремля в четвертой строфе, что вызывает прямые ассоциации и со знаменитым пушкинским описанием («Напрасно ждал Наполеон, / Москвы коленапреклоненной / С ключами старого Кремля...»)

«Евгений Онегин», Глава VII), но при этом создаваемый Гальским образ «народной войны» вполне соответствует главной идее великого русского писателя. Не случайно, что часть отрывка посвящена образу не называемого по имени «кривого фельдмаршала» с седой головой, как бы едущего в коляске от Бородина в деревню Фили¹. Ему противопоставлен образ «привычного к лести, ненасытного к славе» Наполеона, который «Там в эту ночь у городской заставы / Московских ждал ключей... / Ждал до зари, но не дождался он».

Нельзя не отметить, что в двух фрагментах этой неоконченной поэмы явно прослеживается желание автора переосмыслить феномен связи времен, своеобразно преломившийся в судьбе его рода. Как известно, мать В.Л. Гальского – Александра Владимировна Гальская, урожденная Багговут (1874 – 1966), – «происходила из древнего норвежско-шведско-эстляндского дворянского рода Багговутов, издавна обосновавшегося в России и сыгравшего заметную роль в отечественной истории»². Исторической эту фамилию сделали российские генералы: Карл Федорович Багговут, сподвижник Суворова и Багратиона, погибший в 1812 году (его портрет висит в Военной галерее Зимнего дворца), и Александр Федорович Багговут, отличившийся во время войны на Кавказе. В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона этому роду посвящена статья, в которой упоминается, что «при нашествии Наполеона на Россию, Багговут

¹ Возможно, что такая типология образа была подсказана Гальскому не только эпосом Толстого, но и уникальным изданием «Анекдоты, или Достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском. Начиная с первых лет его службы до кончины, с приобщением некоторых его писем, достопамятных его речей и приказов» ([В 2-х ч.] СПб: В Морской типографии, 1814) или даже еще более известной книгой Ф.М. Синельникова «Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала, князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, с достоверным описанием частной или домашней его жизни от самого рождения до славной его кончины и погребения и с присовокуплением анекдотов, где виден дух сего великого мужа и спасителя отечества, с верным и сходственным его портретом, с картинами и планами сражений» (В 6 ч. СПб.: в Морской тип., 1813. Ч. 3.).

² Тюрин Г.А. К истории рода Багговутов // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 4. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2007. С. 50.

командовал 2-м пехотным корпусом в армии Баркляя-де-Толли, и за Бородинское сражение награжден орденом Св. Александра Невского, но знаки и грамота на орден этот уже не застали его в живых: в сражении под Тарутиным, 18 октября 1812 года, при самом начале обходного движения, он был поражен неприятельским ядром»¹. Упоминание о Багговутах встречается в «Энциклопедическом лексиконе»; более подробно история рода представлена в «Русском энциклопедическом словаре...» И.Н. Березина². 66 имен рода Багговутов отмечены в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» В.В. Руммеля и В.В. Голубцова³, из которых по мужской части большинство – военные, а ближайшие родственники – офицеры-артиллеристы⁴.

Исторический дискурс проявляется и в стихотворении «Мохач», в котором путем наложения двух планов изображения прошлого и современности создается историческая картина города, знаменитого двумя битвами, произошедшими в 1526 и в 1687 годах. В более поздней публикации этого произведения его тексту предпослана историческая справка: «Город Мохач находится в Венгрии, будучи расположен на правом берегу западного русла Дуная, раздел которого образуется болотистым островом Мохач или Марштта. Мохач знаменит двумя битвами: в первой турки разбили в 1526 году венгров; во второй же – Карл IV Лотарингский, командуя венгерскими и имперскими войсками, разбил в 1687 году на голову турок»⁵.

¹ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1801. Т. II-а. С. 648.

² Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И.Н. Березиным. СПб., 1873. Отдел 1. Т. III. С. 44.

³ Руммель, Витольд Владиславович (1855-1902). (Родословный сборник русских дворянских фамилий В 2 т. СПб.: А.С. Суворин, 1886 – 1887. Т. 1. 1886. С. 89–93).

⁴ Тюрин Г.А. К истории рода Багговутов... С. 51.

⁵ Необходимо отметить историческую неточность этой справки: в 1687 году турок под Мохачем разбил не Карл IV Лотарингский (1604-1675), а Карл V Лотарингский (1643–1690) и непосредственно – выдающийся полководец Великой Турецкой войны Евгений Савойский (1663–1736), командовавший венгерскими и австрийскими войсками.

Гальской намеренно использует в своих исторических описаниях трагическую эпоху, повлиявшую на судьбы всей Европы, чтобы контрастно изобразить современное незавидное состояние этого края. Причем композиционно картины современности как бы обрамляют исторический экскурс, подчеркивая новый статус провинциального городка:

Забывтый край, безлюдны берега,
И только вывеска над низким кровом
Досчатой пристани поблекшим словом
Название «Мохач» уберегла.
.....
Нагружен уголь, снова пароход
Скользит вдоль серой поросли ракиты,
И кажется далеким и забытым
Мохач, затерянный у тусклых вод¹.

Описание Мохачской битвы, окончившейся полным разгромом турками объединенного венгро-чешско-хорватскому войска и гибелью короля Лайоша II, последнего из династии Ягеллонов, занимает большую часть всего произведения и отличается нагнетанием трагических деталей:

Последняя стена. Разбита рать.
Тяжелый пар течет с реки волною,
Прохладною ковыльной целиною
Просторы Угрии поверженной лежат.
.....
В тумане липком куталась земля.
Не видели глаза обман болота,
И вечности бесшумные ворота
Открылись, принимая короля.

Разгром при Мохаче венгерской армии, оставшейся один на один с в несколько раз превосходящей и хорошо обученной армией турецкого султана, был началом турецкого вторжения в центральную Европу, а позорная смерть в болоте «затравленного» короля Лайоша II – началом

Сражение произошло 12 августа 1687 года на том самом месте, на котором турки одержали знаменитую победу 29 августа 1526 года.

¹ Грани. 1946. № 2. С. 11.

династической неразберихи и в итоге – гражданской войны. Можно с большой уверенностью говорить о том, что в этих исторических катаклизмах В.Л. Гальской видел прямую аналогию с судьбой постреволюционной России.

Историческая проблематика продолжена поэтом и в стихотворении «Бассиана», посвященном графу Адаму Оршичу-Славетичу, опубликованном в коллективном сборнике «Стихи» (Мюнхен, 1947), а позже – в журнале «Возрождение»¹, который «считался русским национальным органом печати, близким к православной церкви»². Само название, обозначающее древнеримский город, построенный на берегу Дуная, задает особенный образно-тематический вектор всему произведению, в котором за счет смешения картин прошлого и настоящего изображается эпоха раннего европейского средневековья, времени «великого переселения народов» в IV-V веках:

Но стройный хор былых великолепий
 Не прозвучит из кукурузных чащ.
 Ужели здесь державный Рим на степи
 Когда-то опустил багряный плащ?
 Молчит земля. Лишь имена и даты
 Еще хранит могильный мрамор плит,
 Где строй отточенный классической цитаты
 Рукою грубой варвара разбит³.

Определившее облик современной Европы движение варварских племен с востока и севера и их борьба с Римской империей должны были вызывать у читателя, по мысли В.Л. Гальского, неминуемые ассоциации с судьбой Российской империи, расколотой революцией надвое. Мир прошлого здесь изображается в возвышенном именовании «державного Рима», «Августов благочестивых», от которых остались только профили на старинных монетах и разбитый «могильный мрамор плит». Но, по мнению

¹ Возрождение. 1954. № 33. Май-июнь. С. 15.

² Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. С. 83.

³ Стихи. Мюнхен, 1947. С. 28.

автора, кроме этого есть что-то особенное, связывающее нищую сербскую провинцию с былым великолепием империи: колеса мельницы «гексаметром торжественным стучат», в красках осеннего заката угадывается отблеск «багряного плаща» римских императоров¹, а над развалинами древнего форума светит звезда богиня вечерней звезды Веспер. Возможно, что эти поэтические аллегории поэт адресовал и русским эмигрантам, пережившим крушение своей империи и не видящим выхода из исторического тупика. Доказательством этому может служить стихотворение «Элегия», также опубликованное в подборке В. Гальского для сборника «Стихи».

В нем есть такие проникновенные исповедальные строки, отражающие вечные сомнения изгнанника:

Я хочу полюбить этот душастый каменный город,
 Где я только пришлец из чужой непонятной страны,

 Иль уже до конца в этом мире расчетливой скуки
 Проживу и умру, как ненужный дворянский поэт,
 И весеннею ночью, под сонного города звуки,
 Я к виску своему, не спеша, поднесу пистолет².

Сборник «Стихи», называемый В.В. Агеносовым «подлинным поэтическим событием»³, сыграл особенную роль в истории дипийской литературы. Он был замечен русской диаспорой в Париже. И. Тхоржевский, рецензент газеты «Русская мысль», в статье «Поэзия за проволокой» дал высокую оценку сборнику⁴. Его упоминает в своей статье «Иван Елагин и русские художники Америки» и прошедшая лагеря Ди-Пи поэтесса, переводчик Валентина Алексеевна Синкевич: «В 1947 году в Мюнхене вышел замечательный поэтический сборник, незамысловато названный

¹ Одежду пурпурного цвета могли носить лишь императоры и полководцы-триумфаторы. См.: Словарь античности. М.: «Прогресс», 1989. С. 471.

² Стихи. Мюнхен, 1947. С. 31.

³ Агеносов В.В. Литература ди-пи: (к формированию второй волны русской эмиграции) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: литературоведение. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2001. С. 144–154.

⁴ Русская мысль. Париж, 1947. № 34. 6 декабря.

«Стихи». Обложку выполнил Бонгарт. В карандашном рисунке изображен пейзаж, должно быть немецкий, так как вдали виднеется шпиль готической кирхи, но чем-то, скорее всего настроением, этот карандашный пейзаж похож и на русский. В сборнике в алфавитном порядке представлены девять поэтов первой и второй эмиграции <...> Сейчас эта «дипийская» книжечка (всего 96 страниц!) является огромной библиографической ценностью и свидетельством неистребимой творческой энергии людей, вырванных из нормальных условий жизни, не знавших, «что день грядущий мне готовит», но не поддавшихся унынию, не опустивших руки, а продолжавших творить и надеяться на перемену судьбы, на лучшие времена и просто на более человеческие условия своего быта, в котором можно было бы спокойно жить и работать»¹.

В издание вошла большая подборка стихотворений В. Гальского: «Это было – в Брюсселе? В Париже?..», «Осень», «Черный город», «Бассиана», «Губ твоих румяных зрелый мед...», «Карусель», «Элегия», «Париж», «Все, что я называл искусством...»². Примечательно, что при подготовке поэтом будущей книги «Путь усталости» пять из девяти стихотворений, опубликованных в сборнике «Стихи», вошли во вторую часть книги, названную «Urbi et orbi», а четыре стихотворения, вышедших в «Литературной среде», включены в первую главу «Пути усталости». Это свидетельствует об особенном художественно-композиционном единстве публикаций 1930–1940-х годов.

В сборнике «Стихи» творчество В.Л. Гальского представлено в основном стихотворениями с трагической тематикой. Не случайно поэтому, что в одном из номеров 1947 мюнхенского журнала «Огни» появилась довольно резкая рецензия А. Черных на только опубликованный сборник «Стихи», в которой обвинил авторов в «потрясающе-замогильном

¹ Синкевич Валентина. Иван Елагин и русские художники Америки // Новый журнал. 2010. № 260. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/nj/2010/260/si21.html> (Дата обращения: 20.06.2019)

² Стихи. Мюнхен, 1947. С. 25–34.

пессимизме, такой безнадежности, что после эдакого чтения даже у самого бесшабашного оптимиста появится вдруг мысль: "А не повеситься ли?"»¹. Статья была эмоционально-критическим отзывом, в котором главными были не эстетические, а мировоззренческие (нравственно-психологические) проблемы эмигрантского сообщества. Именно потому в конце рецензии автор призывал дипийских поэтов «перебороть ощущение кажущейся беспросветности и найти в себе силы не только верить, но и вести за собой»².

Объектом критики А. Черных оказалось и творчество В. Гальского, которого он упрекал в «беспросветности», в «ощущении личной беспомощности, ненужности и бесцельности будущего существования»³. Утверждения рецензента строились на стихотворных фрагментах, вырванных из контекста произведения и не передававших полноты и сложности изображения человеческих переживаний.

В своих категоричных обобщениях критик не заметил внутренней напряженности и борьбы в душе лирического героя стихотворений Ольги Анстей, Сергея Бонгарта, Ивана Елагина, Сергея Зубарева, Аглаи Шишковой, А. Савинова, многие из которых, как Иван Елагин, составили славу русской эмиграции. Всех их объединяла общая судьба вечного скитания и бесприютности. Все это великолепно выражено в стихотворении А. Шишковой «На чужбину»:

Зима. Шоссе. Асфальт разбитый.
Бессолнечного неба сталь.
На запад грузовик открытый
Нас мчал. На запад, в чужедаль.

Молчали мы. Глядели строго
Глаза. Смыкалось дней кольцо...
И падал снег. И много-много
Неслось снежинок нам в лицо.

¹ Черных А. Поэты и читатели [о сборнике «Стихи» (Мюнхен, 1947)] // Огни: Литературно-общественный журнал. Мюнхен, 1947. № 1 (21). С. 62.

² Огни. Мюнхен, 1947. № 1. С. 65

³ Черных А. Поэты и читатели... С. 61–65.

Часы мы мчались иль мгновенья –
 Кто знает... может быть, века.
 Окоченели впечатленья,
 Бежали вдоль бортов селенья,
 Мостом прогрохала река...

И кто-то: он-ли, ты-ли, я-ли,
 Сломав безмолвие тоски,
 Шепнул: «границу миновали»...
 Шепнул – и вздох зажал в тиски.

Ревел мотор. Вилась дорога.
 Судьба смыкала дней кольцо.
 И падал снег... И много-много
 Неслось снежинок нам в лицо¹.

Трагическая самоирония, звучащая в этих стихах, подтверждает наблюдение В. Агеносова о том, что писатели-дипийцы «смехом заглушали свои стенанья»².

Ответом на упреки критики, обвинявшей молодую эмигрантскую поэзию в «упадочнических» настроениях и пессимизме, могут стать слова В.Ф. Ходасевича, который писал: «Уныние, отмечаемое как поэтический импульс, не должно влиять на оценку самой поэзии. <...> Требовать от поэта радужных настроений так же странно, как требовать от живописца, чтобы он непременно изображал хорошую погоду»³.

Пристальный интерес к событиям в России у В. Гальского не пропадал никогда, а смену настроений можно проследить в его стихотворениях периода Второй мировой войны. «В них четко проявляется гордость своим русским именем и народом, ненависть к немцам, вера в то, что немцы не победят в этой войне, что это будет победа русского народа над внешним врагом. <...> победу над немцами воспринимал как достоинство русского

¹ Стихи. Мюнхен, 1947. С. 92.

² Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996): Учеб. пособие. М.: Терра, 1998. С. 369.

³ Ходасевич В.Ф. Подвиг. Возрождение. 1932. От 5 мая. С. 3.

народа, но отнюдь не властей Советского Союза»¹. Темы одиночества и безысходности в стихотворениях появились в связи с реальным осознанием невозможности возврата в Россию и тем, что Мировая война «нанесла сокрушающий удар по устоям той Европы, в которой отец вступил в зрелый возраст»².

1.4. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. КАСАБЛАНКА

С конца 1940-х по начало 60-х годов В.Л. Гальской работал в различных строительных организациях в Белграде, под Берлином – в Вольфсбурге, в Вене, в ноябре 1947 года семья Гальских переехала в Касабланку (Марокко), где В.Л. Гальской получил контракт крупной французской строительной фирмы «Someg». «В этой североафриканской стране была довольно многочисленная колония русских, – как уточняет в своей статье К.В. Гальской, – больше всего их было в Касабланке, более мелкие группы размещались в Мараккеше, в Рабате и в других городах»³.

К сожалению, сведений об этом периоде его жизни сохранилось немного. Причиной скудости африканского архива В.Л. Гальского оказалось еще одно обстоятельство: «В одной комнате, кроме кровати, стоял еще письменный стол, где, увы, пропали, наверное, последние крохи его архива. В ящиках стола был полный беспорядок, все хранилось вверх тормашками. В этом отношении он не отличался особой щепетильностью и ничего не раскладывал по папочкам. После смерти отца русские, которые остались жить в этом доме, нам сообщили, что его квартиру сначала опечатали, а

¹ Гальской В.Л. Запоздалые листы: Избранные стихотворения и поэмы / Сост. и предисл. К.В.Гальской. Орел: Изд-ль А.Воробьев, 2008. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Гальской К.В. О родных и близких // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2009. С. 81–82.

потом все оставшиеся бумаги вынесли во двор, сделали громадную кучу и подожгли. Все сгорело»¹.

Сын писателя в статье «О родных и близких» отмечает: «Близкими к семье в Касабланке были Коссовские, Философова. <...> квартира была за городом. В Аин-Себаа. На север. На берегу Атлантики. Теперь это, можно сказать, пригород, который почти что сросся с городом. <...> В этом доме мы жили года четыре. Потом переехали на квартиру на втором этаже в здании по улице Контенак, напротив Технического училища. Дом принадлежал богатому арабу. <...> Последняя квартира, где жили и мы, была в пригороде Касабланки – в Бурназеле. Он там и скончался»².

В. Гальской знал Коссовских по Марокко, Венедикт Александрович Коссовский (полная фамилия Абданк-Коссовский) и его супруга познакомились и подружились, т.к. «были соседями по квартирам, и даже подъезду»³. Посвящение им стихов «Вавилонская башня» было связано с личной близостью и дружбой. Жена В.А. Коссовского – Светлана Николаевна Коссовская, работала в Касабланке (Марокко) вместе с В. Гальским в одной строительной организации. Ей посвящено и стихотворение «Путь усталости», также – письмо с рассуждениями поэта о браке. Автопортрет-шарж писателя, сохранившийся в личном архиве К.В. Гальского, имеет дарственную надпись «Дорогой Светлане Николаевне на память вечную. [19]54 г.». В письме сын поэта сообщал: «Коссовская ежедневно видела отца, потому что работала с ним в одном бюро (она была по профессии чертежницей) на американской военно-воздушной базе под Касабланкой» (Письмо Тюрину Г.А. от 4 октября 2007 г.)⁴. Кроме того, по утверждению С.Н. Коссовской со слов К.В. Гальского: «...удачными были его карикатуры на сослуживцев. <...> рассказывали, что отец писал весьма

¹ Тюрин Г.А. Беседа с К.В. Гальским... С. 32.

² Там же. С. 30.

³ Коссовский В.А. Письмо к К.В. // Там же. С. 21.

⁴ Коссовский В.А. Письмо к К.В. // Там же. С. 22.

едкие юмористические стихи и эпиграммы, адресованные знакомым и друзьям»¹.

В Марокко у Гальского главным увлечением стали антикварные магазины и старьевщики, он страстно изучал старинные предметы, эта ситуация отразилась в одном из его стихотворений («Гравюры пыльные листать, / У антикваров гобелены, / Не покупая, выбирать»). Перед смертью поэт имел приглашение на работу во Францию (Париж), где ему, как прекрасному знатоку конца XVIII-го – XIX-го веков, всевозможных интерьеров и их деталей предлагали стать оценщиком в крупном антикварном магазине².

По свидетельству Н.В. Сухова, изучавшего «Русский мир» в Марокко, «часть из прибывших в Марокко в 1946 – 1950 гг. представляли собой перемещенных лиц <...> Численность организованной русской эмиграции в Марокко можно оценить приблизительно в семьсот-восемьсот человек. При этом следует принимать во внимание данные, почерпнутые в мемуарах и архивных документах «неорганизованных» беженцев из Европы, свидетельствующие о том, что приток русских в Марокко после второй мировой войны превысил две тысячи человек»³.

На сайте «Искусство и архитектура русского Зарубежья» помещена статья художника Митрофана Петровича Косенко, эмигрировавшего после революции в Сербию, а после окончания Второй мировой войны из лагеря для перемещенных лиц – в Марокко. В статье описывается история строительства церкви Успения Пресвятой Богородицы в городе Касабланка (Марокко) и в частности отмечается: «В 1957–1958 на приобретенном в центре города участке земли было построено в русском стиле белое каменное здание Успенского храма по проекту архитекторов – эмигрантов из России Владимира Львовича Гальского и Александра Григорьевича Недопаки. Над

¹ Гальской К.В. О родных и близких... С. 80.

² Там же. С. 83.

³ Сухов Н.В. Эмиграция из России в Марокко в XX в. Исторический формат. 1916. № 2. С. 171.

притвором сделали синюю главку на высоком барабане. Строительными работами руководили инженеры Н.И. Юров и Г.В. Гнедич. В церкви установили трехъярусный деревянный иконостас, были повешены два колокола. Храм украшал художник М.П. Косенко»¹.

В статье «О родных и близких» Константином Гальским описана дальнейшая история Свято-Успенского храма, «который до сих пор стоит в центре Касабланки. Эту церковь создавали одиннадцать лет – на деньги прихожан, которые вносили свою лепту в общее дело. Однако, когда ее открыли, почти все русские, которые были в Марокко, разъехались. <...> Церковь предполагают передать священнику при Российском посольстве в Рабате, потому что, как и везде, русские снова появились и в Марокко. Это совсем иная эмиграция, существенно отличающаяся от той, к которой принадлежал мой отец...»².

В предисловии к сборнику «Запоздалые листы» Константин Гальской уточнял: «Во всех превратностях судьбы стержнем отцовской жизни была его глубокая вера. Он был человеком церковным. Принимал участие в приходской жизни в Касабланке, Марокко. Дружил с отцом Митрофаном Зноско-Боровским, настоятелем русской церкви в Касабланке. Приезжая из марокканской провинции в Касабланку, у отца находил пристанище священник Григорий Баранников»³.

¹ Искусство и архитектура русского Зарубежья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.artz.ru/menu/1804649234/1805307478.html> (Дата обращения: 20.06.2019)

² Гальской К.В. О родных и близких... С. 76–77.

³ Гальской В.Л. Запоздалые листы... С. 10. Протоиерей Григорий Баранников (Grigory Varanikoff) (1897–1960) Родился в 1897 г. Из семьи духовенства. Окончил духовную семинарию в России до революции. Учитель в церковно-приходской школе. Мобилизован в действующую армию (1914). Участвовал в Первой мировой войне и в Гражданской войне. Женат на Клавдии Баранниковой. Эмигрировал через Константинополь в Болгарию. Пел в хоре донских казаков под управлением С.А. Жарова. Священник (1923). Пастырское служение начал в Прикарпатской Руси. После изгнания из Чехословакии переехал в Югославию и до Второй мировой войны служил в одном из сербских приходов. Сначала служил на приходах Сербской Православной Церкви, а затем перешел в состав клира РПЦЗ (1940). Во время Второй мировой войны принимал участие в деятельности Русского корпуса. Полевой священник в 1-м полку русского корпуса в Югославии (31 марта 1944–1945). Переехал в Австрию (1945). Помощник настоятеля

Одной из важных составляющих творческой судьбы поэта в этот период стала его семья, «а точнее: мать, сестра и дети»¹. Правда, семейная жизнь В. Гальского не сложилась, два брака (с княжной Ириной Борисовной Шаховской и Анной Александровной Ильинской) распались. Но в последнем браке появились два сына, Константин и Александр. Страстная любовь к детям и волнения об их судьбе, закончились страшным ударом после их переезда с матерью в США в 1959 году. В.А. Косовский писал в своем письме Константину Гальскому (от 20 января 1961 г.): «Кстати, одно из его последних стихотворений – «Сначала родина, потом семья...» (Касабланка, 22 мая 1959») было написано у нас дома в течение получаса, после нашего возвращения из казablancaнского порта, где мы провожали вас в Америку. <...> Папа попросил лист бумаги и карандаш, <...> и буквально через полчаса вышел с готовым стихотворением»².

После этого В. Гальской «стал поспешно хлопотать об отъезде к сестре Мариамне Львовне в Париж, но скоропостижная смерть 12 июня 1961 года не дала этому желанию осуществиться: «...в ожидании предстоящего отъезда, – как вспоминал К.В. Гальской, – в Париж отец перенес в склеп прах Марии Владимировны, до этого находящийся в отдельной могиле того же кладбища (Бен Мсик в Касабланке). Вскоре после этого, третьим "насельником" суждено было стать моему отцу»³. В архиве именно этой

церкви при лагере для перемещенных лиц в Келлерберге (1945–1951). В 1947–1948 гг. (по другим данным, в 1951 г.) прибыл в Марокко в составе большой группы русских из беженских лагерей в Германии. Служил вторым священником (помощником настоятеля) в Успенском храме в г. Касабланка (Марокко) и Св. Троицком храме в поселке Бурназель близ Касабланки в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Помощник настоятеля церкви в Рабате (1951-1959). Окоормлял также церковные общины в гг. Федала, Устиновка, Порт-Лиотэ, Сиди-Яя, Мекнез, Фез, Ужда и Танжер (Марокко). В 1955 г. упомянут как протоиерей. После отъезда в США в 1959 г. протоиерея Митрофана Зноско-Боровского стал настоятелем Успенского храма в Касабланке (1 июня 1959-1960). Скончался 10/23 сентября 1960 г. в г. Касабланка (Марокко). Похоронен в Марокко. (Религиозные деятели русского Зарубежья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zarubezhje.narod.ru/av/b_050.htm) (Дата обращения: 20.06.2019)

¹ Там же. С. 9.

² Косовский В.А. Письмо к К.В... С. 20.

³ Гальской К.В. О родных и близких... С. 82.

церкви исследователями была найдена учетная карточка захоронения В.Л. Гальского¹, в дополнительных сведениях к которой указано: «Имя и фамилия покойного имеются в поминальном списке часовни-склепа русской православной общины г. Касабланки (БЕН М'СИК). Он был активистом общины». В записках священника М. Зноско-Боровского упоминается об организованном 19 июня 1950 года Русской общественностью в зале французского офицерского Собрания торжественном мероприятии, посвященном памяти А.С. Пушкина, В.Л. Гальской выступал тогда с одним из докладов. Район Бурназель, где жил покойный, в основном был местом компактного обитания представителей русской эмиграции второй волны, прибывших в Марокко после Второй мировой войны, после пребывания в лагерях для перемещенных лиц. Были там и те, кто в свое время попал в немецкий плен, кто был угнан на принудительные работы в Германию, были и власовцы... Все они были вынуждены начать жизнь с нуля на чужой для них земле. Многие остались здесь навсегда».

В 1950-е годы, несмотря на отъезд в Африку, публикации В.Л. Гальского по-прежнему были связаны с парижским журналом национально-патриотической направленности «Возрождение» (1949–1974), объединившим писателей первой волны эмиграции – старшего (А. Ремизов, З. Гиппиус, М. Алданов, Д. Мережковский и др.) и младшего поколений (В. Сирин-Набоков, И. Одоевцева, В. Смоленский, З. Шаховская, Ю. Мандельштам, В. Андреев и др.) – с представителями послевоенной эмиграции (Б. Ширяев, Н. Нароков, О. Анстей, Н. Ульянов, Гр. Климов и др.). Это было одно из самых влиятельных периодических изданий, являвшимся своеобразным продолжением «Современных записок» и «Русских записок», и созданным после войны крупным издательством на основе газеты с одноименным названием, которая, по мнению Ю.А. Азарова,

¹ Учетная карточка захоронения // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 57–58.

наряду с «Последними новостями» (1920–1940) «среди газет русской эмиграции» была самой главной: «...они являлись таковыми не только для Парижа, но и для всей русской эмиграции – их знали все и читались они повсеместно»¹. А.Н. Кравцов в своем специализированном исследовании отмечает, что во Франции «по окончании Второй мировой войны <...> в среде русской эмиграции появилась надежда на "возрождение" культурной жизни на прежнем довоенном уровне»². Н.В. Станюкович, один из авторов возрожденного журнала, отмечал: «Помимо политической роли "Возрождения", оно выполняет культурную миссию, давая возможность писателю-эмигранту проявить себя и окрепнуть, продолжая славную традицию русской литературы, загнанную в советских условиях в глубины подсознания. Здесь невозможно назвать имена – слишком их много...»³. По мнению Л. Жигальцовой, «именно "Возрождение" не только смогло развить традиции русской консервативной мысли, но и сыграло колоссальную роль в сохранении и развитии русской культуры, искусства и просто русского языка, <...> отражая мысли и настроения эпохи, служа делу объединения и воспитания патриотизма». ⁴ Как справедливо отмечал Ю.К. Терапиано: «Кроме "Возрождения", издававшегося тогда А. Гукасовым, журнала правого направления с ограниченным числом сотрудников, в Париже после войны других журналов не было»⁵.

С. Нимарочева указывает на тот факт, что «несмотря на скромный подзаголовок – "Литературно-политические тетради" – и объем, не позволяющий претендовать на звание "толстого", журнал этот быстро приобрел известность в русском мире <...> Сохраняя на протяжении всего

¹ Азаров Ю. А. Литературные центры первой русской эмиграции: история, развитие и взаимодействие: дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. С. 61.

² Кравцов А.Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949–1974): дис. ... канд. филол. наук: М., 2016. С. 81.

³ Станюкович Н.В. Итоги // Возрождение. 1960. № 100. С. 33.

⁴ Жигальцова Л. «Принадлежность к России должна быть источником гордости...»: Абрам Осипович Гукасов // Родина. 2010. № 10. С. 108, 111.

⁵ Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж–Нью-Йорк: Альбатрос-Третья волна, 1987. С. 198.

времени своего непростого существования четкую антикоммунистическую направленность, журнал вместе с тем имел и широкую преобразовательную концепцию, выраженную в его девизах: "Величие и свобода России", "Достоинства и права человека", "Ценность культуры". В литературном разделе "Возрождения" печатались произведения как мастеров русской литературы – И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Шмелева, – так и новых эмигрантов»¹.

По свидетельству Н. Бирхлер, «журнал с самого начала пытается привлечь к сотрудничеству как можно больше известных писателей и поэтов, оставшихся в Париже. В первых же его номерах мы встречаем имена Георгия Иванова, Бориса Зайцева, Федора Степуна, Глеба Струве. Однако очень быстро создалась парадоксальная, но довольно типичная для литературных журналов ситуация: с одной стороны, редакция получала массу рукописей, многие из которых не принимались, а с другой – редакторам приходилось уговаривать писателей поместить в "Возрождении" статью или стихотворение, торопить, напоминать об обещанном произведении». ² Бирхлер полагает, что все художественные произведения, публиковавшиеся в «Возрождении» можно условно разделить на воспоминания о жизни в России и описания жизни в эмиграции. «В воспоминаниях перед нами встает Россия конца XIX-ого – начала XX-ого века, чаще всего усадебная или петербургская. Авторы повествуют об этом периоде своей жизни с ностальгией, как о невозвратно прошедшем»³.

Именно в «Возрождении», с которым В. Гальской сотрудничал не один год, были напечатаны его самые известные стихотворения, как старые, так и новые: «Воскресенье» [1950: № 8: 28], «Весна» [1950: № 9: 53], «Набат»

¹ Нимарочева С. Журналы русского зарубежья // Литература. 2002. № 45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200204509> (Дата обращения: 20.06.2019)

² Бирхлер Н. Литературная политика парижского журнала «Возрождение», 1949–1974 // Schweizerische Beiträge zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau, August 1998 / Herausgegeben von Jan Peter Locher. Bern; New York : P. Lang, 1998. S. 7.

³ Там же. S. 7

[1950: № 10: 146], «Сестре» [1951: № 17, 145]; «Мохач» и «Все, что я называл искусством...» [1954: № 32, 102 – 103], «В.А.С. («Губ твоих румяных зрелый мед...»))» и «Bassiana» [1954: № 33: 15]; «В тишине прозрачной и сторожкой...», «Черный город» и «Великий пост» [1954: № 34: соответст. 65, 113, 144], «Голова Иоканаана» [1954: №35: 71]; «На отъезд в Америку»¹ [1954: №36: 90]. Все они вошли в разные циклы посмертной книги «Путь усталости», которую он готовил к печати в последние годы жизни.

Практически все произведения В.Л. Гальского, опубликованные за 5 лет в журнале «Возрождение», продолжают развивать «три главных ориентира» (концепта) его творчества – Семья, Родина, Вера. Его стихи пронизаны любовью к родным местам, воспоминания о которых глубоко запали в память. Однако, если стихотворения о России в основном строятся на ярких, но фрагментарных воспоминаниях детства, то, описывая зарубежные города и страны, поэт опирается на богатый жизненный опыт. Писатель-эмигрант обращается к глубоким пластам европейской культуры. Исторические аллюзии в стихотворениях В.Л. Гальского, погружая вглубь времен, связаны с именами святых, королей и полководцев (Сант-Штиван, Наполеон, Марк Аврелий, Пильграм, Август и т.д.).

Духовно-нравственная направленность творчества В.Л. Гальского проявлялась в произведениях, основанных на библейских сюжетах и связанных с событиями церковного календаря («Голова Иоканаана», «Великий пост», «Воскресенье»). Сложность личности лирического героя раскрывается в стихотворениях, посвященных родным и близким людям («Сестре», «На отъезд в Америку»), при этом отчетливо раскрывается принцип соотнесенности биографического и художественного аспектов творчества.

¹ Возрождение. Париж, 1950. №№ 8, 9, 10; 1951. № 17; 1954. №№ 32, 33, 34, 35, 36.

1.5. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В.Л.ГАЛЬСКОГО

Творчество В.Л. Гальского не исчезло с земной жизнью поэта. Остался внушительный архив рукописей. В музеях Череповца и Орла идет кропотливая работа по собиранию биографических материалов, чему предшествовала многолетняя научно-исследовательская работа доцента Орловского государственного университета Г.А. Тюрина. Именно им были проведены научные экспедиции в Вологду и в Череповец, результатом которых стали записи воспоминаний старожилов, дореволюционные снимки и фотографии. Найдены уникальные документы по родословию, биографии и творчеству В.Л. Гальского из семейных архивов Гальских, Багговутов, Кудрявых, Шитовых, Янишей, подлинные документы из Государственного архива Орловской области, из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева и Залегощенского краеведческого музея (Орловская область); копии документов из Государственного архива Воронежской области и историко-этнографического музея «Усадьба Гальских» Череповецкого музейного объединения; поставлены на учет материалы из личных архивов К.В. Гальского (New Fairfield, США), Т.Л. и Б.Б. Желваковых (г. Санкт-Петербург), А. Захарьина (Мэриленд, Силвер Спринг, США), Г.А. Тюрина (г. Орел), хранителя семейного архива реэмигрантов Кноррингов-Софиевых Н.М. Черновой (Алматы, Республика Казахстан). Особое место в этом ряду занимают рукописи В.Л. Гальского и редкие издания эмигрантской печати (книги, журналы) с первыми публикациями, привезенные К.В. Гальским в Орел к 100-летию юбилею поэта.

Рукописные произведения В.Л. Гальского, которые хранились в личном архиве сына, на выставке «"Бездомные России сыновья..." (Орел, 2008) были переданы для публикации в сборнике «Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Том 5. Родословие, биография

и творчество В.Л. Гальского». Комментируя рукописи отца, К.В. Гальской отмечал: «Насчет черновых страниц стихотворений. Весь сборник «Путь усталости» – «беловой». Те очень редкие корректуры, что встречаются, возможно, не корректуры отца (почерк не похож на почерк отца). <...> Можно перечислить буквально на пальцах одной руки число черновых стихотворений с правками отца, указывающих его творческий процесс»¹.

Уже через два месяца после смерти В. Гальского в газете «Новое русское слово» появился некролог Е. Яконовского² «Владимир Гальской» (вторник, 29 августа, 1961 года), в котором подчеркивалась особенность дара Гальского: «Гальской поэт. И поэт настоящий. Поэтому он не только высокопарен. Часто стихи его строго торжественны <...> Или нежно лиричны». Яконовский уловил мотив ностальгических воспоминаний о родине, раннем детстве поэта. Выделяя множество факторов, послуживших плохой сохранности стихотворных произведений, он объяснял это особенностями характера самого поэта: «стихи он не только писал, он ими говорил, сочинял на ходу. Потом он не записывал, забывал. Написанное не отделявал». Ранние стихотворения Гальского, по мнению автора некролога, «звонкие по-гумилевски, часто технически необработанные, почти всегда

¹ Гальской К.В. Письмо Г.А. Тюрину от 18 апреля 2008 года. Личный архив Г.А.Тюрина.

² Яконовский Евгений Михайлович (17 июня 1903, Белгород Курской губ. – 15 мая 1974, Монтобан, деп. Тарн и Гаронна, пох. на местном клад. Пон де Шом). Кадет, инженер, писатель, критик. Муж Е.В. Яконовской, отец А.Е. Яконовского. Учился в Хабаровском, Оренбургском, Сумском и Одесском (1920) кадетских корпусах. Участник Гражданской войны на юге России в составе Артиллерийской бригады и лейб-гвардии Гренадерского полка. В эмиграции жил в Югославии, окончил Крымский кадетский корпус (1921), университет. Переехал во Францию. Работал инженером-механиком. Одно время состоял сотрудником редакции газеты «Возрождение». Во время Второй мировой войны служил во французской армии. В 1949 был избран генеральным секретарем Временного правления Русского переселенческого союза. Заведовал книжным складом (1950-е). Занимался литературным трудом. Состоял секретарем редакции и членом редколлегии журнала «Возрождение» (до 1955). Сотрудничал в журнале «Военная быль» (до 1956), с 1952 публиковал здесь свои воспоминания. Публиковался в «Граниях», в газетах «Русская мысль» и «Русское воскресение» и др. Печатался также под инициалами Е.Я. Выпустил романы «Водяные лилии» (Париж, 1962) и «Солнце задворок» (Париж, 1963). Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Участвовал в литературных вечерах, читал свои произведения. В 1959 в зале Российского музыкального общества за границей (РМОЗ) состоялся вечер его прозы. В 1958 член Комитета помощи писателю Н.Е. Русскому.

неровные, всегда эгоцентрические», в них преобладали пессимизм и черты «высокопарности», что Яконовский связывал с «дурным влиянием белградской среды»¹.

В газете «Новое русское слово» появился своеобразный отклик Б. Ганусовского² «Бедный поэт». В ней автор не соглашается с выводами Яконовского, критически отзываясь о многих его высказываниях и доводах. Неправомерно, с его точки зрения, занижен литературный уровень провинциального Белграда, «высмеяна та часть русской эмиграции, которая жила в Югославии, ее надежды, тоска по родине и готовность принести себя в жертву за то, что ей казалось верным»³. «Стихи свои он (В.Л. Гальской – И.Б.) нигде не печатал, в отличие от других, белградских и небелградских поэтов. Он их, даже, не записывал, а запоминал и читал друзьям. Потом забывал. Знающие люди утверждают, что талант его был велик, но осталось от него очень мало. То, что успели записать друзья»⁴. Возможно, если бы поэт относился с большей серьезностью и щепетильностью к сохранности своих произведений, о нем и его литературном таланте узнали намного раньше и источников информации для читателей было бы больше.

Важную роль в сохранении рукописного наследия поэта сыграли В.А. и С.Н. Коссовские. В личном архиве К.В. Гальского, сына поэта, сохранилось письмо В.А. Коссовского, раскрывающее эту ситуацию: «Когда мы с женой (С.Н. Коссовской – И.Б.) узнали, что его стихи, за небольшим исключением, нигде не записаны, то стали, особенно Светлана, т.к. она ежедневно виделась с папой (В.Л. Гальским – И.Б.) на работе, настаивать и напоминать ему, чтобы он начал записывать свои стихи. Таким образом, к нашему отъезду в

¹ Яконовский Е. Владимир Гальской. Новое русское слово, вторник 1961. От 29 августа. С. 3

² Ганусовский Борис Казимирович (1906 или 1908 – 1993) В эмиграции с 1920 года, хорунжий, затем старший лейтенант 15-го казачьего кавалерийского корпуса генерала Х. Фон Паннвица (1943), политзаключенный в лагерях СССР (1945–1955). Во второй эмиграции после 1955 года, журналист.

³ Ганусовский Б. Бедный поэт. Новое русское слово, суббота, 16 сентября, 1961. С. 4

⁴ Там же.

США стихи были им, наконец, записаны...»¹. Сохраненные Коссовскими тексты через тридцать лет после кончины поэта послужили основой для издания книги «Путь усталости».

Главным хранителем семейного архива и публикатором произведений В.Л. Гальского является сын поэта Константин Владимирович Гальской, проживающий в США. Им была проведена огромная текстологическая работа по подготовке к изданию посмертной книги «Путь усталости». В предисловии к изданию, характеризуя его структуру, К.В. Гальской отмечал: «Данный сборник составлен мной по плану, оставшемуся после отца. Первые три отдела и порядок стихотворений в них следуют без изменения в том виде, в котором они остались после его смерти. В четвертую часть помещены стихи и поэмы, которые удалось собрать из разных печатных источников, и все то, что он не успел привести в порядок. Я снабдил стихотворения необходимыми сносками, а также отметил главные разночтения между имеющимися у меня копиями некоторых стихотворений»².

Основными инициаторами выхода в свет книги были Алексей Борисович Арсеньев³, который, по утверждению К.В. Гальского, «своим интересом и вопросами о жизни и творчестве отца подтолкнул меня к завершению подготовки сборника в печати»⁴, и научные сотрудники историко-этнографического музея «Усадьба Гальских». Выходу книги «Путь усталости» были посвящены публикации⁵.

¹ Коссовский В.А. Письмо к К.В... С. 20.

² Гальской К.В. Вступительное слово // Гальской В.Л. Путь усталости... С. 16.

³ Арсеньев Алексей Борисович (Сербия, Нови Сад) – известный исследователь культуры русского зарубежья, автор книги «У излуины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в новом саду» (М., 1999), составитель указателя «Русская поэзия в Югославии. Библиографический перечень изданий» в «Антологии поэзии русского Белграда» (Белград, 2002. С. 163–176) и других работах.

⁴ Гальской К.В. Вступительное слово // Гальской В.Л. Путь усталости... С. 8.

⁵ Аринин В. «Найдет строку о себе» // Русский Север. Вологда. 1992. № 208 (364). От 29 декабря. С. 2; Аринин В. Вернулся на родину поэт // Русский Север. Вологда. 1993. № 49 (413). От 1 апреля. С. 3; Прыгова Э. Стихи вернулись на родину // Речь. Череповец. 1993. № 40 (18485). От 23 февраля. С. 3; Сопина Т. Поэт незамеченного поколения // Вологодские новости. Вологда. 1996. № 47 (936). От 21–27 ноября. С. 13.

В ежемесячном издании «Русская жизнь» напечатана статья «На родину вернулся посмертно. Русский эмигрант устал» (суббота 2 апреля 1994), посвященная поэту Владимиру Гальскому. В ней В. Завалишин представил краткую аннотацию сборника В.Л. Гальского «Путь усталости». Завалишин был знаком с В. Гальским как с сотрудником Международного комитета по делам беженцев: «Владимир Львович помогал многим и многих спас от насильственной выдачи Советскому Союзу – за это ему пришлось пострадать». В беседах двух поэтов, В. Завалишина и В. Гальского, они часто затрагивали вопрос о том, что «вынужденная разлука с родными и близкими становится нравственной пыткой и для тех, кто принудительной репатриации избежал». Встречи поэтов продолжались и на вечерах, организованных поэтами второй и третьей эмиграции, издавшими в 1947 в Мюнхене сборник «Стихи».

В поэзии В. Гальского исследователь отмечал нескрываемое преклонение перед стихотворениями Георгия Адамовича и Георгия Иванова. Сергей Бонгарт, друг Гальского, «полусерьезно, полушутя говорил, что потомственный дворянин Гальской повесил на свое поэтическое сердце двух Георгиев сразу»¹. Отмечают даже, что название сборника «Путь усталости» напоминает стихотворение Г. Иванова «А русский человек устал...»

Процесс «открытия» поэзии В.Л. Гальского не исчерпывается прижизненными публикациями в журнальной периодике русского зарубежья и книгой стихотворений «Путь усталости». В литературный процесс «возвращаются» неизвестные ранее произведения писателя-эмигранта. Так, в 2004 году была опубликована скаутская песня Гальского «На Авале, на горе...», авторство которой подтвердил один из известных организаторов и исследователей скаутского движения в Югославии Р.В. Полчанинов². При

¹ Завалишин В. На родину вернулся посмертно. Русский эмигрант устал // Русская жизнь. 1994. Суббота 2 апреля. С. 9–10.

² Полчанинов Р.В. Неизвестная песня поэта В.Л. Гальского // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2004. № 36 (93) октябрь. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.scouts.ru/library/13035> (Дата обращения: 20.06.2019)

изучении рукописных произведений, представленных К.В. Гальским, сыном поэта, на выставку «"Бездомные России сыновья..." К 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского» (г. Орел, 2008), обнаружались тексты стихотворений, не включенных в книгу «Путь усталости» и сохранившихся только в рукописном варианте («Все, что прожито, но не дожито...», «Мы любим только раз души весною...») и изданные в 2008 году в книге стихотворений В.Л. Гальского «Запоздалые листы». Недавно впервые напечатано письмо В.Л. Гальского, отправленное в 1943 году М.Л. Жедринской (урожденной Гальской) и включавшее стихотворное посвящение сестре. Имеющиеся уточнения и дополнения позволяют расширить текстологическую базу проводимого нами исследования.

Центром изучения родословия Гальских является усадьба «Горка», расположенная в центре Череповца на левом берегу Шексны. Как отмечают череповецкие исследователи, самый ранний документ, повествующий о пустоши «Горка» Надпорожского стана, относится к 1782 году и определяет их как «владения Валутиной». С 1849 года имение «Горка» принадлежала фамилии Гальских. В 1918 году усадьба была национализирована. Сразу после революции «Главнаука» в Череповецкой губернии поставила на государственный учет уникальный памятник истории, культуры и архитектуры, лишь одно гражданское здание, имеющее художественное значение – дом Гальского. А в 1989 году было принято решение «О создании историко-этнографического музея «Усадьба Гальских», разработанная научная концепция историко-этнографического музея «Усадьба Гальских» как музея под открытым небом¹.

Большую роль в создании и сохранении историко-этнографического музея «Усадьба Гальских» сыграли сотрудники музея, которым удавалось совмещать проблемы музея с творческими планами. Решали задачи по

¹ Шестакова Н.А., Задорожнюк Т.Г. (Череповец) Музейный комплекс «Усадьба Гальских»: история, опыт работы, перспективы развития // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 4. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2007. С. 34–42.

формированию экспозиции, архивных изысканий, выявления документальных источников и реставрации. Сотрудников музея активно поддерживали журналисты Вологодского края в местных периодических изданиях: газета «Коммунист» (Череповец, журналист О. Коквина). Газетными изданиями была развернута кампания по поддержке сотрудников музейного объединения за счет выпуска 10 тысяч благотворительных билетов с фотографией музея «Усадьба Гальских», какой она должна быть после реставрации. Журналистами затрагивались проблемы финансирования музея, строительства коммуникаций, сложностей проведения реставрационных работ, результатов проведенной работы. Приезду потомков В.Л. Гальского были посвящены статьи: «Потомок Гальских приедет из Америки посмотреть, как реставрируется родовое имение»¹; «Они вернутся в Матурино, «Я считаю себя стопроцентным русским»²; «Столбовые дворяне Гальские...»³

Научными сотрудниками музея собран большой материал по истории рода Гальских, постоянно поддерживаются отношения с ныне живущими потомками рода. В региональном журнале «Северо-Запад» активно издаются материалы музейных исследований: Т. Никитиной «Судьба «Дворянского гнезда»⁴; Л. Панфиловой «Столбовые дворяне Гальские...»⁵; Е.Коровиной «Судьбы представителей рода Гальских после революции»⁶.

Сотрудники музея явились инициаторами издания книги В.Л. Гальского «Путь усталости». Т. Сопина в своей статье «Поэт незамеченного поколения» описывала это событие так: «Мы можем

¹ Краузе С. Потомок Гальских приедет из Америки посмотреть, как реставрируется родовое имение // Сельская новь. Череповец, 1991. № 127 (4245). С. 4.

² Шарыпина Е. «Я считаю себя стопроцентным русским» // Речь. Череповец, 1992. № 142 (18334). С. 1.

³ Панфилова Л. Столбовые дворяне Гальские... // Речь. Череповец, 1991. № 70 (18039). С. 3.

⁴ Никитина Т. Судьба «Дворянского гнезда» // Коммунист. Череповец, 1990. № 123 (17844). С. 3.

⁵ Панфилова Л. Столбовые дворяне Гальские... С. 3.

⁶ Коровина Е. Судьбы представителей рода Гальских после революции // Северо-Запад. 1995. Вып. 1. С. 50–58.

гордиться, что именно Вологодчине принадлежит честь открытия этого имени. Случилось это так. Одна из сотрудниц Череповецкого музея услышала по радио имя сына поэта, Константина Гальского. Через компетентные органы разыскала его. Это было в начале перестройки, Константин Владимирович шел на контакт неохотно, на все вопросы отвечал уклончиво. Но постепенно отношения размораживались, и, наконец, сын передал череповчанам права на издание первой и единственной книжки отца»¹.

Еще одним центром изучения жизни и творчества В.Л. Гальского стал Орел. Многоаспектным научным исследованием, представляющим своеобразный итог комплексного применения историко-краеведческого, искусствоведческого и литературоведческого подходов, являются сборники статей и материалов из серии «Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы» под научной редакцией доктора филологических наук, профессора Е.А. Михеичевой. Автором научного проекта, ответственным редактором и составителем стал доцент Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева Г.А. Тюрин совместно с Историко-этнографическим музеем «Усадьба Гальских» Череповецкого музейного объединения, Государственным архивом Орловской и Воронежской областей, а также Орловским филиалом ИСМО РАО, НИИ филологии ОГУ в 2007 году был подготовлен четвертый том «Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры»², а в 2009 году – том пятый – «Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского»³. Как отмечается в предисловии, основные цели проекта связаны

¹ Сопина Т. Поэт незамеченного поколения... С. 11.

² Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 4. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2007. 187 с.

³ Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского. Материалы Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского. 17–18 марта 2008 г. Орел. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2009. 224 с.

с изучением «белых пятен» в литературном процессе XX века – неизвестных или забытых имен, произведений, документов. Актуальность проводимого исследования связана с проблемами сохранения и «возвращения» раритетных (рукописных, книжных, иконографических) материалов, являющихся частью национального культурно-исторического достояния. «Проект предполагает координацию деятельности отечественных и зарубежных научно-исследовательских центров, государственных и частных архивов, издательств и библиотек. Первостепенные задачи, связанные с реализацией проекта, включают реставрационно-текстологическую обработку письменных источников, введение в научный оборот (изучение, комментарий, публикация) новых материалов, составление сводных архивных и библиографических указателей, многоаспектное научное исследование произведений и документов, внедрение основных результатов научного исследования в учебно-образовательный процесс высшей и средней школы»¹.

В четвертый том серийного издания включены публикации архивных документов, литературоведческие статьи и воспоминания, связанные с творческой биографией поэта-эмигранта В.Л. Гальского (1908-1961 гг.), чьи произведения печатались в сборниках «Литературная среда» (Белград, 1936), «Стихи» (Мюнхен, 1947), в журналах русского зарубежья («Русские записки», «Грани», «Возрождение») и других изданиях. Сборник имеет три раздела: «К родовым истокам: Череповец, Воронеж, Харьков», «Гальские в Орловском крае», «Эмиграция в судьбе и творчестве». Одна из основных задач связана с публикацией документов центральных (Российский государственный военно-исторический архив, Москва), региональных (Историко-этнографический музей «Усадьба Гальских» Череповецкого музейного объединения, Государственный архив Орловской области,

¹ Тюрин Г.А. О проекте // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т. 4. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2007. С. 5.

Государственный архив Воронежской области) и личных (Гальской К.В. – New Fairfield, США; Желваковы Т.Л. и Б.Б. – Санкт-Петербург; Захарьина А. – Мэриленд, Силвер Спринг, США; Чернова Н.М. – Алматы, Республика Казахстан) архивов. В издание включены некоторые первопубликации: «О рождении детей Василия Семенова сына Гальского» [рукописные записи на книге Иоанна Златоуста (1767 г.)]; «Родословная рода Гольских [1856 г.]; [О внесении в дворянскую родословную книгу Новгородской губернии А.А., И.Н. и Н.Н. Гальских (1857 г.)]; «Свидетельство, [выданное Гольскому Л.Н. о рождении и крещении сына его Ионы]»; «Свидетельство, [выданное Гольскому Л.Н. о рождении и крещении сына его Николая]» и другие.

В научном сборнике содержатся материалы к родословию Гальских, Багговутов, Машлыкиных и др. (Е.Н. Коровина, И.К. Бабошина¹, Г.А. Тюрин²), к истории усадеб Алексеево и Горка (Новгородской губернии) (Т.П. Сухман³, Н.А.Шестакова, Т.Г. Задорожнюк⁴), Золотарево (Орловской губернии) (Р.М. Алексина⁵, Г.А. Тюрин⁶, К.А. Седойкина⁷) и скаутскому движению 1920–1940 годов (В.Ю. Кудряшов⁸, Р.В. Полчанинов⁹).

Актуальность данного научного исследования, как пишут ученые, связана с проблемами сохранения и «возвращения» раритетных (рукописных, книжных, иконографических) материалов, благодаря этому появляется

¹ Коровина Е.Н, Бабошина И.К. К истории рода дворян Гальских... С. 10–14.

² Тюрин Г.А. Воронежская родовая ветвь: Гальские и Машлыкины // Там же. С. 43–47; Тюрин Г.А. К истории рода Багговутов // Там же. С. 50–54.

³ Сухман Т.П. Усадьба Горка: историческая записка // Там же. С. 23–34.

⁴ Шестакова Н.А., Задорожнюк Т.Г. Музейный комплекс «Усадьба Гальских»: история, опыт работы, перспективы развития // Там же. С. 34–43.

⁵ Алексина Р.М. Село Золотарево – «дворянское гнездо» Нилусов // Там же. С. 61–68.

⁶ Тюрин Г.А. На родина Владимира Гальского (село Золотарево: прошлое и настоящее) // Там же. С. 80–95.

⁷ Седойкина К.А. Гальские в Орле... С. 118–125.

⁸ Кудряшов В.Ю. Владимир Гальской в скаутском движении 1920-х – 1940-х годов // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т. 4. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2007. С. 151–162.

⁹ Полчанинов Р.В. О поэте-скауте В.Л. Гальском: время, события, творчество // Там же. С. 163–177.

возможность изучения неизвестных и забытых имен, «белых пятен» литературного процесса XX века.

Четвертый и пятый тома серийного издания «Литература русского зарубежья. Новые материалы», посвященные В.Л. Гальскому, «имеют широкую (универсальную) адресную направленность, включая специалистов-литературоведов, историков, искусствоведов, краеведов, сотрудников архивов и музеев, учителей и студентов. <...> хотелось бы обратить внимание на тот гносеологический (информационно-познавательный) и этический (нравственно-воспитательный) потенциал, который заложен в материале, впервые вводимом в научный и учебно-образовательный процесс (при этом выделяется региональный аспект исследования)»¹. Изучение литературы русского зарубежья позволяет преподавателю, по мнению Г.А. Тюрина, установить широкие междисциплинарные (межпредметные) связи. При исследовании родословия Гальских выделяются глубокие связи с героическими страницами зарубежной и отечественной истории. Дворянский род имел польские корни, есть упоминание в книге Каспара Несецкого² о Станиславе Гольском, в Гельсбергских манускриптах содержится его письмо от 13 января 1584 года, в котором он сообщал о приближении татарских войск к рубежам Польши.

В сборниках дан богатый материал по дореволюционной истории Орловского края. «Так, интересным является свидетельство 1913 года о причислении Гальских к орловскому дворянству. Этот документ, в 1932 году переведенный на французский язык, хранился в Бельгии у старшего брата поэта Льва Львовича. А сейчас находится в личном архиве К.В. Гальского, сына поэта, живущего в США и бережно хранящего все, что связано с семейной памятью. Примечательно, что в дворянских родословных книгах

¹ Тюрин Г.А. Региональные аспекты изучения литературы русского зарубежья (методические рекомендации) // Литературная Орловщина. Орел, 2009. С. 56–62.

² Польский гербовник Каспара Несецкого, С.И., расширенный дополнениями позднейших авторов, рукописей, деловых доказательств, изданный Яном Неп. Бобровичем. Лейпциг: Изд. Брейткопфа и Гартеля, 1841. Т. VIII. С. 133-135, 155-156 (оригинал на польском языке).

Орловской губернии записи о Гальских не сохранилось. Таким образом, французский текст является единственным подтверждением важного биографического факта»¹.

При изучении Орловского периода жизни Гальских восстанавливается история села Золотарево Мценского уезда Орловской губернии (ныне Залогощенский район Орловской области). Трагическими для семьи стали революционные преобразования в крае. Об ожесточенных событиях Гражданской войны напоминают установленные в Золотарево памятные знаки о казни генерала А.В. Станкевича и о гибели красноармейцев-штабистов, убитых деникинцами и похороненных в усадьбе, ранее принадлежавшей Гальски². В архиве К.В. Гальского сохранились памятные документы истории: фотографии, зафиксировавшие исход Добровольческой армии из Крыма и жизнь русских эмигрантов в Галлиполи (кладбище изгнанников, часовня с памятной доской и др.).

Статья К.А. Седойкиной «Гальские в Орле: достопримечательности городского квартала»³ и иконографический ряд к этой публикации (архивные документы, фотографии) дают широкий материал для изучения истории губернского центра. Рассказывая о доме Талызиных (ныне улица им. Салтыкова-Щедрина, 19/21), где с 1913 года Гальские снимали квартиру, К.А. Седойкина делает обзор памятных мест этой части города (усадебное место, где находился дом Тургеневых: жилые постройки академика архитектуры И.Ф. Тибо-Бриньоля, Дворянское гнездо, церковь Бориса и Глеба, здание мужской гимназии, Петропавловский собор и др.). Весь богатый краеведческий материал, связанный с жизнью Гальских в Орловском крае, представленный в сборниках, неотъемлемо связан с духовно-эстетическим аспектом, перекочевавшим в лирические произведения поэта.

¹ Тюрин Г.А. Региональные аспекты изучения литературы русского зарубежья... С. 58.

² Кондакова Л.М. Село Золотарево в период революции и Гражданской войны (по материалам Государственного архива Орловской области) // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2009. С. 152–161.

³ Седойкина К.А. Гальские в Орле... С. 118–125.

Раздел «Эмиграция в судьбе и творчестве» открывается публикациями, «воспоминаниями бывшего эмигранта» Ю.Б. Софиева. «Жизненные пути поэтов переплетаются в изгнании». Поэзии В.Л. Гальского и его творческим «экспериментам» посвящены статьи Г.А. Тюрина, В.Г. Тюриной «Юрий Софиев и Владимир Гальской: несостоявшийся диалог поэтов»¹, В.Ю. Кудряшова «Владимир Гальской в скаутском движении в 1920-х-1940-х годов»², Р.В. Полчанинова «О поэте-скауте В.Л. Гальском: время, события, творчество»³.

В марте 2008 года – к 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского – в Орле состоялись Международные литературные чтения «Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского» и выставка архивно-музейных материалов «Бездомные России сыновья...», организованные кафедрой русской литературы XX – XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета совместно с Орловским объединенным государственным литературным музеем И.С. Тургенева и Администрацией Залегощенского района Орловской области. Эта научная встреча, проводившаяся в рамках научно-исследовательского и издательского проекта «Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы», завершилась изданием пятого тома серийного издания «Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского» (Орел, 2009). На литературных чтениях с воспоминаниями, докладами и сообщениями выступали родные и близкие поэта (К.В. Гальской, Т.Л. Желвакова), краеведы-исследователи, искусствоведы, литературоведы, сотрудники музеев и архивов, журналисты.

Изданный научный сборник имеет три раздела: публикации («Произведения, письма, беседы»; «К родословию Гальских, Багговутов,

¹ Тюрин Г.А., Тюрина В.Г. Юрий Софиев и Владимир Гальской... С. 141–150.

² Кудряшов В.Ю. Владимир Гальской в скаутском движении в 1920-х-1940-х годов... С. 151–162.

³ Полчанинов Р.В. О поэте-скауте В.Л. Гальском: время, события, творчество... С. 163–177.

Шитовых»); доклады и сообщения («К родовым истокам»; «В эмиграции и на родине»; «По праву памяти»); справочно-информационные материалы. В пятом томе публикуются научные статьи, воспоминания, архивные документы, включая переводы с немецкого, французского и польского языков, впервые вводимые в научный оборот. В первом разделе опубликованы рукописи стихотворений В.Л. Гальского, хранившиеся в личном архиве К.В. Гальского: «Все, что я называл искусством...», «Все, что прожито, но не дожито...», «Мы любим только раз души весною...», «Осень», «Напруженные цепи заскулят...», «Мы шли в тот хрусткий, зимний вечер...», «Вечер был хрупов и розов, как женские плечи...». Впервые напечатано письмо В.Л. Гальского, отправленное в 1943 году М.Л. Жедринской (урожденной Гальской). Примечательно, что в письмо вошло стихотворное посвящение сестре поэта. В раздел «Из неопубликованного и забытого» включены стихотворения, не попавшие в книгу «Путь усталости»: «В тесном скверике косили травы...» (впервые опубликовано в белградском коллективном сборнике «Литературная среда» с посвящением «И.Н. Голенищеву-Кутузову»), «Все, что прожито, но не дожито...», «Мы любим только раз души весною...» (эти два произведения сохранились в рукописях поэта). Таким образом, имеющиеся уточнения и дополнения позволяют расширить текстологическую базу проводимого нами исследования.

Важными для понимания жизни русских эмигрантов в Марокко и Франции являются воспоминания К.В. Гальского («Беседа К.В. Гальского с Тюриным Г.А.») и М.Л. Жедринской («Из беседы Желваковых Т.Л. и Б.Б. с М.Л. Жедринской – стенограмма видеозаписи, 1996г.). В беседе с Константином Гальским упоминаются Николай Иванович Ульянов¹, Алексей Борисович Арсеньев, люди, занимавшие определенное место в судьбе поэта.

¹ Ульянов Николай Иванович (1904–1985) – историк, критик, прозаик.

Сын поэта рассказывал о жизни Гальских в Марокко, о своем крещении в Карфагенской епархии Александрийского патриархата совершенном архимандритом Димитриосом Лангувардосом, патриаршим викарием и настоятелем греческой православной церкви в Касабланке, о дружеском общении с крестным Константином Александровичем Миллеом, крестной Еленой Густавовной Романовой-Михайловой, бывшей актрисой студии Вахтангова. Рассказывал и о семье, родителях, об отце как поэте. Близкими к семье в Касабланке были Коссовские, Философова. В 11 лет Константин Гальской покинул Марокко в связи с разводом родителей и вместе с матерью и братом переехал в США. Общение детей и отца было через письма: «Конечно, не было такого, что мы получали письма каждую неделю. Они приходили с большими перерывами. За эти два года, которые ему оставалось жить, пришло шесть-семь писем. Последняя его квартира, где жили и мы, была в пригороде Касабланки – в Бурназеле. Он там и скончался»¹.

Для сына образ отца отчетливо отложился в памяти: «Я его прекрасно помню. Отец всегда был в сером костюме (он любил этот цвет). Всегда в белой рубашке. Всегда при галстук (бабочка или обычный галстук). И шляпа всегда (в то время почти все мужчины носили шляпы). В самый жаркий день единственное, что он себе позволял – снимал пиджак и, перекинув через плечо, нес на пальце. Это максимальное расслабление, которое он себе позволял. Дома он не переодевался: снимал галстук, засучивал рукава и занимался политурой мебели. Иногда мы видели его за этим любимым занятием»². Занимаясь одним из любимых дел, ремонтируя громадное вольтеровское кресло, «отец все время говорил, что это кресло предназначается для нас – в нем мы будем сидеть, как падишахи». При общении с отцом дети перенимали любовь к природе, воспринимали благодаря рассказам отца марокканский пейзаж и картины русской природы, утраченной орловской усадьбы.

¹ Тюрин Г.А. Беседа с К.В. Гальским... С. 30.

² Там же. С. 30–31.

Сын в подробностях рассказывал о квартире отца, о расположении ее в доме, интерьере, о житейских делах, объединяющих отца и детей. Он отмечал, что из особенно памятного в квартире был портрет генерала Багговута, фотография Евгения Гальского в парадной форме драгунского полка, фотопортрет бабушки Александры Владимировны (она стоит, облокотившись о кресло), иконы, находившиеся во всех комнатах, также висело несколько больших западных гравюр XVII – начала XVIII веков.

Видеозапись беседы с Мариамной Львовной Жедринской – это «уникальный материал, позволяющий понять личность человека, прожившего почти 80 лет в эмиграции (Югославия, Марокко, Франция), но сохранившего глубокие духовно-нравственные связи с родиной и русской культурой»¹. Мариамна Львовна жила в Париже с 1945 года в небольшой квартире на шестом этаже большого дома в начале бульвара Сен-Мишель, недалеко от Собора Парижской Богоматери, в самом центре Латинского квартала, напротив одного из колледжей Сорбонны. В беседе затрагивалась религиозная тема раскола церквей, воспоминания войны и детства.

Искусствоведческий аспект широко представлен в исследованиях Т.П. Сухман «Усадьба Горка: историческая записка»² и «Интерьер усадебного дома Гальских в Горке: проблемы реставрации»³.

Исследователь обращается к истории «усадьбы Гальских, редкого памятника деревянной усадебной архитектуры первой трети XIX века». События XX века существенно изменили усадебный ансамбль, первоначальная планировка почти полностью была утрачена, до настоящего времени дошли лишь усадебный дом и одна из хозяйственных построек – амбар, архитектурный облик которых свидетельствует о незаурядном

¹ Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2009. С. 39.

² Сухман Т.П. Усадьба Горка... С. 23–33.

³ Сухман Т.П. Интерьер усадебного дома Гальских в Горке: проблемы реставрации // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2009. С. 117–131.

художественном качестве строений усадьбы. История имения изучена мало в основном из-за скудости сохранившихся документальных источников, немногочисленных и разрозненных. Письменных источников сохранилось немного, основными являются свидетельства, опубликованные в статистической и краеведческой литературе Новгородской губернии рубежа XIX – XX веков.

Поиск документальных материалов, проводился в архивах Вологды, Новгорода, Санкт-Петербурга и Москвы, что позволило уточнить историю существования интереснейшего памятника деревянной архитектуры на протяжении его почти двухвековой истории. В исследовании использовались документы, описывающие местность, на которой возникла и существовала усадьба (Экономические примечания Генерального межевания, проведенного в Новгородской губернии в 1780-х годах, РГАДА, ф.1355, оп. 1, д. 879), Межевая книга города Череповца, датированная 1814, в которой впервые упоминается пустошь Горка (ГАВО, ф. 881, оп. 2, д. 16), архивное дело, хранящееся в РГИА, из которого следует, что усадьба Горка становится собственностью семьи Гальских в 1856 («Выкупной акт на земли...»; РГВИА, ф. 577, оп. 22, д. 3623) и др.

По мнению Т.П. Сухман, опиравшейся на документальные источники и стилистические особенности сохранившихся строений, основные элементы усадебного ансамбля сложились к концу 1830-х – началу 1840-х годов XIX века. Главный дом усадьбы Горка является замечательным и редким памятником деревянной усадебной архитектуры периода зрелого классицизма.

В статье Т.П. Сухман «Интерьер усадебного дома Гальских в Горке: проблемы реставрации» представлена история формирования и эволюции интерьера главного дома усадьбы Горка, построенного во второй половине 30-х – начале 40-х годов XIX века. Представлены результаты натурных исследований памятника, проведенных в процессе последней реставрации, но они не позволяют представить полный образ внутреннего убранства дома.

Сохранившиеся подлинные элементы оформления интерьера, несмотря на их фрагментарность, являются ценнейшими документальными свидетельствами.

В архиве Череповецкого музейного объединения хранится коллекция фотографий, сделанных в усадьбе в начале XX-го века. Эти фотографии – единственный документальный источник, фрагментарно фиксирующий облик парадных комнат дома. В убранстве главного дома происходили неоднократные изменения, поскольку «искусство оформления жилого интерьера – очень недолговечно. Его художественные образы создаются, разрушаются и перестраиваются с каждой сменой поколений, изменением условий жизни, сменой художественных вкусов»¹. Т.П. Сухман предполагает, что интерьеры главного дома усадьбы Гальских претерпели несколько трансформаций в течение второй половины XIX – начале XX века. Общий облик сохранял свое стилевое единство долго, поскольку имение оставалось в собственности одной семьи, переходя по наследству вплоть до 1918 года, подлинное оформление и убранство помещений бесследно исчезало в процессе эксплуатации здания в советское время.

Реставрация усадебных ансамблей активно развивалась на протяжении второй половины XX века. В процессе этих работ сформировались основные методические принципы реставрации усадебных комплексов, определился их мемориально-музейный статус. Реставрация позволила накопить существенный массив новых фактов, исторических сведений и данных, в основном ориентированных на максимально полное представление главной персоналии усадьбы, на неординарную личность хозяина, историю его жизни и роли «родового гнезда»².

Несомненно, особую историко-культурную ценность представляет усадебное место, находящееся в селе Золотарево Залегощенского района Орловской области, принадлежавшее ранее помещикам Глебовым, Гурьевым, Телепневым, Нилусам и Гальским. Истории и исследованию

¹ Там же. С. 117–131.

² Там же. С. 118–119.

отдельных архивных документов села Золотарево посвящены статьи «На родине Владимира Гальского (село Золотарево: прошлое и настоящее)»¹ и «Село Золотарево в период революции и гражданской войны (по материалам Государственного архива Орловской области)»² Г.А. Тюрина, «"Войдем опять в опустошенный дом..." К истории села Золотарево (по архивным материалам)»³ Л.М. Кондаковой, литературоведческий аспект феномена дворянской усадьбы в нашей статье «Русская дворянская усадьба в художественном мире В.Л. Гальского».⁴

17 марта 2008 года, в день столетия со дня рождения В.Л. Гальского, в селе Золотарево, на месте, где ранее находилась усадьба Гальских, была установлена мемориальная доска⁵. В Орловском музее Тургенева открылась посвященная поэту выставка и прошли первые чтения Гальского. Только что образованный в Орловской областной научной универсальной публичной библиотеке имени И.А. Бунина фонд поэта Гальского получил порядковый номер 172.

Завершением юбилейных событий явилось установление 21 ноября 2008 года Поклонного креста в селе Золотарево Орловской области на месте, где стояла церковь Архистратига Михаила (инициатор – К.Б. Грамматчиков, руководитель молодежного православного братства во имя Святого Благоверного князя Георгия) и издание книги стихотворений В.Л. Гальского «Запоздалые листы» (составитель и автор вступительной статьи К.В. Гальской).

¹ Тюрин Г.А. На родине Владимира... С. 80–95.

² Тюрина Г.А. «Войдем опять в опустошенный дом...» К истории села Золотарево (по архивным материалам) // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Орел: Издательство Орловского гос. университета: издательство «Вешние воды», 2009. С. 162–169.

³ Кондакова Л.М. Село Золотарево в период революции и гражданской войны (по материалам Государственного архива Орловской области) // Там же. С. 152–161.

⁴ Меркулова И.А. Русская дворянская усадьба в художественном мире В.Л. Гальского // Там же. С. 145–151.

⁵ Фильчаков Ю. Возвращение забытого поэта. Орловская правда. 2008. От 22 марта. С. 5.

К сожалению, следует сказать, что в отличие от материалов по биографии В.Л. Гальского литературоведческий корпус работ по проблемам его творчества насчитывает всего несколько публикаций. Среди них особое место занимает статья Г.А. Тюрина «Идеалы прошлого и «иная память» В.Л. Гальского в историко-биографическом контексте», в которой делается попытка «соотнесения художественного мира В.Л. Гальского с восстановленными в процессе исследования-поиска фрагментами внехудожественной действительности»¹. Выделяя категории Памяти, Прошлого, Родины, исследователь подчеркивает, что «традиционным понятиям "подвиг", "достоинство", "слава", "вольность", – связанным с миром "отцов", противопоставлены "бесславный путь" и "шалюного сердца дурь"»².

В статье Г.А. Тюрина, В.Г. Тюриной «Юрий Софиев и Владимир Гальской: несостоявшийся диалог поэтов» подробно исследованы личностные и творческие отношения парижского и белградского поэтов. При этом исследователями особо отмечается, что лирический герой Гальского обладает, в отличие от поколения «отцов», «иной памятью» и, отвергая «память стран чужих и городов», оказывается отстраненным и от собственного прошлого: «В поэзии Гальского отчетливо выделяется социальный пафос: горечь чужбины и ностальгические раздумья о родине, слитые с духовно-религиозными переживаниями, пронизывают интимную лирику и пейзажные зарисовки»³. У Софиева иные взгляды на литературу и эмиграцию, во многом обусловленные влиянием парижской диаспоры. И, несмотря на то, что эти писатели «представляют одно поколение послереволюционной русской эмиграции», ощущается разность их творческих методов: «Если Гальской следовал классической (пушкинско-

¹ Тюрин Г.А. Идеалы прошлого и «иная память» В.Л. Гальского в историко-биографическом контексте... С. 52.

² Там же. С. 55.

³ Тюрин Г.А., Тюрина В.Г. Юрий Софиев и Владимир Гальской... С. 145–146.

некрасовской) поэтической традиции, <...> то в творчестве Ю. Софиева проявлялись иные эстетические ориентиры»¹.

В противоположность этому Т.А. Пономарева в статье «Поэзия Владимира Гальского» отмечает, что для произведений Гальского «характерны многие темы и мотивы "серебряного века", в них появляются цитаты из И. Анненского, В. Ходасевича, В. Брюсова», ощущаются «гумилевские интонации». И это не простое подражание: «...поэт старается дать свою, порой полемическую трактовку известных тем и образов <...> отказывается от индивидуализма и эгоцентризма раннего Гумилева, не принимает идею двоемирия символистов»².

Для понимания специфики творческого метода Гальского, по мнению Т.А. Пономаревой, важен образ России, состоящий из воспоминаний детства, создающих «общий образ дворянской усадебной жизни»: «Обобщенность подчеркивает общечеловеческий характер трагедии, связанной с утратой Родины, Дома, ее типичность»³. Напрямую с этой темой, по мнению исследователя, связаны проходящие насквозь через все творчество поэта мотивы странничества, изгнания, которые имеют «чаще всего не социальную, а психологическую окраску, <...> приобретают общеромантический характер»⁴. В противоположность этому стихи 1939–1945 годов «социально конкретизируются, появляются мотивы патриотизма <...> Словосочетание "моя страна", не мыслимое ранее, повторяется неоднократно <...> Возникает образ "мы" не как символ поколения эмигрантов, а как частица общей российской судьбы»⁵. В послевоенные годы в творчестве Гальского появляются христианские мотивы, что «объясняется личной

¹ Там же. С. 141, 147. В своей диссертации О.Е. Денисова утверждает, что белградское творчество Ю. Софиева основывалось «на подчеркнутом следовании традициям русской классики и эстетике русского модернизма» (Денисова О.Е. Жизнь и творчество Ю.Б. Софиева: историко-литературный аспект... С. 198).

² Пономарева Т.А. Поэзия Владимира Гальского... С. 59–60.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 63–64.

драмой поэта», которому «не суждено было вновь ощутить единство мира, общность судьбы русской эмиграции с судьбой России»¹. Все это говорит о том, что эволюция поэта шла по пути философского осмысления человеческого бытия и Бога, и расставляемые им художественные акценты имеют глубоко концептуальное содержание. Именно этот вывод позволил исследователю в своей более поздней работе обратиться к осмыслению концепта жизненного Пути в поэзии Вл. Гальского².

Как и Г.А. и В.Г. Тюрины, Т.А. Пономарева отмечает, что трагическая составляющая в поэзии русского Зарубежья заключается в постепенной утрате ощущения нерасторжимого единства с Родиной: судьбы эмигрантов расходятся с ходом мировой истории. В этом контексте заглавие сборника В.Л. Гальского «Путь усталости» оказывается концептуальным: оно повторяется в названии первого раздела, открывающегося одноименным стихотворением. Само слово «путь» встречается в первой строчке стихотворения «Там, за спиной. Все спутались пути», акцентируя важность концепта, смысловое значение которого дополняется заглавиями других стихотворений: «отъезд» («На отъезд в Америку»), «уход» («Как прост уход»), «тропы» («На мои затерянные тропы»), названием поэмы «Бездорожье» (1936).

Важность этого концептуального образа, по мнению Т.А. Пономаревой, объясняется скитаниями и эмигрантскими мытарствами. Эти вехи обнаруживаются в названиях многих стихотворений («Быть Робинзоном можно и в Париже», «Это было – в Брюсселе? В Париже?», «Греция», «Голландия», «Мюнхен 1945», «Будапешт»). Образ дороги в ее пространственном значении раскрывается во многих стихотворениях, становится символом русского бездорожья, поездом, который несет героя «в туман».

¹ Там же. С. 64–65.

² Пономарева Т.А. Концепт пути в поэзии Вл. Гальского [Устный] // Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А. Бунина: Всероссийская научная конференция. (Орел. 28–30 сентября 2010 г.). Орел, 2010.

Особенное значение концепт Пути, по мнению исследователя, приобретает в неоконченной поэме «Бездорожье», которая посвящена скорбной дороге русских изгнанников. Образ Отчизны соединяет концепт пути с концептом Памяти о «потерянной, но не забытой родине». Появляющиеся сомнения в бытийной оправданности человеческого существования, духовные поиски лирического героя Гальского приводят к ощущению безысходности, того, что «человек не может сам выбрать путь в мире, "разорванном на части", невозможно найти бытийное оправдание своих трагических переживаний, невозможно "в себе разрушить эту ночь"»¹.

Творческий путь В.Л. Гальского нельзя назвать уникальным: многие писатели «незамеченного поколения», делая выбор в пользу идеи воссоздания «России за рубежом», добровольно обрекали себя на безвестность, на отказ от профессиональной деятельности, на замыкание в узком кругу читателей-эмигрантов. И хотя русская диаспора в Белграде, Берлине и Париже создавала уникальную духовную атмосферу для молодых изгнанников, лишь смутно помнивших свою утраченную Родину, все же перед каждым из них стоял гамлетовский вопрос: быть или не быть русским писателем? Принимать ли заветы старшего поколения борьбы до конца с советской Россией или путем переосмысления исторических перипетий, поиска смысла и назначения человеческого бытия прийти к пониманию уникальности русского мира, его неповторимости на перенаселенных пространствах беспокойной Европы? В.Л. Гальской сделал свой жизненный выбор, но в отличие от некоторых своих соратников и друзей (Ю.Софиев, И.Н. Голенищев-Кутузов и др.), не смог вернуться на Родину в силу обстоятельств, сложившихся в послевоенном мире. При этом близость с Россией он ощущал всегда. И свою посмертную книгу «Путь усталости» готовил именно для русского читателя.

¹ Там же.

ГЛАВА 2. ДОМ-РОДИНА-ЧУЖБИНА В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО

Понятия «дом», «родина» и «чужбина» входят в концептосферу любой национальной культуры на правах универсальных категорий и, как отмечают исследователи, представляют собой доминанты, находящиеся между собой в антонимических отношениях¹. Каждый из этих концептов по отдельности имеет собственную ауру, передающуюся через систему метафорических значений, с помощью которых «концептуализируется определенная социальная конструкция, некая специальная модель отношений между индивидом и обществом, между гражданином и государством, между личностью и централизованной идеологической системой»².

2.1. ДОМ. РУССКАЯ ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА

Концепт ДОМ, по мнению исследователей, «занимает одно из центральных мест в русской языковой картине мира и обладает лингвокультурологической значимостью в понимании характера и особенностей культуры русского народа в целом и отдельного россиянина»³. Но его интерпретационное поле на самом деле гораздо шире простых словарных значений. Недаром Ю.М. Лотман говорил, что «история проходит через Дом человека»⁴.

За материальным содержанием этого концепта «скрываются и многочисленные идеальные смыслы <...> семья <...> "Родина большая и

¹ Головня А.И., Фан Минюй. Реализация концептов родина, чужбина в русском и китайском языках // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 6: В 2 ч. Минск: «Белорусский Дом печати», 2012. Ч. 2. С. 59.

² Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 23.

³ Слепцова Е. В. Содержание концепта ДОМ в русском языковом сознании (по данным вербально-ассоциативного эксперимента) // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 10. С. 77.

⁴ Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / 2 изд., доп. СПб: Искусство – СПб, 2002. С. 4.

малая"», что позволяет сделать вывод о том, что «понятийная сфера дом в целом связана с позитивными прагматическими смыслами»¹. Целостность и многоаспектность содержания концепта «дом», согласно наблюдениям С.И. Афанасьевой, позволяют «определить его в качестве ядерного концепта для языковой картины мира представителя русской культуры»²: в его состав входят такие универсальные и чисто русские понятия, как строение, династия, дворянская усадьба³.

Русская дворянская усадьба, появившаяся во «время максимального могущества российского феодального сословия»⁴, была не просто загородным домом или дачей. По мнению исследователей, русская усадьба – это «одухотворенное пространство, в границах которого реализовывалась определенная модель культуры»⁵, и в то же время – один из ключевых концептов «в общерусской культуре»⁶.

Феномен русской дворянской усадьбы заключается не только в том, что «личность владельца, его пристрастия и вкусы определяют стилистику усадебного комплекса»⁷, но и в «неразрывной связи дворянской культуры с поэтическим миром»⁸, в специфической «нераздельности житейского и поэтического»⁹, создавшего целый пласт русской культуры.

Идиллический мир русской усадьбы, по мнению исследователей, «появился в поэзии XVIII века в творчестве А.Д. Кантемира, Г.Р. Державина,

¹ Слепцова Е. В. Содержание концепта ДОМ в русском языковом сознании... С. 77, 80, 81.

² Афанасьева С.И. Способы реализации концепта «Дом» в творчестве И.А. Бунина доэмигрантского периода // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 145.

³ Гехтляр С., Осадчая О. Концепт «Дворянская усадьба» в русской культуре: место в концептосфере, содержание, структура // Мир науки, культуры, образования. 2012. № (37). С. 18–21.

⁴ Марасинова Е.Н. Каждан Т.П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX в.: В 6 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 269.

⁵ Пономарева М.В. Дворянская усадьба в культурно-художественной жизни России: XVIII-XIX вв.: дис. ... канд. истор. наук: М., 2005. С. 4.

⁶ Гехтляр С.Я., Осадчая О.А. Концепт «Дворянская усадьба» и его место в индивидуально-авторской картине мира И.А. Бунина... С. 366.

⁷ Марасинова Е.Н. Каждан Т.П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX в.: В 6 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 267.

⁸ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М.: «Традиция», 1997. С. 7.

⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 61.

И.И. Хемницера. В их произведениях усадьба изображалась местом свободного времяпрепровождения, философских размышлений, навеянных наблюдениями за природой, за сельским бытом. В век Просвещения, общественного служения усадьба стала символом тихой жизни, свободной от городских страстей, суеты»¹.

И в то же время усадьба – это еще и уникальное явление русской истории, во многом воплотившее в себе понятие малой и большой Родины². Недаром А.С. Пушкин, обращаясь к таинственным силам природы, писал в одном из своих михайловских стихотворений:

Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливым домик охрани!³

Исследователи особо отмечают, что в повести «Барышня-крестьянка» Пушкиным «показан идиллический мир, воплощение родного дома, естественности, внутренней гармонии, свободы, простоты», что усадьба – это «символ русской национальной культуры, <...> понимание родовой связи предков и потомков как основы достоинства человека, как условие жизни в мире»⁴.

В творчестве И.А. Бунина, который первоначально писал о разорении русских поместий и уже позже в эмиграции «заново воссоздавал дореволюционный мир, который невозможно было сверить с оригиналом»⁵, образ русской усадьбы становится уникальным концептом⁶, имеющим особенное значение для воссоздания полноты эмигрантского дискурса,

¹ Поташова К.А. Усадебная культура в жизни и творчестве А.С. Пушкина // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2013. С. 44.

² Ср.: «Дом для поэта – это и отчий кров, и малая родина, и великая Россия». (Афанасьева С.И. Способы реализации концепта «Дом» в творчестве И.А. Бунина доэмигрантского периода... С. 149).

³ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Т.1. Стихотворения 1814–1822. С. 80.

⁴ Поташова К.А. Усадебная культура в жизни и творчестве А.С. Пушкина... С. 47.

⁵ Сухих И.Н. Русская литература. XX век // Звезда. 2009. № 1. С. 230.

⁶ Ли Шумэй Образ русской усадьбы в рассказах И.А. Бунина... С. 39–43.

существенно отличающегося от доэмигрантского чувством горечи, связанным «нераздельно с мотивом утраты родного дома»¹.

Анализу феномена русской усадьбы посвящали свои статьи еще в начале XX века такие видные деятели русской культуры, как А.Н. Бенуа, П.П. Вейнер, Н.В. Врангель, И.Ф. Анненский, Г.К. и В.К. Лукомские, И. Грабарь. Именно в начале прошлого столетия русская усадьба начинает восприниматься как источник нравственных, просветительских и эстетических идеалов своего времени: «...усадьба становится одним из символов утраченного Золотого века русской культуры»².

В искусствоведческом и филологическом подходах к изучению усадьбы выделяются два основных аспекта: теоретико-типологический (Н.К. Пиксанов, П.Н. Сакулин, А.М. Путинцев, М.П. Сокольников и др.) и культурно-исторический (исследование отдельных памятных мест, созданных в разные эпохи – работы Е.И. Кириченко, М.А. Аникста, В.С. Турчина, А. Низовского и др.). Это позволяет говорить о том, что концепт РУССКАЯ УСАДЬБА является неотъемлемой частью доминантного для всей классической русской литературы понятия ДОМ, в свою очередь входящего в гиперконцепт РОДИНА.

В поэзии В.Л. Гальского, который относится к поэтам, в чьем творчестве биографические истоки играют определяющую роль формировании различных концептов, образ усадьбы, дома в значении Малой Родины, имеет особенное значение и воплощение.

На протяжении всей жизни воспоминания о покинутой малой родине оставались неизгладимыми в сознании В.Л. Гальского. Он говорит об этом вполне определенно в стихотворении «От клумбы до балкона пять шагов...»

Ты родину свою унес с собой,

¹ Гехтляр С.Я., Осадчая О.А. Концепт «Дворянская усадьба» и его место в индивидуально-авторской картине мира И.А. Бунина... С. 370.

² Летин В.А. Теоретико-методологические основания изучения концепта русской усадьбы XVII в. – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 285.

Ее нигде в пути ты не оставил.
 Доволен будь везде своей судьбой,
 Себя жалеть под солнцем мы не в праве.

Пускай потеряны и родина, и дом,
 Изгнанникам дано иное счастье:
 Во всем величье целостном своем
 Мир ощутить, разорванный на части. [98]

В основе этого глубоко личного ретроспективного текста лежит гиперболическая метафора, свидетельствующая о типологическом единстве эмигрантской литературы. Не случайно в книге своих воспоминаний Р.Б. Гуль писал «И я унес Россию. Так же, как и многие мои соотечественники, у кого Россия жила в памяти души и сердца. Отсюда и название этих моих предсмертных воспоминаний – "Я унес Россию"»¹.

Тема Родины начинается с малого – с образа дома и детских воспоминаний. «В традиционном понимании, – как отмечает Р.О. Яковлев, – выделяют Родину "большую", т.е. всю страну целиком во всех ее качествах и проявлениях, и Родину "малую" – место, где человек родился и провел детство»². У Гальских было такое место в России.

Усадьба в селе Золотарево Мценского уезда Орловской области воспринималась поэтом-изгнанником как символ малой родины и всей России. Особенностью художественного изображения этого места является ретроспективность взгляда поэта, когда прошлое воспринимается глазами ребенка, о чем говорит сам автор: «Родина – воспоминанье детства...» [58]; «Встает таким, каким казался в детстве, / Потерянный, но не забытый дом» [128].

В архиве семейных фотографий Гальских сохранилось несколько «золотаревского периода», но они не отражают всех прелестей и черт родной усадьбы и сельского дома. В одном из писем К.В. Гальской, характеризуя

¹ Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Предисл. и развернутый указатель имен О. Коростелева. М.: Б. С. Г.-ПРЕСС, 2001. Т. 1. С. 5.

² Яковлев Р.О. Роль малой родины в воспитании будущего гражданина // Перспективы науки. 2017. № 3 (90). С. 62.

семейный архив, отмечал: «Материалов о Золотарева и Орле, увы, тоже почти нет. Есть фотография рядна, разложенного на берегу речки Змиевки (?) [Оптушки], протекающей близь имения. В остальном есть только снимки Л.Л. (Льва Львовича), М.Л. (Мариамны Львовны) и В.Л. (Владимира Львовича) детьми с боннами и с няней, но без «архитектурных деталей»¹.

Конечно же, описания дома и усадьбы в стихах В.Л. Гальского не могут быть признаны достоверными точными, но все же в них проявляется определенная конкретность и узнаваемость золотаревских мест, особенно в стихотворениях «Картинки цветными карандашами» и «По-старинному дом обставлен...», написанное перед смертью в Касабланке.

В написанном незадолго до смерти в Касабланке стихотворении «По-старинному дом обставлен...» малая родина предстает в образах, наполненных личностными впечатлениями и воспоминаниями, передающими частные детали быта и оттенки чувств, причем концепт «дом» употребляется в произведении дважды, но в разных контекстах, обозначающих начало жизни –

По-старинному дом обставлен,
Без веселых, живых затей,
В узких щелках прозрачных ставен
Солнца свет и крики детей, –

и ее конец –

Где-то близко птица запела,
В черной вазе цветов букет.
Вот и бабочка залетела
в приоткрытый рамы просвет. [132–133]

Показательно, что в этом предсмертном стихотворении нет упоминаний о родных и близких. Здесь доминирует пессимизм, характерный для романтической эстетики², о котором писал еще Ф.П. Федоров, указывавший на то, что в позднем романтизме «дом объявляется знаком

¹ Гальской К.В. Письмо Тюрину Г.А. от 4 января 2007 г. // Личный архив Г.А. Тюрина (г. Орел).

² Комаков В.Б. Ценность жизни в романтической традиции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2013. № 2 (10). С. 40.

негативного мира, негативного сознания, классическим воплощением конечного»¹.

При изображении усадьбы одним из основных образов у Гальского является ДОМ, «потерянный, но не забытый». Конкретизируя описание, поэт выделяет отдельные части-детали жилого здания: КОМНАТЫ с ДВЕРЯМИ, запирающимися на ЗАСОВ, и ОКНАМИ, имеющими СТАВНИ, КРЫЛЬЦО со СТУПЕНЯМИ, БАЛКОН, КРЫША. Выделяются элементы интерьера комнат: КАМИН, ВЕЩИ, ДИВАН, КОВЕР НА ПОЛУ. Описания наполнены высокой степенью художественной ассоциативности: «Бегут ко мне пологие ступени, / Залитый солнцем вижу я балкон» [128].

Мотив дома у Гальского непосредственно связан с образами детства и семьи: матери («Мой вечный друг, испытанный и верный») [119] и «далекого, верного поводыря» – сестры Мариамны. [14] В их изображении поэт, обращаясь к метафорам-приложениям, щедр на оценочные эпитеты («образы-переживания», по определению В.В. Савельевой). Приметами этой «согласной поры» являются любимые страницы детского чтения (Майн Рид [118], «журнала желтые листы» [131]); при этом передается особая духовная атмосфера – «Уютен угол старого дивана» [131]. При этом эмоционально-психологическое состояние ребенка связывается с чисто детскими мотивами:

Поплакать бы, рыданий не тая.

 Одно лишь жаль, что не вернуть то время,
 Когда лечил все беды шоколад,
 Когда обиды забывал совсем я. [118]

Прошлое коррелирует с образами природы, при этом соотносятся ДЕТСТВО и ВЕШНИЙ ЛУГ, ЛЮБОВЬ (к сестре-другу) и ОСЕННИЙ ЛИСТ. В этих описаниях, насыщенных художественными ассоциациями, развернутое сравнение в форме творительного падежа контаминирует с метафорическим глаголом («Стелется за мною вешним лугом / Детства

¹ Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. С. 94.

нашего согласная пора» [14]); метафора-приложение включает два эпитета в препозиции («Та любовь – увядший желтый лист» [14]), что усиливает эмоциональный контекст и задает определенную парадигму поэтических значений. Не случайно, что на первый план выходит временная оппозиция: «тогда» – «сейчас» («пространственные оппозиции», по определению В.В. Савельевой): при этом прошлое, воспринимаемое «свободную ребяческой душой» [130], наполнено нравственной чистотой и радостью, а настоящее, напротив, связано с утратой идеальных черт минувшего:

Я тогда был мальчик неуклюжий,
Ты - девчурка с хвостиками кос.
.....
Накопил в себе я много яда,
А тогда так кроток был, так чист [14].

Прости меня, пускай я злой и гадкий,
Но ты всегда умела все прощать [118].

Поэт стремится воспроизвести все особенности мироощущения ребенка, и в этом отношении он следует за примером великого предшественника – Л.Н. Толстого, представившего в своей знаменитой трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» детство как эпоху «абсолютной гармонии и счастья ребенка»¹. При этом важным для обоих писателей оказывается не столько «внешнее» описание родного имения, сколько психологическая достоверность и глубина раскрытия детских переживаний. Передавая восторженное восприятие лирическим героем-ребенком окружающего мира, поэт обращается к восклицательным конструкциям:

Я у себя! Как сладко знать и верить,
Что ты всему тут близкий и родной! [129]

или

Когда ж зазеленеет снова сад,
И солнце выпьет луж весенних сырость,

¹ Цирулев А.Ф. «Поэтическая идея» в трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. С. 27–32.

Я радостно вернусь сюда назад,
И кто-то скажет: «Как Володя вырос!» [131].

В таких эмоционально насыщенных описаниях проявляется особенная слитность человека и природы, когда персонифицируется и мифологизируется все окружающее пространство: «Казалось, о судьбе моей / Шептался ветер осторожно...» [125]; «А дом, закрытый плотно на засов, / Заснет, сомкнув дремотно веки ставень».[131]

Детское понимание времени и пространства положено в основу композиционного построения «Картинок цветными карандашами» («образы, передающие движение времени», по определению В.В. Савельевой): психологически мотивированной в нем является последовательность изображения времен года – с весенней поры до начала осени (это каникулярное время для детей-гимназистов, которое они проводили в усадьбе; при этом описание зимы выпадает из композиции). Обоснованным оказывается и отбор жизненного материала, вошедшего в систему художественных описаний: изображены события и картины, оставившие яркое впечатление в душе героя-ребенка – приезд в имение, ледоход на реке. [131]

Значимым структурообразующим элементом организации поэтического мира является художественное пространство – важнейшая композиционная составляющая. Как убедительно показал Ю.М. Лотман, художественное пространство – это индивидуальная модель мира автора, выраженная «на языке его пространственных представлений»¹.

В поэтическом мире В.Л. Гальского пространство не имеет четких координат. Родина для поэта изначально связана с образом открытого пространства российских земель, полей, их необозримыми просторами, с рускостью. И это типологически обусловлено тем обстоятельством, что «для русского языкового сознания свойственна именно горизонтальная

¹ Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: «Александра», 1992. Т. 1. С. 414.

ориентация в пространстве», плоскостное («равнинное») мышление¹. Не случайно поэтому, что одной из особенностей, характеризующих Россию в поэтической системе Гальского, становится активное использование образов с семантикой движения, раздолья, безграничной свободы.

Индивидуальные особенности детской рецепции раскрываются в изображении поэтом пространственных отношений. Так, расстояние между неизменными в любой русской усадьбе ориентирами (балкон и клумба) измеряется шагами взрослого и ребенка («количественная характеристика пространства», по определению В.В. Савельевой):

От клумбы до балкона пять шагов,
Но сорок лет назад их было двадцать [98].

Композицию этого стихотворения, основанную на детском стремлении исчислить окружающее пространство шагами, можно поделить на несколько частей. Детство: двадцать шагов от клумбы до балкона, превратились через сорок лет в пять, речка превратилась в ручей, от родного дома судьба кидает человека из стороны в сторону по всему евразийскому континенту – от Альп и до Памира, на фоне которых практически теряются и малая родина, и старый дом. Жизнь приобретает особые хронотопические измерения: пространство, как отмечал М.М. Бахтин, «осмысливается и измеряется временем» человеческой жизни². При этом внутреннее единство частей стихотворения создает замкнутые художественные локусы, о которых сам лирический герой Гальского очень точно говорит в конце стихотворения: «Во всем величье *целостном* своем / Мир ощутить, разорванный на части». [98]

Появляющийся при описании сельского имения мотив высоты дома мотивируется ландшафтными особенностями местности и размерами усадебного корпуса («вертикальное и горизонтальное пространство», по

¹ Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. С. 59.

² Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 235.

определению В.В. Савельевой). Огромное жилое строение, часть которого была двухэтажной (с балконом и высокой крышей), находилось, как и полагается, на возвышенном месте. Это ощущение высоты вызывает у ребенка чувство удивления и восторга:

Тут даже облака как будто ближе,
Они плывут, почти касаясь крыши,
Колеблемые легким ветерком... [129]

С особенностями детского восприятия пространственных отношений связана в описании усадьбы и метафора «сиреневая волна» (в строке «Встречает сад сиреневой волной» [129]), вызывающая ассоциации со стихами Гумилева и Есенина¹. В архивно-исторических и мемуарных источниках отмечалось, что сад и дом Гальских были окаймлены сиренью («искусственное ландшафтное пространство» и «зрительные образы, линия и цвет», по определению В.В. Савельевой). Однако в золотаревском имении Гальских «волнообразность» сирени создавалась двумя горизонтальными волнистыми линиями: верхней, образованной стволами разной высоты, и нижней – по крутому склону кусты высажены извилисто (фрагменты этой посадки уцелели и запечатлены на фотографиях).

Поэт передает тонкие ольфакторные ощущения («образы-запахи», по определению В.В. Савельевой), связанные с детскими воспоминаниями о доме, получающие подкрепление в актуализированной звукописи – повторе в основном сонорных Л, М, Н и ударной гласной И):

ЕЛовых шИшек, ТЛеющих в каМИНе,
МедЛИТеЛеН ароМаТИЧНый дыМ. [130]

Доминантный поэтический концепт усиливается импрессионистическим описанием тактильных ощущений, вызываемых прикосновением босых ног к прогретой осенним солнцем земле:

Как хорошо Желтеющей меЖой

¹ См.: Борзых Л.А. Флористическая поэтика С.А. Есенина: классификация, функция, эволюция: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2012.

ИдТИ в ПылИ ПушИсТой и нагрЕтой. [130]

Родная земля и воспоминания о ней воспринимаются лирическим героем как некий божественный дар, что подчеркивается целым каскадом звуковых метафор:

Далеких ДНей живые лоскуты
 На ДНе Души таятся и поНыНе,
 я бережНо храНю их, как святыНи. [128]

Отчетливо урегулированная звукопись строк этой лирической трилогии образована сложно выстроенными по вертикали аллитерационными рядами. Характерно, что доминирующими типами повторов здесь оказываются именно сонорные, существенно опережающие комплексы шипящих и свистящих: [Л] - 91, [М] - 61, [Н] – 181.

Однако в поэтических размышлениях о родине звучит мотив безвозвратности прошлого: «...детство нам не возвратить назад», «Одно лишь жаль, что не вернуть то время...» [118] Мир детства – угасающие и исчезающие впечатления о прошедшем безвозвратно («живые лоскуты», «огни, давно угасшие поныне»), которые «память дряхлая» стремится сохранить. Поэт отчетливо понимает, что прошлое – это жизнь, существующая только в его воображении.

Былое у Гальского всегда связано со сновидческой реальностью (например, «У печки» [38]). Это особенное состояние, представляющее взаимосвязь яви и причудливых представлений-видений, выражено в стихотворении «Эфемириды» [35] («пространство сна, мечты, грезы...» – (онейрическое пространство), по определению В.В. Савельевой). Все это позволило одному из первых исследователей творчества поэта сделать вывод о том, что «в стихах Гальского нет четких воспоминаний об оставленной Родине <...>. Гальской почти не конкретизирует образ Дома. Речка, зелень берегов, балкон и клумба, зеленый бархат газона – из этих деталей создается общий образ дворянской усадебной жизни <...>. Обобщенность подчеркивает общечеловеческий характер трагедии, связанной с утратой

Родины, Дома, ее типичность»¹.

При всей правильности этого вывода, все же нельзя не отметить, что в то же время автобиографизм поэзии В.Л. Гальского довольно конкретен, основан на достоверном описании усадьбы в селе Золотарево. Изображение прошлого строится на отдельных реалиях и подробностях, отражающих бытовой и хозяйственный уклад усадебной жизни, воспроизводящих некоторые архитектурные особенности построек и своеобразие ландшафта местности. Более того, в художественном описании золотаревского имения запечатлено то, что не сохранилось в историко-архивных материалах. Так, в государственной описи имения дома обозначены одна плита и шесть голландских печей, отапливавших десять комнат, но не отмечен камин, о котором поэт упоминает в стихотворении «Картинки цветными карандашами» и в котором жгли еловые шишки («подробно описанные или названные пространства», по определению В.В. Савельевой): «Еловых шишек, тлеющих в камине, / Медлителен ароматичный дым». [130] В отчетной ведомости «О национализированной усадьбе бывш[ей] Гальского» при описании парка выделены 32 ели (ГАОО, ф. Р-477, оп.1, ед. хр. 174).

Особой выразительностью в поэзии В.Л. Гальского обладает образность художественного мира усадьбы. Здесь выделяется оппозиция УСАДЬБА – ГОРОД («урбанистическое пространство», по классификации В.В. Савельевой). Город (дореволюционный и послереволюционный губернский город Орел) только упоминается в лирике Гальского (при этом актуализированы атрибуты учебы в гимназии – КАНИКУЛЫ и РАНЕЦ):

Каникулы окончены, пора
Мне в городе надеть на спину ранец. [131]

Сельские просторы описываются детально и ярко, причем ключевым в поэтическом мире В.Л. Гальского оказывается концепт ЗЕМЛЯ. В зависимости от сезонных погодных условий она представлена в различных

¹ Пономарева Т.А. Поэзия Владимир Гальского... С. 60.

физических состояниях: «сырая и вязкая» земля (колеи грунтовой дороги) пропитана вешними водами, которые связываются со слякотью и распутицей. В таком описании два эпитета-определения в постпозиции конкретизируются наречием «еще», создающим некоторую «сиюминутность» изображения:

Меня качает мерный бег коляски
По колеям, еще сырым и вязким [131].

В летний зной земля покрыта «пушистой и нагретой» пылью (выделим два эпитета в препозиции, при этом первый – в метафорическом значении [129]).

В описаниях «согретой» земли, пронизанной весенним солнцем и дымком от испаряющейся влаги, поэт использует метафорический глагол ПИТЬ (и в модификации «выпить»):

Я пью земли согретою испаренья. [129]
И солнце выпьет луж весенних сырость. [131]

Земля «в зеленом пробуждении лугов» [129] освобождается от зимнего оцепенения и наполняется живительной силой. Переход от зимы к весне воспринимается как «преображение», что связывается с традиционным для русской поэзии мотивом весеннего преобразования души.

Образ весны в концептологии осмысливается с нескольких точек зрения. А.Л. Калашникова в качестве одной из ключевых особенностей отмечает динамическую природу образа, который «воздействует на внутренний мир лирического героя, получающий возможность модификации»¹. И.И. Ковтунова определяет этот концепт как особую категорию «мира переходных состояний» (весна, осень, сумерки, рассвет) и указывает на то, что «переходным состояниям в природе соответствуют переходные состояния в душе человека»². Аналогичные наблюдения приводятся и

¹ Калашникова А.Л. Образ души в художественном мире Ф.И. Тютчева: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.

² Ковтунова И.И. Федор Тютчев // Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов. М., 2003. С. 64.

другими исследователями¹, которые отмечают сложное взаимодействие природного и человеческого начал.

И.А. Поплавская в описаниях весеннего преобразования природы и души лирического «я» обнаруживает «экзистенциальное переживание бесконечного»², А.Л. Калашникова – «архетипическую связь с темой сотворения мира, провоцирующую творческую активность мироздания: весной вселенная как бы творится заново»³. Именно этот мотив бесконечного круговорота можно выделить в стихотворении «Картинки цветными карандашами», что вызывает устойчивые ассоциации с романтическим образом весны в лирике В.А. Жуковского, у которого, по наблюдениям С.А. Матяш, совершается «ход поэтической мысли от внешнего к внутреннему, восходящий к психологическому параллелизму народной поэзии»⁴.

Другим не менее важным мотивом оказывается у Гальского мотив памяти, воспоминания о родном доме, о русских просторах:

Но и теперь в сознании моем
За годами скитаний, войн и бедствий
Встает таким, каким казался в детстве,
Потерянный, но не забытый дом.[128]

В этом художественном концепте выделяются образы, характеризующие рельеф усадьбы: РАВНИНА, СКЛОН, ПРИГОРКИ, КОСОГОРЫ и др. («пейзажные образы» по определению В.В. Савельевой). Поэт изображает почти все виды сельскохозяйственных и культурно-

¹ См., например: Ковалев В.А. Из наблюдений над проблематикой и поэтикой философской лирики Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев и его время: сборник статей. Тула, 1981. С. 34.; Самочатова О. Я. Природа и человек в лирике Ф.И.Тютчева // Ф. И. Тютчев и его время: сборник статей. Тула, 1981. С. 50.

² Поплавская И.А. Текст «Времена года» и художественная философия «весеннего чувства» в творчестве В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 17–23.

³ Калашникова А.Л. Мотив весеннего преобразования души в художественном творчестве Ф.И. Тютчева: фольклорные и христианские традиции // Фольклорная картина мира : сб. науч. ст. Кемерово, 2012. Вып. 2. С. 84.

⁴ Матяш С.А. «Весеннее чувство» В.А. Жуковского // Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 95.

декоративных угодий: ЛУГ (сенокос, пастбище), ПОЛЕ (пашня), САД, ПАРК и др. Окультуренная человеком природа представлена в разные времена года (исключая зиму): «В зеленом пробуждении лугов» [129], «И снится полдень, луг нарядно пестрый, / Серебряно звенящий сенокос, / И запах трав, таинственный и острый...» [38], «Повыбит луг и дозревают нивы...» [130], «И как в солнечном детстве, опять будут близки поля» [134], «Там теперь в неумолимой воле / Осень медный обнажила меч, / И, гуляя с ветром в сжатом поле, / Головы цветам срубает с плеч» [116].

В поздней лирике природное сливается с духовным, образуя суггестивный звуковой образ:

СкОро Светлой ночью ВоСкРесенья
По полям, Седым от вешних РоС,
ПРонеСет Свое благоСловенье
РадоСтный пРощающий ХРистоС. [52]

Аллитерационное использование сквозного звука [С] и нарастающий сонорный ряд [Р] поэтизируют пространство, среди которого выделяется узкая полоса между полями – МЕЖА, заросшая сорняками и исхоженная сельскими детьми: «И, как слезы, зерна сыплют прутья / У межи забытой конопли» [116]; «Как хорошо желтеющей межой / Идти в пыли ...» [130].

Как известно, русская усадьба представляла собой архитектурно-парковый ансамбль, строившийся по типологической планировочно-пространственной схеме. Основной комплекс поместья Гальских располагался на высоком берегу реки Малой Оптушки, опоясывавшей усадьбу с востока и севера. Вдоль русла находился парк, а с южной стороны располагался огромный сад. Эти основные усадебные реалии с разной степенью детализации вошли в поэзию В.Л. Гальского. Все они художественно переосмыслены и описания их выстроены по определенной, чаще всего – романтической, схеме ассоциаций.

Так, воспоминания о парке связаны с образами-звуками («звуковые образы» (соносфера), по определению В.В. Савельевой): «...за парком

ночами стонали гармони, / И вели переключку ночную дворовые псы» [134]. В этот ключевой образ входят многочисленные детали: аллеи, лиственницы, ели с шишками, сирень, куст, зелень, газон, клумба, цветы и др. Описания их строятся на основе цветовой метафоризации («цветовая палитра» В.В. Савельева): от соотнесенности (в форме творительного падежа) травы с материей («Зеленым бархатом лежит газон») и слияния ярких цветов-доминант («Пятнают зелень кровью георгины») до синестетического эффекта, основанного на слиянии цветовой и звуковой характеристик: «И лиственниц желтеющих вершины / Уж осыпают желтый шорох игл» [128].

Сад, обрамленный кустарником («сиреневой волной» [129]), изображен в весеннем пробуждении («Когда ж зазеленеет снова сад...»[58]) и в цветении: «Белыми пушистыми цветами / Яблони в садах уже цветут» [51]. В художественном описании выделяются особенности звуковой организации: «ВерНется ль яблОнЬ ВЕшНее цВЕтеНье...»[30]. При соотнесенности цветущего сада и души человека («Вновь воскрешенный сад души моей» [30]) природные и духовные начала сливаются в единый романтический образ.

В художественном мире усадьбы «окультуренное» пространство (ПОЛЕ, ЛУГ, САД, ПАРК, ДОМ...) окружено естественно-природными образами: РЕКА / РЕЧКА (ВОДА), НЕБО с ОБЛАКАМИ и птицами, ВЕТЕР и др. Водная стихия изображена в разные времена года. Поэт описывает стремительный ледоход, срывающий «с реки хрустальные плотины»; при этом проявляется игра светотени: «одинокие льдины» отражают солнечный свет («мерцают») на темном фоне реки («в зеленом сумраке холодных вод» [128]). Летнее умиротворение («Тепла в реке спокойная вода» [129]) сменяется метафорически яркой картиной непогоды: «Стелет вечер простыни тумана / Над рекою, поджидая ночь...» [116].

По воспоминаниям старожилов села Золотарево, высокий уровень воды в реке поддерживался мельничной плотиной, которая стояла ниже по течению (1–1,5 версты от усадьбы Гальских). Наделенная

персонифицированными чертами мельница вошла в описания имения: «Мельница, заплатанным крылом / Поникнув, ждет осеннего помола» [130].

В пейзажных зарисовках-воспоминаниях поэта небо (почти всегда сумрачное) наполнено птицами: «Треугольные кроют лоскутья / В полинялом небе журавли» [116], «И в небе опалено-голом / Пернатый хищник спит небесным сном» [130], «И галок лет в холодном небе плавлен» [131].

Выделенные ключевые образы-детали усадьбы (ПОЛЕ, ЛУГ, МЕЖА, САД) входят в другие темы и мотивы поэзии В.Л. Гальского, обретая иные оттенки значений и наполняясь обобщенным смыслом, ср.: «Ты поле счастья обошел межой / И не пришел к желанному покою» [32]; «...Счастье – незаметная синица, / Что порхает по полям печали» [41]; «...Руку дай – за времени межой / Страшно нищим встать перед Всевышним» [40].

Таким образом, семейная усадьба для В.Л. Гальского являлась не только необходимой связью человека с окружающей природой, не только символом родного края и всей Родины: мир усадьбы формировал в душе и в поэзии Гальского особую нравственно-духовную атмосферу, сохраненную во всем творчестве.

Значение усадебной культуры в жизни поэта велико – именно родовое имение было одним из факторов формирования художественно-эстетических взглядов В.Л. Гальского. Несомненно, на формирование концепта Родины в творчестве поэта оказало влияние усадьба Золотарево, традиционный уклад которого с шумными праздниками, хороводами и песнями, живописной природой поэт помнил с детства. Золотарево стало для него особым миром, в котором были заложены основы мировосприятия.

Концепты усадебного мира в стихотворениях представлены через детские воспоминания, бытовые картины, а художественный мир концепта РОДИНА складывается из сплетения природных, пространственно-временных и лирических мотивов в идиллическом преломлении. Изобразительность художественного мира Гальского представлена различными видами образов и пространственно-временной организацией,

благодаря которым возникает авторская модель поэтического мира.

Усадьба для Гальского – это символ русской национальной культуры, она несет в себе мировоззренческую функцию, в разнообразных воплощениях представляя воспоминания детства, понимание родовой связи предков и потомков как основы достоинства человека, как условие жизни в этом мире.

2.2. УТРАЧЕННАЯ РОДИНА В ЛИРИКЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО

Концепт РОДИНА в поэтическом творчестве В.Л. Гальского включает в себя глубоко личные, индивидуальные представления художника о судьбе России как судьбе человека, судьбе поэта. Этот концепт является одним из базовых русских национальных концептов. Наряду с концептами ЛЮБОВЬ, ДОБРО, ТОСКА, ЖИЗНЬ, МИЛОСЕРДИЕ он составляет языковую картину русского мира¹.

В поэтическом мире В. Гальского нашли отражение традиционные представления о России как родине, стране, отчизне, земле, семье. В составе этого гиперконцепта оказываются такие концепты, как усадьба, дом, дополненные образами-деталью: луг, сад, река, город и др. Но как ментальное образование концепт РОДИНА может включать в себя эмоциональные признаки, проявляющиеся в форме чувств радости, гордости, благодарности, либо разочарования и т.д.². Исследование ключевых концептов этого арсенала оказывается особо значимым при рассмотрении художественного мира русского поэта. И не в последнюю очередь в дискурсе писателя-эмигранта важным становится мотив утраты отчизны, в котором и реализуются основные концептуальные парадигмы Родины. Ее образ предстает в эмигрантском сознании как некий идеал, утраченный рай, что

¹ Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 10.

² Гимаев Я. А. Актуализация ключевых компонентов концепта «Родина» в учебниках по литературному чтению // Проблемы современного образования. 2012. № 5. С. 135–141.

вызывает прямые ассоциации с мотивом блудного сына, воспроизводящим не просто сюжет библейской притчи, а – «некую культурную модель». В русской литературе он получил широкое распространение чуть ли не с момента ее создания. Согласно «Словарю-указателю сюжетов и мотивов русской литературы»¹, к нему обращались практически все выдающиеся деятели русской культуры, начиная с Симеона Полоцкого. Причем содержание притчи русскими писателями трактовалось в основном как мотив нарушения запрета, отступничества, следующего за этим морального или социального падения и конечного покаяния с восстановлением статус-кво.

Перенесенный на национальную почву и в определенный исторический контекст этот мотив преломлялся во многих произведениях русской классической литературы. Так, по мнению исследователей, «евангельская притча в несколько измененном варианте составляет стержень "Повестей Белкина"»², центральным ядром которых является рассказ «"о блудных детях", которые проходят трудный путь от одного аксиологического полюса к другому – от своеволия к смирению...»³. Еще выразительнее этот мотив реализован в «Отцах и детях» И.А. Гончарова и И.С. Тургенева⁴. Э.А. Радь в диссертации «История "блудного сына" в русской литературе» отмечает: «Миф о блудном сыне как язык, на котором говорят авторы разных времен, затрагивающие извечную проблему "отцов" и "детей", имплицитно или эксплицитно присутствующий в текстах, составляет онтологическое поле и является результатом онтологического сознания»⁵.

¹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Вып. 1 / 2-е изд., стер. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. С. 25–26.

² Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: (пути эволюции). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. С. 161.

³ Жилина Н.П. Притча о блудном сыне в повести А.С. Пушкина «Метель» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск. 2011. № 9. С. 78.

⁴ Середенко И.И. Архетип блудного сына в произведениях русских классиков // Культура и текст. 2005. № 9. С. 16–22.

⁵ Радь Э.А. История «блудного сына» в русской литературе. Модификации архетипического сюжета в движении эпох: автореферат дис. ... докт. филол. наук. Саратов 2014. С. 10.

В легенде о блудном сыне вычленяется несколько образно-тематических пластов, получивших символическое истолкование:

1) собственно сюжет о раскаявшемся грешнике. Валентина Ивановна Габдуллина считает, что «на метафорическом уровне в сюжете притчи обнаруживаются следующие смысловые узлы: отпадение человека от Бога (веры) – искушение его плоти и духа – духовная смерть – покаяние – воскресение, возвращение в Дом Отца»¹.

2) История старшего сына, выступающего «в образе самоправедного верующего».²

3) История отца, принимающего раскаявшегося грешника. Под этим образом понимается как Бог-Отец, так и Христос.

Эти три образные линии имеют многочисленные культурные модификации, и в частности – доминирующий в мировой культуре образ блудного сына, который приобретает архетипические черты. Внутри него, с одной стороны, формируется модель «человека без родины», «блудного сына своего отечества», «перекати-поле»³, можно сказать – пассионария или даже революционера, бунтующего против своего отца, с другой, – это человек, смиливший свою гордыню, обуздавший свои страсти и через покаяние и самоуничтожение пришедший к Богу. Именно таким предстает этот образ в стихотворении Ивана Бунина, написанном в Одессе в памятном 1918 году в предчувствии скорой эмиграции. Здесь мотив блудного сына использован в его заключительном финальном значении «возвращения». Причем, это – единственное обращение к данному мотиву в лирике Бунина.

Форма этого стихотворения довольно традиционна: четкий анапестический ритм чередования 4-ст. и 3-ст. строк (за исключением

¹ Габдуллина В.И. Мотив блудного сына в произведениях Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Барнаул, 2006. С. 5.

² Православная энциклопедия / притча о блудном сыне [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ukvid.net/video/«православная-энциклопедия»-притча-о-блудном-сыне-LhV0A1Lj8PA.html> (Дата обращения: 20.06.2019)

³ Константинов В.В., Ковалева Н.А. Социально-психологический анализ феномена расставания мигрантов с родиной. Пенза: ПГПУ, 2010. С. 17.

удлиненной 6-й строки), традиционная перекрестная рифмовка. Все это служит для лаконичного изображения идеального мира родной природы, обладающего практически символическим статусом. Не случайно, что в накоплении номинативов (И цветы, и шмели, и трава, и колосья, / И лазурь, и полуденный зной), создающих в самом начале текста особенный изобразительный ряд, практически отсутствуют определения. Этот же ряд символов упоминается, правда в неполном виде, но со знаменательным уточнением «вот эти», во втором четверостишии в обобщенном значении «полевых путей», ведущих к Господу. Все это свидетельствует о том, что в стихотворении все фокусируется на душе человека, возвращающейся в царство Божие на страшный суд. Вся сюжетная основа библейской притчи о блудном сыне как бы свернута между первых двух строк и остальным текстом стихотворения, и только упоминание библейского персонажа создает особенный ассоциативный фон для диалога Бога и человека, смиренно преклоняющего колени. В таком художественном решении, скорее всего, сказывается влияние картины Рембрандта, в композиции которой нет конфликта, а все изображение строится на не обозначенной в притче сцене коленопреклонения. Ср. в Библии: «И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его».

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
 И лазурь, и полуденный зной...
 Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
 «Был ли счастлив ты в жизни земной?»
 И забуду я все – вспомню только вот эти
 Полевые пути меж колосьев и трав –
 И от сладостных слез не успею ответить,
 К милосердным коленам припав.¹

Бунин выделяет из сюжета библейской притчи о блудном сыне мотивы смирения и всепрощения, что сложно коррелирует с направленностью

¹ Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М: Воскресенье, 2006. Т. 2. Стихотворения (1912–1952); Повести, рассказы (1902–1910). С. 119.

бунинского творчества в это время. Стоит напомнить, что тогда он работал над книгой «Окаянные дни», представлявшей, по оценке Галины Кузнецовой, «накопление гнева, ярости, бешенства временами»¹.

Гальской, в отличие от Бунина, не один раз в своих произведениях обращается к образу «блудного сына», и при этом - в совершенно в разных контекстах. Так, в стихотворении «Париж» притча о блудном сыне называется «старой повестью». При этом его лирический герой – это молодой эмигрант, скитающийся по европам, меняющий города и страны, ночующий в «дешевых стареньких отелях». Он не назван по имени, потому что у него нет не только отечества, но и отчества. Он ощущает себя потерянным, ненужным в «неувядающем Париже», названном в конце стихотворения «городом безысходным», который можно:

Любовью ясной и холодной
Почти как родину любить.
«Париж» (1937) [75]

Следует отметить, что необыкновенная острота переживаний поэта-эмигранта, изображенная в единственной изданной книге В. Гальского «Путь усталости», имеет две ипостаси: первая связана с периодом эмиграции, вторая – с воспоминаниями о родине. В стихотворении «От клумбы до балкона пять шагов...» (без даты) мотив возвращения на родину связан с осознанием невозможности этого возвращения. Именно потому притча о блудном сыне называется здесь «нелепой»:

Не рвись назад, не утешайся зря
Нелепой *притчей о блудном сыне*,
Ведь только в памяти твоей горят
Огни, давно угасшие поныне.
(«От клумбы до балкона пять шагов») [98]

В восприятии лирического героя родина связана с чем-то сугубо личным: «Ведь только в памяти твоей горят / Огни, давно угасшие поныне». [98] Память – это единственный источник образов существовавших в мире

¹ Кузнецова Г. Грасский дневник. М.: АСТ-Олимп, 2001. С. 83.

детства, представляющий собой, с одной стороны, идеальный «придуманный мир», воспоминания о котором греют душу и помогают жить в эмиграции, а с другой, являющийся самообманом, игрой воображения, «пленом памяти». Так же, как и блудный сын, лирический герой Гальского «вспоминает детство, когда у него был отец, и он не должен был, словно сирота, скитаться без крова и пищи»¹. В этом и проявляется сложность душевных переживаний его лирического героя, конфликт внутреннего мира с действительностью.

В тексте этого стихотворения Гальского можно выделить иные, по сравнению с бунинским шедевром, модификации образа блудного сына: это, прежде всего мотив изгнания, скитальчества («Где б ни был ты, теряя по звену / Свою судьбу от Альп и до Памира») и мотив памяти, субъективный аспект восприятия лирическим героем окружающего мира. Эта двуплановость подчеркивается негативной оценочностью, выраженной конструкциями с отрицательной частицей «не»: «*не рвись назад*», «*не утешайся зря*», «не оставил». Из накопления этих грамматических форм, напоминающих императив лермонтовской «Родины»,² становится понятным своеобразный пессимизм лирического героя: возвращения домой не будет и прощения тоже.

Потеря малой и большой Родины для автора – это не причина жалеть себя, оставаясь в плену иллюзорных детских мечтаний. Трагическое несовершенство мира побуждает лирического героя Гальского иначе посмотреть на мироздание, на человечество, на себя самого. Именно так через противоречия с самим собой, через сложность в отношениях с родиной поэт-эмигрант приходит к «иному счастью», к ощущению «целостности бытия». С точки зрения психологии, это – сублимация, вытеснение тревожных патологических состояний, «снятие внутреннего напряжения с

¹ Митрополит Сурожский Антоний. ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ. Толкование притчи о блудном сыне митрополита Антония Сурожского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nv-rh.cerkov.ru/2014/02/16/mitropolit-antonij-surozhskij-pritcha-o-bludnom-syne/> (Дата обращения: 20.06.2019)

² См.: Виноградова Е.М. Категория отрицания в лирике М.Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. 2009. № 7. С. 41–47.

помощью перенаправления энергии на достижение социально-приемлемых целей, творчество»¹.

Еще один вариант переосмысления притчи о блудном сыне мы находим в поэме «Бездорожье», где через оппозицию родина / чужбина проявляются сложные ассоциации, выраженные негативными оксюморонными сочетаниями:

И в этом мире затхло-изобильном
Мы никогда покоя не найдем,
Пока не мстителем, а *блудным сыном*
Войдем опять в опустошенный дом. [147]

Важно отметить, что в сочетании «мир затхло-изобильный» проявляется авторское отношение к Западу, где, по мнению поэта, экономические условия «изобилия» не отменяют социальной «затхлости». Этот парадоксальный образ контрастирует с описанием России, представленной в виде опустошенного историческими катаклизмами дома.

Проблематика этого произведения Гальского довольно специфична. Она построена на противопоставлении восприятия феномена эмиграции поколением «мстителей», участников гражданского противостояния, и их потомков, виноватых без вины. Но основной психологический конфликт поэмы представляет собой конфликт отцов и детей, поколения мстителей, участников гражданского противостояния, и их потомков, виноватых без вины. Способ разрешения этого конфликта автор видит в раскаянии, в принятии сыновьями грехов старшего поколения и их искуплении. Трагедия «незамеченного поколения» русской эмиграции, по мнению Гальского, в его внутренней опустошенности.

Мы всюду лишние. Нам все чужое:
Готический торжественный собор,
И небо юга слишком голубое,
И Запада величье и позор².

¹ Кондратьева Н. В. Сущность понятия «творческие способности» // Концепт. 2015. № 9. С. 107.

² Русские записки. Париж, 1938. № 8 – 9 (август – сентябрь). С. 85.

Это противопоставление поколений выражено разными формами лирической субъектности – **ВЫ** и **МЫ**, повторяющимися и часто вынесенными в активную позицию начала стиха, то есть выделенными ритмически. Граница между противопоставленными лагерями определяется глубиной связи с родиной. На чужбине «отцы», чьи судьбы сложились в России, жили незабываемым прошлым: его идеалами, победами, героями... В этом источник их душевных сил:

Вы счастливы. **Вам** есть о чем жалеть,
Вам есть кому и за кого молиться,
Вам мертвые живые кажут лица,
 И в старческих сердцах клокочет месть. [147]

Трагедия «незамеченного поколения» – во внутренней опустошенности. Теми, кто оторван от родины в детстве, «славы опьянения» и «былые победы» воспринимаются как «яд бессмысленного поражения». Бесприютность и беспокойность их жизни выражена оксюмором «огромный тесный мир». Повторяющийся образ **МЫ** в последних строках первой части поэмы воспринимается обобщением, характеризующим судьбу изгнанников-«детей»:

На горе **нам**, не знающих услад
 Былых побед и славы опьяненья
Нас медленно уничтожает яд
 Бессмысленного поражения.
 И ненависть глухую затая,
Мы тщетно ищем воздуха и шири,
Мы задыхаемся в огромном тесном мире,
 Бездомные России сыновья. [147]

Публикация этого во многом программного произведения отвечала настроением, преобладавшим в среде авторов «незамеченного поколения». Так, еще в 1933 году в Париже Ирина Кнорринг написала такие пронзительной силы строки:

Зачем меня девочкой глупой
 От страшной родимой земли,

От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?
(«О России»)¹

По свидетельству А.Л. Жовтиса, А.А. Ахматова в середине 50-х годов высоко оценила эти стихи поэтессы, подчеркнув, что «она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной...»².

В 30-е годы Г. Адамович определял общие настроения, царившие в среде творческой молодежи, так – «тоска и меланхолия»³. Даже Владимир Набоков, довольно быстро освоившийся на чужбине, в стихотворении «К России», написанном в Париже в 1939 году, вторит этим настроениям:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих⁴.

Как и многие писатели-эмигранты, Набоков именно сохранение русского языка считает своей главной миссией вдали от Родины. Об этом он неоднократно упоминал в своих интервью, но спустя 15 лет уже в Америке в своем постскрипуме к русскому изданию «Лолиты» писатель с горечью отмечает: «Увы, тот "дивный русский язык", который, сдавалось мне, все ждет меня где-то, цветет, как верная весна за наглухо запертыми воротами, от которых столько лет хранился у меня ключ, оказался несуществующим, и за воротами нет ничего, кроме обугленных пней и осенней безнадежной дали, а ключ в руке скорее похож на отмычку»⁵. И именно с этой мысли начнется становление Набокова как «американского писателя с русскими

¹ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942. Алма-Ата: Вариант, 1993. С. 87.

² Жовтис А.Л. Жизнь и судьба Ирины Кнорринг // Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942. Алма-Ата: Вариант, 1993. С. 8.

³ Адамович Г. Молодые поэты // Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные беседы: «Звено» (1923–1928): В 2 кн. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. 1. С. 281.

⁴ Набоков В.В. Стихи. Изд-во: Ardis. 1979. С. 262.

⁵ Битов А.Г. Текст как текст. Изд-во: ArsisBooks, 2010. С. 8.

корнями», как он сам называл себя в последние годы своей жизни. Вместе с этим исчез из его творчества и мотив изгнания, воспоминания о России и последняя с нею связь.

Лирический герой Набокова пытается сопротивляться неизбежному, приспособиться к обстоятельствам, что в будущем неминуемо приведет к его примиренчеству, языковой и культурной адаптации к нравам деловой и успешной Америки:

Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, – мой язык¹.

Особенно значимо последнее четверостишие этого послания, заканчивающееся строкой, говорящей о многолетней обиде и тотальном разочаровании: Родина безвозвратно утрачена и дороги назад нет. В отличие от Бунина, Набокову нет доступа к идеализированному «вчера» патриархальной России, и он с отчаянием и проклятиями прощается с прошлым, предчувствуя грядущие изменения:

Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, -
поздно, поздно! - никто не ответит,
и душа никому не простит².

В те же годы А. Присманова опубликовала в «Русских записках» лирический триптих «Пепел», в котором поэзия называется последним лекарством в ситуации иноязычного вакуума:

Напрасно нас преследует язык,
что языком детей уже не будет.
Скрипучие, российские возы

¹ Набоков В.В. Стихи. Изд-во: Ardis. 1979. С. 262.

² Там же. С. 263.

в столице Галлии нас не разбудят¹.

Эта внешняя неуверенность и сомнения являются следствием мучительного выбора молодого поколения между прошлым и будущим. А.Г. Шешкен видит причины разочарованности молодых русских поэтов-эмигрантов в том, что «ставшие свидетелями гигантской национальной катастрофы в детстве и юности молодые поэты подтвердили своими судьбами апокалипсические видения своих старших современников»². Именно потому они верят в «спасительную силу искусства». Мучительно пытаюсь понять «эмигрантского человека тридцатых годов», для которого «катастрофа действительно произошла, для кого несомненна пропасть между настоящим и прошлым»,³ лучшие представители «потерянного поколения» видят смысл жизни в искусстве, поэзии, которые «будут все-таки продолжаться»⁴. И, несмотря на то, что «ранний период эмигрантской поэзии характеризуется, – по мнению О.А. Коростелева, – неопределенностью в настроениях и устремлениях поэтов, метаниями, лихорадочной сменой сиюминутных идеологий...»⁵, все-таки именно на этом этапе, по мнению А.В. Леденева, создается так называемый «эмигрантский стилевой канон» со снятой оппозицией «реализм – модернизм», который опирался «на представления о высокой русской классике: от Пушкина и Лермонтова – до Блока и Гумилева в поэзии и до Чехова в прозе»⁶, способствуя формированию в эмигрантской литературе феномена синтетизма – обобщенного представления о наследуемой культуре.

Сложность судьбы В.Л. Гальского и представителей его поколения заключается в том, что они пережили не только эмиграцию, но и катастрофу

¹ Русские записки. № 14. 1939. С. 73

² Шешкен А.Г. Молодая поэзия русского Белграда... С. 26.

³ Терапиано Ю. Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7–8. С. 210.

⁴ Там же.

⁵ Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 6.

⁶ Леденев А.В. Поэтика и стилистика В.В. Набокова в контексте художественных исканий конца XIX - первой половины XX века... С. 59, 63

Второй мировой войны. В связи с этим допустимо выделить исход, связанный с отрывом от родины и послевоенный переезд из Европы в удаленные районы мира (из Берлина в Марокко). Исходя из этого, можно обозначить и два этапа возвращения: из Африки в Европу и возможное возвращение на Родину. Необыкновенная острота переживаний поэта связана как с эмиграцией, так и с воспоминаниями о России. Но в восприятии лирического героя Гальского Родина – это самообман, игра воображения: «Ведь только в памяти твоей горят / Огни, давно угасшие поныне» [98], память единственный источник образов, существовавших в мире детства. Для него «детство» – это идеальный «придуманный мир», воспоминания о котором греют душу и помогают жить в эмиграции, но параллельно появляется мотив «плена» (память – «плен»). Герой подсознательно соотносит все страны и города с Россией и не находит общих черт, схожести вызываемых эмоций. В этом и проявляется вся сложность душевных переживаний лирического героя, конфликт внутреннего мира героя с действительностью.

Вся поэма «Бездорожье» пронизана настолько противоречивыми чувствами, что можно говорить о возникновении образов двух миров: реального (поблекшая зелень берегов, речка, сжавшаяся в ручей, «огни, давно угасшие поныне») и идеального, существующего благодаря памяти, воспоминаниям лирического героя об идеальном прошлом, о России, которая равнодушна к изгнаннику

2.3. ОБРАЗЫ ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО

Название концепта ЧУЖБИНА, в значении 'чужая сторона, чужие края', происходит от слова «чужой» ('принадлежащий иному народу, не

имеющему личности, собственного лица, отдельности')¹, что определяет имагологический аспект в исследовании данной категории. Именно имагология, представляющая собой одну из самых динамично развивающихся областей онтологии культуры, исследует «ментальные модели, которые служат основой национальной идентичности и самоидентификации той или иной нации, и их объективирование в литературе»². Исходя из представлений сравнительной имагологии, национальная культурная самоидентификация невозможна без учета ауто- и гетероимиджей в их диалектическом взаимодействии и соотношении с проблемами политики и идеологии. И именно гетероимиджи, представляющие собой образ «осознанного другого, чужого (в противоположность своему)»³, дают возможность понять специфику литературы эмиграции, сохраняющей себя в инокультурном окружении.

Инонациональная действительность глубоко вошла в сознание Гальского, но в отличие от панорамного идеализированного пространства концепта РОДИНА, лейтмотивом стихотворений, относящихся к концепту ЧУЖБИНА, становится у него образ города, сформированный непосредственными европейскими впечатлениями от социально-экономического уклада нового времени. Разнообразна типологическая структура этого ключевого образа: город-призрак («Это было в Брюсселе, в Париже...»), город-фабрика («Черный город»), город-история («Бассиана»). В созданном Гальским художественном мире человек уходит на второй план. Личность, не имеющая имени, утрачивает индивидуальные черты, становится частью обезличенной городской толпы, обозначаемой общими названиями и неопределенными местоимениями: «полисмен», «рабочие», «дети», «муж», «мать», «кто-то», «кого-то», «некто», «каждый».

¹ Борисова И.З. Концепт «чужой» в языковой картине мира // Вестник ИрГТУ 2014. № 8(91). С. 219.

² Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 252.

³ Каткова М.М. Имагологический аспект восприятия прозы А. Платонова (на материале англоязычной критики): автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 8.

Доминантным в концептосфере образа города у поэтов-эмигрантов часто становится определение «чужой» как воплощение ностальгических ощущений всего поколения младоэмигрантов. Так, в стихотворении «Города» Ю. Софиева представлен обобщенный образ «тугого каменного» европейского города, жизнь которого течет «как пленная вода». В знаменитом романсе А. Вертинского на стихи поэтессы Р.Н. Блох (1899–1943) этот концепт закрепляется окончательно:

Там шумят чужие города,
И чужая плещется вода,
И чужая светится звезда¹.

Эти мотивы роднят дипийское творчество с настроениями, бытовавшими в эмигрантской среде.

Для лирического героя В.Л. Гальского «чужие города» – это «тяжелое бремя». Русский изгнанник ощущает себя там лишним и ненужным, хотя и искренне пытается «полюбить этот душастый, каменный город», «мир ощутить и понять». В его сознании возникает соотнесенность прошлого и настоящего, Родины и чужбины, которая воспринимается им «почти как родина» и все же именуется «безысходной». Сложность и трагичность переживаний скитальца обусловлена осознанием бесцельности эмигрантской жизни (даже в одном из крупнейших центров мировой культуры – Париже) и неутраченной ностальгической болью по утраченной Родине. Не случайно поэтому, что одно из самых выразительных стихотворений «Париж» Гальской посвятил своим парижским друзьям – Ирине Кнорринг и Юрию Бек-Софиеву, разделявшим его эмигрантский настрой.

В стихотворении выделяется две части. В первой описываются впечатления о реальной встрече в Париже в 1937 году с поэтами Ю. Софиевым и И. Кнорринг (этот биографический факт подтверждается документально – сохранившаяся запись в парижском дневнике Ирина

¹ Песни и романсы А. Вертинского. Песенник / Сост. и обработка В. Моделя. Л.: Сов. композитор, 1991. С. 6–7.

Кнорринг: «Сейчас третий час ночи. Он (Софиев – *И.Б.*) опять ушел с Гальским на Монпарнас, а вставать ему теперь надо в 5 часов»¹).

Париж для лирического героя – это город идеал. В его характеристике поэт выделяет материальный и духовно-культурный аспекты. Происходит отделение «ярмарочного» Парижа («Не в пестрой ярмарочной пыли») от той части Парижа, где таится его «душа». Характеристика материального аспекта – это «пестрая ярмарочная пыль» города, «лак автомобилей», «блеск витрин». А характеристика идеального аспекта это – природа, архитектура, храмы, при этом взгляд поэта утонченно-ассоциативный «Там, в садике «Musse Cluny», / Где струйка тонкая фонтана / Воркует в кружевной тени». Описание строится на метафорическом глаголе «воркует» и на игре светотени, образующей причудливый узор («в кружевной тени»).

Центр мировой культуры – Париж – воспринимается лирическим героем как город-призрак, наполненный таинственной силой притяжения – «пленом», которого боится лирический герой:

Боюсь таинственного плена,
Боюсь и от него бегу,
Но все же образ совершенный
В воспоминаньях сберегу. [75]

Для эмигранта В.Л. Гальского Париж – «образ совершенный». В начале стихотворения (с 1 по 4 строфу) им передаются только впечатления от мимолетной, случайной встречи с европейской столицей.

Вторая часть стихотворения (с 5 по 11 строфу) – это желанное возвращение-видение лирического героя из Африки (условно обозначенное нами как первое возвращение). Между этими частями стихотворения устанавливается длительный временной промежуток («И не один промчится год»). Поэт описывает возможное, предполагаемое возвращение. Но к этому моменту он уже меняется («сутуля стариковский стан») и изменяется его

¹ Кнорринг И.Н. Дневник XIII. 7 мая 1937 – 24 сентября 1940. Париж. Рукопись. (Семейный архив Софиевых-Кноррингов (Алматы)).

видение мира: герой-эмигрант утрачивает имя, вместо этого дважды повторяется местоимение «некто». Эта своеобразная номинация подчеркивает неопределенность существования человека, попавшего в чужую страну:

25 строка: И из вагона выйдет некто...

46 строка: Тот некто будет, может быть...

Героем утрачивается и семья: автор выделяет конкретную деталь его одинокой жизни – «на узкой холостой постели». Отсутствует круг общения: родственники, близкие, друзья. Старый эмигрант не представляет интереса для окружающих: «Никто его уже не спросит, / Откуда и зачем пришел». Он отстранен от реальной действительности, и эпитеты передают «вторичность» окружающего его предметного мира: «закоптелый свод» вокзала, «потертый чемодан», «дешевый старенький отель», «полинялый плед», «гравюры пыльные». В характере действия и движений лирического героя проявляется отсутствие целенаправленности и устремленности («тихо побредет проспектом», «пойдет бродить к ларькам у Сены»). Так же без какой-либо цели он листает гравюры, выбирает гобелены, не собираясь покупать их.

Под влиянием бесцельного бытия герой-эмигрант утрачивает почти все жизненные дары, которыми наделен человек: имя, любовь, человеческое общение, полноту быта. Можно предположить, что в такой жизни происходит и утрата Бога.

Поэт-эмигрант принимает окружающий мир, но его отношение к Парижу характеризуется эмоционально выделенной конструкцией – «любовью ясной и холодной», потому что истинные ценности связываются только с образом родины. Париж, центр мировой культуры, оказывается для него «городом безысходным».

Таким образом, в стихотворении «Париж» раскрываются сложные переживания лирического героя, который, с одной стороны, принимает инонациональную действительность, а с другой – яркие зарубежные впечатления не вытесняют в его душе память о Родине. Примечательно, что

во всем стихотворении образ России обозначен только одним этим концептом – РОДИНА, входящим в нераспространенный сравнительный оборот. Но этот образ становится ключевым и является начальной точкой изменений в духовно-нравственном мире героя-изгнанника.

Образ чужбины в лирике В.Л. Гальского является сложным и многогранным. В книге «Путь усталости» он описывает города и страны, в которых побывал. В художественном мире поэта отчетливо выделяются образы-топонимы и определяются пространственные характеристики лирического повествования: государства (Америка, Голландия, Греция, Испания, Касабланка, Сербия и др.), регионы (Босфор, Панония, Пешта, Угрия и др.), столицы (Белград, Берлин, Брюссель, Будапешт, Вена, Лондон, Мадрид, Париж, Рим и др.), провинциальные города (Бассиана, Мохач, Мюнхен, Панчево, Шенбрун и др.).

Выросший в русской диаспоре, погруженный в инонациональную среду, поэт воспринимает Европу с непосредственностью ребенка. При этом масштаб его художественного видения («память стран чужих и городов») широк: наряду с Югославией, где он получил образование, взгляд лирического героя устремлен на Францию («Париж»), Венгрию («Панония», «Будапешт»), Австрию («Бюргерам Вены»), Грецию, Голландию. Погружаясь в глубины европейской истории, поэт восхищается античностью, признает «царственную Вену» неповторимым памятником-шедевром («минувшего сторожем немым») и призывает уберечь «беспомощно пышный» город от разрушения. Но, восхищаясь европейскими столицами, писатель-изгнанник отдает предпочтение в изображении красоты дикой природы, противопоставляя городу «ширь нестесненную окраин», «степи, пахнущие мятой», желтеющие нивы. («Панчево»)

Окружающий мир в стихах Гальского предельно детализирован; поэт подмечает «скрипучий гравий дорожек» и «тонкую седую пыль», несущуюся «за колесом расписанной телеги». Образы насыщены яркой метафоричностью и вызывают определенные ассоциации с есенинскими

стихами: «Как щенков резвящая свора, / Разбежались в небе клочья туч». При этом широкие лирико-философские обобщения звучат искренне и художественно убедительно: «Благостен торжественный покой / Пышного земли великолепия».

В годы Второй мировой войны («безобразная тень катастрофы») душевное смятение лирического героя (стихотворение «1939 год») сменилось ненавистью к захватчикам («Немцам»), которых он называет «рабами войны», и гордостью за народ, одолевавший врага («Памяти П.Б. Струве», «Берлин», «Звуки полнятся звоном металла...»). Во вступительной статье к книге «Запоздалые листы» Константин Владимирович Гальской, глубоко знающий русскую культуру и историю своего рода, отмечал: «...отец (В.Л. Гальской – *И.Б.*) победу над немцами воспринимал как достоинство русского народа, но отнюдь не властей Советского Союза»¹.

Писатель-эмигрант обращается к глубинным пластам европейской культуры. Если стихотворения о Родине у него в основном строятся на эмоционально-ситуативном моменте, на кратких и фрагментарных воспоминаниях детства, то, описывая зарубежные города и страны, он опирается на широкий фактографический материал. Исторические аллюзии в стихотворениях В.Л. Гальского погружают читателя вглубь времен через упоминание имен святых, королей и полководцев: Сант-Штиван, Наполеон, Марк Аврелий, Пильграм, Август и т.д. Из римской истории появляется образ Марка Аврелия, «философа и царя» одного из римских императоров, скончавшегося в Виндобоне (ныне Вена). В стихотворение «Бюргерам Вены» введен образ генералиссимуса, прославленного австрийского военачальника времен Семилетней войны Лаудона: «Собрались генералы Лаудона / Защитить венценосицы сон». [156] В стихотворении «Будапешт» В.Л. Гальской упоминает прославленных жителей города, знаменитых скульпторов и выдающиеся памятники архитектуры, проявляя хорошее

¹ Гальской В.Л. Запоздалые листы... С. 8.

знание истории. Так, в строке «Сант-Штиван простер над Пештой руку»¹ поэт изображает «святого Стефана, который принимает крещение Венгр и коронуется на короля Венгрии»². В стихотворении «Бюргерам Вены» он упоминает малоизвестный факт из жизни Евгения Савойского (1663–1736 гг.), полководца Священной Римской империи французского происхождения, генералиссимуса, которому в Вене и Будапеште установлен памятник: «Оскорбленный Версалем Евгений / Нес австрийскому кесарю дар». [159]

Поэт вводит в художественный мир этого стихотворения и образ известного чешского архитектора Антона Пильграма (1460/65–1515), каменные хоры которого в соборе Св. Стефана выражают самый дух средневекового искусства: «И бессмертный ваятель Пильграм, / Созидая Стефана обитель, Спели каменный гимн небесам»³.

Применяя прием экфразиса («описания изображений, включенные в произведения различных жанров греческой художественной литературы»⁴), поэт добивается особенной выразительности своих впечатлений, что вполне соответствует функции этого приема в романтической литературе.⁵ При этом экфразис в поэзии В.Л. Гальского не разрывает лирическую ткань повествования⁶, а входит в поэтический мир на правах полноценного лирического объекта. Именно так представлена в стихотворения эмигранта архитектура Европы, в особенности Будапешта. Так, в строке «Над собором королевской Буды» [135] из стихотворения «Будапешт» упомянута Базилика

¹ Гальской, В.Л. Путь усталости... С. 135. Пешта – старое название города, ставшего частью Будапешта.

² Свободная энциклопедия: Стефан или Йштван I Святой [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%88%D1%82%D0%B2%D0%B0%D0%BD_I_%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9 (Дата обращения: 20.06.2019)

³ Там же. С. 156.

⁴ Брагинская Н.В. Генезис "Картин" Филострата Старшего // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 226.

⁵ См.: Морозова Н.Г. Экфрасис в прозе русского романтизма: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

⁶ Ср: экфразис – «украшенное описание произведения искусства внутри повествования, которое он прерывает, составляя кажущееся отступление». Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. М.: МИК. 2002. С. 13.

св. Иштвана (венг. Szent István-bazilika), названная в честь первого короля Венгрии Иштвана (Стефана), и его скульптура на восточном берегу реки Дунай в города Пешта: «Отразившись в олове Дуная, / Сант-Штиван простер над Пештой руку». Центральную часть площади героев Будапешта занимает Мемориал 1000-летия обретения родины, со статуями правителей Венгрии начиная с IX века и в частности – скульптура вождя Арпада, которая тоже упоминается у В.Л. Гальского: «Пудрою морщин покрывши сети / На лице блистательных Арпадов». В стихотворении «Панчево» (город в Сербии, в 14 км от Белграда) важное место занимает образ-символ города с присущими ему атрибутами древности: два ангела, поддерживающие часы, обелиск, «золото Стефановой короны» – скульптура Святого Стефана (973-1038), нестареющий собор, «выветренный ветхий обелиск».

Но все же самая большая группа инонациональных образов в лирике Гальского связана с мировой художественной литературой. Причем он вводит в свои произведения имена не только поэтов и писателей разных времен, но и героев их произведений, которым посвящены отдельные лирические зарисовки: «Гамлет», «Дон Жуан», «Икар», «Сальери».

В поисках ответов на мучающие эмигранта вопросы Гальской обращается к героям древнегреческой мифологии. Жертвенность Икара познавшего до конца «сладость терпкую самосожженья» [43] он соотносит с трагической судьбой изгнанника. В поэме «Бездорожье» обращается к образу крылатой богини возмездия, карающей за нарушение общественных и моральных норм: «Двуострый меч бесстрастной Немезиды, / на непокорных головы упал». [147]

Антологическую тему развивает и латинская поговорка, введенная в эпиграф стихотворения «Панчево», надпись на фронтоне ратуши: «Justitia regnorum fundamentum» (Правосудие – основа государства). [82].

В образах литературных персонажей Гальской выделяет характерные черты, присущие и самому лирическому герою. Так, в стихотворение «Гамлет» поэт вводит знаменитый гамлетовский вопрос «Быть или не

быть?», который задает себе и его лирический герой: «...есть право умереть и право жить...» [32] В трагедии Шекспира этот монолог интерпретировался по-разному. Немецкий философ Артур Шопенгауэр, которого Гальской не мог не читать, писал так: «Наше состояние столь горестно, что ему, несомненно, следует предпочесть полное небытие. Если бы самоубийство действительно сулило нам его и перед нами в полном смысле слова стояла бы альтернатива "быть или не быть", то его следовало бы, безусловно, предпочесть как в высшей степени желательное завершение. <...> Но люди имеют обыкновение не связывать смерть с абсолютным уничтожением; не было еще ни одного человека, кто бы не желал дожить до завтрашнего дня»¹. Но у русского поэта этот гамлетовский вопрос приобретает не абстрактное, а вполне конкретное значение, связанное с темой тотального одиночества.

Эта тема раскрывается в стихотворении «Быть Робинзоном можно и в Париже...» [34] с помощью образов основных героев романа Даниэля Дефо, среди которых есть и образы-детали – попугай, пес. Автор описывает одиночество лирического героя в современном городе, приравненном к маленькому «острову», от которого он «стеною отделен навек»: «Узкий мир <...> давно не скучен, / И не пугает больше тишина».

В стихотворении «Дон Жуан» [33] автор использует одноименный образ, который не называет скучающим развратником. Легендарный испанец в интерпретации В. Гальского предстает как человек, наивно верящий в любовь, тоскующий по материнской ласке, семье. И в этом отношении версия поэта довольно близко подходит к интерпретации этого образа Э.Т.А. Гофманом в новелле «Дон Жуан».

В детских воспоминаниях Гальского фигурируют автор приключенческих романов для детей и юношества («Перечитать бы снова Майн Рида» [118]), герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»,

¹ Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Т.1 // Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. М., 1993. Т.1. Критика кантовской философии. С. 424.

со «злым портретом» которого сравниваются «зеркала» из одноименного стихотворения. [101]

Выполняя функции аллюзии (в форме топонимов и онимов), образы инонациональной (европейской) культуры формируют в художественном мире В.Л. Гальского концепт ЧУЖБИНА, противопоставленный и концепту ДОМ и, особенно, – концепту РОДИНА. Исторические аллюзии, погружая читателя вглубь времен, создают особенную связь лирического героя-изгнанника с именами святых, царей и полководцев, обозначая тем самым синтез «времени рассказа» и «времени рассказывания» для достижения нарративной идентичности как «средства для понимания человеком своей временности и способ придания смысла жизненному пути»¹. При этом образы инонациональной художественной культуры в лирике В.Л. Гальского чрезвычайно разнообразны, принадлежат разным сферам – архитектура, скульптура, живопись, музыка – и часто связываются не только с тематическими и мотивными комплексами, но и «работают» на уровне экфразиса и реминисценций. В отличие от медитативного, символически неопределенного образа дома и Родины, ментальный комплекс ЧУЖБИНА характеризуется довольно точным хронотопом. Художественная модель этого пространственно-временного континуума основана на непосредственных ощущениях лирического героя, который вглядывается в приметы чуждой ему реальности в поисках собственного «Я». В этом и проявляется сложное отношение поэта к окружающему миру, который приближен к образу Родины, но не идентичен ей.

Таким образом, можно говорить о том, что доминантные для всей эмигрантской лирики понятия ДОМ, РОДИНА, ЧУЖБИНА, образующие своеобразный вектор развития процесса самоидентификации начинающего писателя-эмигранта, играют в творчестве В.Л. Гальского непреходящее

¹ Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 18.

значение и тем самым приобретают свойства поэтических концептов разной степени обобщенности. Если концепт ДОМ (как обозначение малой родины) воплощен в обобщенно-символическом образе русской дворянской усадьбы, вмещающем все самые светлые чувства и воспоминания лирического героя, то концептуальное поле более широкого понятия РОДИНА «отравлено» комплексом «блудного сына», горечью понимания исторических судеб расколотов надвое России. Именно потому в лирике В.Л. Гальского концепт РОДИНА, насыщенный эмоциональными оценками, предстает как некий идеал, утраченный рай, а лирический герой – как сирота, изгнанник, которому все чужое во внешне благополучной и сытой Европе, да и сам он в ней чужой. Отдавая дань тысячелетней культуре, на фоне изображения которой реальный современный человек в его творчестве как бы уходит на второй план, поэт-эмигрант видит в судьбоносных для Европы исторических объектах и событиях прообразы будущего России, но при этом воспринимает Запад как в основном урбанистическое вертикальное пространство, противопоставленное широте русских просторов.

Особый пласт в лирике Гальского образуют инонациональные образы, связанные с европейской литературой (от античности до современности): он вводит в свои произведения не только имена поэтов и писателей разных времен, но и их героев, посвящая им отдельные поэтические произведения.

Но преобладающей темой в творчестве В.Л. Гальского остается тема одиночества, остроту которой не снимает даже участие в скаутском движении и отдельные эксперименты по «приспосабливанию» традиций казачьего песенного фольклора к инонациональной действительности.

ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО

3.1. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ

В.Л. ГАЛЬСКОГО

Россия воспринималась В.Л. Гальским как сакральная субстанция, неотъемлемым свойством которой являлась святость, понятие, включающее ряд религиозных художественных концептов (БОГ, НЕБЕСА, ДУША, ВЕЧНОСТЬ) представленных в текстовом пространстве его основного сборника и находящихся в диалогическом взаимодействии, опосредованном именно концептом ВЕРА, как «ключевой для эмиграции духовной ценности»¹. Исследователи считают данный концепт базовым, уникальным в языковой картине мира ², представленным как «бесспорность и несомненность неких положений, принимаемых за истину, способ знания, не требующий доказательств»³.

Именно таковым он выступает в различных произведениях В.Л. Гальского. Во вступительной статье к книге избранных стихотворений «Запоздалые листы» К.В. Гальской, сын писателя, подчеркивал: «Эти произведения отражают три главных ориентира, без которых отец не мог себе представить свою жизнь и без которых не было бы и его творчества, – это вера, семья и родина» (выделено нами – *И.Б.*)⁴. Примечательно, что в этом ряду понятий «вера» стоит на первом месте. Этот тезис обосновывается и в воспоминаниях К.В. Гальского «О родных и близких»: «В своей поэзии он (В.Л. Гальской – *И.Б.*) начинал вспоминать прошлое или писал об актуальных проблемах («на злобу дня»), но почти всегда эти творческие

¹ Парахневич Е.В. Концепт «вера» в текстовом пространстве журнала «Путь» (1925-1940) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.2. Языковедение. 2012. Вып. 2 (16). С. 163.

² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академ. Проект, 2001. С. 82–83.

³ Парахневич Е.В. Концепт «вера» в текстовом пространстве журнала «Путь» (1925-1940)... С. 163.

⁴ Гальской В.Л. Запоздалые листы... С. 7.

порывы связывал с двумя основными мотивами – или с верой (православием), или – чаще всего – с родиной»¹.

Истоки религиозности поэта, которого младенцем крестили в церкви Архистратига Михаила села Золотарево Орловской губернии, связаны с традиционным воспитанием в дворянской семье. Духовно-религиозные черты были присущи всем родным В.Л. Гальского, а оторванность от Родины только способствовала укреплению Веры. Так, по воспоминаниям сына писателя «у Мариамны Львовны (сестры поэта – И.Б.) хранилась небольшая икона Спаса из России, принадлежащая Жедринским»². Комментируя видеозапись парижской беседы Т.Л. и Б.Б. Желваковых с М.Л. Жедринской (урожденной Гальской), Г.А. Тюрин писал о ее «непоколебимой никакими трудностями и испытаниями православной вере»³. По утверждению К.В. Гальского, в квартире его отца в Марокко «во всех комнатах были иконы»: «Во всех превратностях судьбы стержнем отцовской жизни была его глубокая вера. Он был человеком церковным. Принимал участие в приходской жизни в Касабланке, Марокко. Дружил с отцом Митрофаном Зноско-Боровским, настоятелем русской церкви в Касабланке. Приезжая из марокканской провинции в Касабланку, у отца находил пристанище священник Григорий Баранников, с которым отец любил вести духовные беседы о вере, о Боге, о вечности. Многие стихотворения отца отражают приверженность к основам веры и Православия, но есть у него и чистая духовная лирика, эти стихи вошли в книгу»⁴.

Характерной чертой творчества Гальского является стремление его лирического героя к духовно-нравственным ценностям. Отсветы художественного замысла писателя выражены в названиях многих произведений, среди которых прежде всего необходимо назвать «Путь

¹ Гальской К.В. О родных и близких... С. 76.

² Из беседы с Т.Л. и Б.Б. Желваковых с М.Л. Жедринской (1996 г.) // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5. Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского. Орел: Изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 39.

³ Там же.

⁴ Гальской В.Л. Запоздалые листы... С. 9–10.

усталости», «Великий пост», «Воскресенье», «Вавилонская башня», «Адам», «Голова Иоканаана», «Ангел» и др. Вера в Бога воспринимается поэтом как «мир покоя» – это убежище, оплот отвергнутой, мятущейся (дошедшей до «предельной усталости») души изгнанника, которая нигде не находит ни успокоения, ни понимания. В стихотворении «Путь усталости», давшем название всей книге, есть строки, которые подтверждают эту мысль:

Кажется, не долго ждать осталось
 Всем Тобой обещанного дня, –
 Дня, когда предельная усталость
 В мир покоя приведет меня. [13]

Для поэта вера – это духовное откровение и устремленность к бесконечности. Строки стихотворения «Воскресенье», построенные на развернутой контаминированной метафоре, выраженной инверсионной конструкцией и эмоционально-оценочными эпитетами:

Распахнется небо надо мной
 Благостным и ясным откровеньем,
 В вечность уводящей глубиной. [52]

Вера в «родного, ласкового Бога» ведет лирического героя Гальского к «тайне нерешенной мироздания», к «благостным и ясным откровеньям». В описании церковного таинства не последнюю роль играют выразительные детали, созданные сгущенной метафоризацией одежды («снежное сияние хитона»), жеста («взмах благословляющей руки»), экфразисной звуковой инструментовкой («в трепете пасхальных перезвонов»), обретающих художественную полноту и проникновенную выразительность. И образ природы в этих описаниях, соотносимый с процессами духовного обновления жизни («в весеннем озаренье»), приобретает насыщенную образность: «На пригорках робко прорастает / Изумрудным ежиком трава». В «сокровенной тоске молитв» звучат мотивы покаяния и прощения: «грозному», «милости не знающему» ветхозаветному Иегове противопоставлен «радостный, прощающий Христос».

Гальской изображает «ветхозаветного Бога» Иегову в традициях Ветхого Завета, подразумевающих самобытность, вечность и неизменяемость существа Божия. Этот образ раскрывается через многочисленные эмоционально-оценочные эпитеты, инверсионные конструкции, насыщенные метафорами:

Грозного Иеговы
 Древний лик неумолим и строг.
 Милости не знающий, суровый
 Стынет там ветхозаветный Бог. [50]

В стихотворении «Голова Иоканаана» В.Л. Гальской детально воссоздает христианский сюжет, известный под названием «Усекновение главы Св. Иоанна Предтечи». Аскетический архетип Предтечи предстает пророческим и несет на себе проповеднический оттенок, столь существенный для образа этого святого. В стихотворении детально описывается внешность Иоанна Предтечи: «голову косматую кладет», «лоб Предтечи стынет, белый-белый» [160]. Удвоение цветообозначения «белый-белый» усиливает выделяемый признак, а использование поэтического переноса (анжамбман) придает описанию ритмическую напряженность. При этом белый цвет в христианстве обозначает чистоту, святость, праведность (см.: Исаия 1: 18; Откр. 19:8), несмотря на то, что у Гальского он несет на себе функцию эмоционально-психологической напряженности в раскрытии мотива смерти, которая не является конечной точкой человеческой жизни:

Верно; смерти нет для тех, кто верит,
 Верно, смерти нет для тех, кто ждет,
 Кто, в грядущее открывши двери,
 К вечности направил свой полет.

Иоанн знает о «грядущем боге», и потому «тайная радость» на его лице является непонятной лишь для противников христианской веры, описания которых прямо противопоставлены образу пророка:

Саломея бережно на блюдо
 Голову косматую кладет...

Просит ласк Иродиады тело,
 Ожерелье грудь нагую жжет...

 Новый день уже вещает кочет
 У высоких Ирода хором. [160–161]

Вводя в стихотворении образ «грядущего Бога» В.Л. Гальской раскрывает процесс ожидания Спасителя: Иоанн Креститель – это «Вестник Господа», «Пророк крылатый». И несмотря на то, что стихотворение начинается с вопроса «Где тобой обещанное чудо?», автор всеми средствами подчеркивает значимость для всего мира предстоящего события, которое превратит будущее в вечность.

Новозаветный Бог в поэзии В.Л. Гальского выражен традиционными концептами: Христос, Бог, Господь, Всевышний, Сын. Особенностью художественной номинации в этой области является использование автором местоименных форм с заглавной буквы (Тобой, Твою, Он и др.). Их значение раскрывается в контексте: «Кажется не долго ждать осталось / Всем Тобой обещанного дня...» [13], «Чтобы не дал Он унынья лапе / Придавить совсем меня к земле» [59]. Основные признаки Божественного в основном выражены глагольными формами: он любит, благословляет, постигает, дает.

Семантика концепта ВЕРА зависит в первую очередь от объектов веры, утверждает Е.В. Парахневич, выделяя два когнитивных слоя данного концепта: «ВЕРА – уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо» (вера в науку или вера в человека) и «ВЕРА – твердая надежда, упование, ожидание» (подлинная вера, вера в Бога), которая базируется на религиозных догматах и неразрывно связана с религиозной сферой.¹ Автор специализированной статьи отмечает, что «трансляция традиционных

¹ Парахневич Е.В. Концепт «вера» в текстовом пространстве журнала «Путь» (1925-1940)... С. 163–164.

религиозных ценностей может способствовать росту позитивных тенденций в культуре и, стало быть, в общественной жизни эмиграции»¹.

В стихотворении «Там, где пальмы протянули к небу...», написанной в Касабланке в 1948 году, поэт подчеркивает свою отстраненность от «чужой» культуры и незыблемость исконных духовно-нравственных ценностей православия. Авторская позиция выражена эмоционально-оценочным кодексом веры: «И родного, ласкового Бога, / Не заменит призрачный Аллах» [78]. В изображении Африки отчетливо проявляется противопоставление родины и чужбины. Сквозь образы марокканской природы пробиваются пейзажи среднерусской равнины:

Там где пальмы протянули к небу
Руки в апельсиновой заре,
Северная пленница Магреба,
Вишня распустилась в январе. [78]

В строках «От щедрот Своих Господь дает / Все земные радости и муки» [37] и «Только Сын за кроткое страданье / Скромный подвиг наш благословит» [50] раскрывается равенство всех людей перед Богом и искренняя надежда на его доброту. Бог-Сын – даритель милости, он может понять и принять даже тончайшие порывы души негероической личности. Выделяя автоинтертекстуальные связи между произведениями писателя, необходимо отметить, что метафора «скромный подвиг» позволяет соотнести последнюю процитированную строку с фрагментом из стихотворения «Путь усталости»: «Подвига достоин в жизни не был, / Подвиг только избранных удел». Изображая трагедию своего поколения, поэт верит:

Но, быть может, все-таки достойны,
Свой бесславный завершая путь,
Жизнью искалеченные войны
В дверь Твою войти и отдохнуть? [13]

Это соединение духовного и исторического аспектов имеет глубокие

¹ Парахневич Е.В. Аксиосфера журнала «Путь»: культурные ценности русской эмиграции // Теория и практика общественного развития: научный журнал. 2013. № 7. С. 150–152.

корни в самом феномене проявления религиозного сознания в литературе, которое В.И. Карасик характеризует как «открытость утверждения ценностей в форме иносказания или притчи, а также непосредственно в повествовании, когда фактором убеждения является логика сюжета»¹. Библейские образы, инкорпорированные в художественный текст, В. Ноздрина делит на простые, декоративно-фоновые (то есть относящиеся к фону, на котором развивается действие), и знаковые, несущие определенную смысловую нагрузку, помогающие автору раскрыть внутренний мир героев и глубинную суть волнующих автора проблем; по ним можно проследить его духовную эволюцию. Один и тот же библейский образ в одном случае может выступать как простой, а в другом – как знаковый².

В произведениях В.Л. Гальского часты именно знаковые библейские образы. Так, поэт сравнивает своего героя-изгнанника с Иовом:

Сядь у руин, как Иов³ на навоз,
Гноеточащие скреби упорно раны.
Молись, чтоб не иссяк источник слез,
И пой страданью своему осанны. [103]

«Имя собственное – Иов Многострадальный (Hiob), – как отмечает Е.И. Карпенко, – с точки зрения современной когнитивной лингвистики можно представить как прецедентное имя, развертывающееся в прецедентную ситуацию, а с точки зрения лингвокультурологии – как культурный языковой символ⁴, чаще всего связывается в Библии со страданием и терпением. У Гальского этот образ воплощает идею гармонической взаимосвязи духовного («пой осанны», «молись») и

¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 309.

² Ноздрина В. Библейские образы в творчестве Достоевского // Международный литературный клуб: ИнтерЛит [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.interlit2001.com/index.htm> (Дата обращения: 20.06.2019)

³ Иов (ивр. יוֹב, Иóв, букв. «удрученный, гонимый») библейский персонаж, герой книги Иова [Электронный ресурс]. Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Книга_Иова (Дата обращения: 20.06.2019)

⁴ Карпенко Е.И. Один библейский параллелизм в свете лингвокультурологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета 2013. № 4 (664). С. 100

материального мира («сядь у руин», «скреби»), идею победы жизни над смертью, света над тьмою и оформляет в тексте авторскую идею очищения, духовного исцеления страданием («и пой страданью своему осанны»). Такая трансформация библейского первоисточника нужна автору для того, чтобы показать эволюцию душевного состояния лирического героя:

Но все-таки во мне еще живет
Высокое и ясное сознание:
Все радости, всю скорбь Господь дает,
И не по силам нету испытанья. [103]

В этой центральной строфе, построенной на парафразе библейской формулы «Бог дал, Бог взял», возникает специфический композиционный параллелизм библейского и современного планов лирического высказывания. Е.И. Карпенко считает, что такой лингвистический параллелизм «усиливает те сюжетные соответствия, которые читатель способен провести между литературным произведением и библейским текстом. Понимание достигается в результате соотнесения новой и известной информации, а значит, всякий раз при упоминании имени Иова и связанного с ним параллелизма, читатель возвращается в своем сознании к архетипическому представлению о пользе смиренного отношения к лишениям и страданиям»¹.

Композиционный параллелизм стихотворения В.Л. Гальского и Книги Иова очевиден в градационном списке утрат: оба героя лишаются Родины, семьи и всех земных благ:

Сначала родина, потом семья –
Все кануло, все ускользнуло в Лету.
И вот теперь я обречен по свету
Влачить останки самого себя.

Важно отметить, что в Библии страдания Иова описаны подробно с конкретными деталями. В поэтической версии Гальского неизлечимая болезнь описывается просто как «гноеточащие раны»: нет подробного описания заболевания, но даны его признаки. При этом следует отметить, что

¹ Там же.

эпитет «гноеточащие» отсутствует в Библии). Но зато есть прямые лексические соответствия в глаголах действия: «оскоблить» (Библия) – «скреби упорно» (В. Гальской). В обоих тестах указано место, связанное с последующим действием («сел» – «сядь»): в Библии «**в пепел**» ("2 глава 7: И отошел сатана от лица Господня, и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. 8: И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и **сел в пепел** (вне селения)"), у Гальского «**на навоз**» («навозную кучу» изображали в Святом Писании, опираясь на перевод Септуагинты и Вульгаты). В Библии церковно-славянской ("елизаветинского" издания, 1900 г.) или Синодальной находится третий вариант перевода: «И взя Иов чреп, да острогает гной свой, и той седяше **на гноищи** вне града». Таким образом, можно говорить об интертекстуальных связях лирики Гальского, детально и точно воспроизводящего образы библейской притчи и художественно переосмысливающего текст Библии.

Влияние библейской традиции в творчестве поэта проявляется многоаспектно: это и реминисценции, и заимствованные сюжеты, и архетипические образы персонажей, которые берут свое начало в текстах Ветхого и Нового Заветов. Это позволяет говорить о включенности поэтики автора в систему координат европейской культурной традиции.

Еще один библейский образ – Вавилонской башни – Гальской использует в посвященном Венедикту (Александровичу) Коссовскому одноименном стихотворении и поэме «Бездорожье». С этим архетипом в библейском предании связываются мотивы гордыни и тщеславия (Быт. 11:1–9):

Веками с Богом мы войну ведем,
Ослеплены своим убогим знаньем,
Но только рушим и воссоздаем
Все то же неоконченное зданье. [139]

Строительство башни было остановлено Богом: «И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не

отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». (Быт. 11:6–9). Переосмысливая эту историю, В. Гальской выражает свое негативное отношение к современному обществу, разучившемуся чувствовать и слушать «тайну мироздания»:

Все упростить, опошлить, прикрепить
К какой-нибудь затасканной доктрине,
Не видим мы смешенье языков,
Не слушаем, что говорят руины,
Не чувствуем невидимых оков,
Упорно над работой горбя спины. [139–140]

Ветхозаветное сказание о Вавилонской башне и смешении языков трактуется автором как проявление хаотичного и непознаваемого движения мировой истории («Чтоб легче было нам и проще лгать, / Назвавши истиной свои капризы»), процесса без цели и смысла, уводящего от истинного божественного предназначения. Именно потому Гальской расширяет контекст библейских реминисценций, вводя в стихотворение мотив «золотого тельца» (Исх., 32:1–26): «И, золотому кланяясь тельцу, / Уходим от полей, домов и пашен» [140]. Подобное «упрощенно-ослепленное» развитие человека, обращенное к материализму, может привести к утере духовно-религиозного смысла жизни:

Но если вдруг очнуться и взглянуть
На мир с простым и ласковым вниманьем,
То каждого из нас охватит жуть
Пред тайной нерешенной мироздания [140].

Библейское предание о грехопадении Адама и Евы в авторской интерпретации раскрывается в стихотворении «Адам». В архаичном сюжете художника привлекает открытие в человеке чувственности («в новой радости пьяной, блаженной и грубой») как источника телесного и душевного наслаждения и образ женщины как источник этого искушения:

О скажи мне, какой ты любил свою спутницу Еву, –
 Безмятежно небесной иль трепетно ждущей, земной...
 Иль уже искушенной, желанной и грешной женой? [141].

«Знаком» искушения, если использовать терминологию О.А. Бердниковой, является в художественном мире этого произведения «час полуденный», когда, по преданию, «Еву полуденный бес искусил». Этот образ символизирует «наивысшую степень полноты бытия, накал "чувства жизни", временную приметку первородства, райского состояния человека и мира»¹. Лирический герой этого стихотворения подвергает сомнению правдивость Божественных заповедей:

Он хотел нас уверить, что рай был прекрасен и светел,
 Что счастливый Адам никогда ничего не желал.
 Неужели же я в эти давние дни не заметил,
 Что законоучитель в своем простодушии солгал? [141]

В художественном мире Гальского проявляются глубоко личностные особенности его мировидения, неизменно отражающиеся на образе лирического героя: «Ты скучал первобытно, тяжелою скукой» [142], «первая смертная мука», «мятежная сущность снов», «вы оба не знали ни боли, ни страсти, ни гнева», «отрок безлюбый». Характеристики рая и Адама отличаются крайностями преувеличения или преуменьшения: «безмятежно», «беспредельной», «бесконечно», «скучна бесконечная жизни весна».

Автор делает акцент на природном начале человека, поэтизирует стихию естественной земной жизни:

Мужу земному земная подруга нужна,
 Не кляни же, Адам, свою спутницу Еву,
 О потерянном рае и счастье своем не скорби,
 Но земную хвалу вознеси запрещенному дереву,
 Открывавшему тайную муку и радость любви. [142–143]

¹ Бердникова О.А. Мотив искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 15.

Написанное 5-ст. анапестом, это стихотворение типологически напоминает специфику так называемого «библейского стиха», в котором значительную роль играют параллелизмы¹.

В своей книге Гальской располагает стихотворения «Вавилонская башня» и «Адам» друг за другом и совершенно не случайно. В основе их концептосферы лежит мотив нарушения запрета². И то и другое есть «нарушение запрещающей заповеди» Бога³. Вера же у поэта соотносится с образом огня, который передается человеку: «...в постиженье медленном Творца, / Горит огнем высокого стремленья / Гармонию осмыслить до конца» [104], «Не убить моей огненной веры» [154]. Примечателен здесь высокий метафорический слог, развернутые образные конструкции. В Библии образ огня тоже часто используется как характеристика сильной веры и религиозного порыва,⁴ особенно когда речь идет о контрасте между формальной верой и «горением веры». Как отмечает С.С. Хоружий, для описания взаимоотношений человека с Богом важна не столько зрительная, сколько «температурная» метафора⁵. Метафорическая номинация «способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы <...> служить средством получения нового знания»⁶.

Метафорические номинации в лирике используются Гальским для характеристики: явлений психической и социальной сферы, вербальной

¹ См.: Десницкий А. Поэтика библейского параллелизма. М., 2006. С. 402–523.

² Аникеев И.В. Жилияков С. В. К вопросу об интерпретации культуры (на примере образа «Вавилонской башни») // Территория науки. 2013. № 4. С. 177–182.

³ Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. Курс лекций // Раздел III. о боге спасителе и особенном отношении его к роду человеческому. Гл.1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/8 (Дата обращения: 20.06.2019)

⁴ Охоцимский А.Д. Образ-парадигма Божественного Огня в Библии и в христианской традиции // Иеротопия огня и света / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: «Феория», 2013. С. 54.

⁵ Хоружий С.С. Визуальный опыт и пространственный опыт в практике исихазма // Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 387–432.

⁶ Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 179.

деятельности, природных явлений и т.д., что дает основание, по аналогии с предложенной авторами книги «Картины русского мира: аксиология в языке и тексте»¹, для выделения нескольких метафорических моделей.

Одним из ведущих в лирике Гальского является концепт ДУША, который включает в себе двойственность «земного и небесного, смертного и бессмертного, обыденного и возвышенного»². Выступая синонимом сердца, душа, по мнению А.Ю. Смирновой, «может пониматься как эмоциональное начало, и противопоставляться рассудку»³. Именно так у Гальского: «...хочу смирить шального сердца дурь» [30], «...сердце ждет человеческих слов / Тех, что могут еще помочь» [54]. В душе, по мнению поэта, заключена основа духовности человека, именно потому ее характеристики столь различны от текста к тексту: «...телом вырос, но душой не рос» [14], «...жду душой настороженной» [16], «...свободною ребяческой душой» [130], «душа глухонемая» [28].

Как и у многих русских поэтов, концепт ДУША в творчестве Гальского часто метафорически соединяется с образом птицы, восходящим «к первобытным и религиозным представлениям»⁴:

Довольно сердце! Замолчи и ты,
Не бейся птицей в ребра узкой клетки. [31]

Мне кажется, в далекий скит
Душа, курлыкая над садом,
От тела отделясь летит? [127]

Если официальная советская поэзия характеризуется воинствующей антирелигиозной направленностью, то лирика эмигранта Гальского наполнена напряженными духовными поисками. Поэт, оставаясь верным

¹ Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 139–163.

² Смирнова А.Ю. Образ души в стихотворении И.А. Бродского «Теперь все чаще чувствую усталость» (1960) и его перевод на английский язык Дж. Клайном // Вектор науки ТГУ. 2012. № 2 (20). С. 107.

³ Там же.

⁴ Там же.

исконным нравственно-религиозным православным ценностям, выводит на первый план в своем поэтическом мире трагедию «незамеченного» поколения русской эмиграции – сложный путь негероической личности, молодого, но потерянного в этой жизни человека, практически на ощупь пытающегося найти правильный жизненный путь. Характерными чертами поэтики этого концептуального поля является: противопоставление традиционных образов (Иегова – Христос, Христос – Аллах, ангел – дьявол, христианские мученики – гонители христианства), с чем связана субъективно окрашенная лексика, высокая ассоциативность текста (развернутые метафоры), обилие реминисценций и интертекстуальных комплексов.

3.2. РОД–ФАМИЛИЯ–СЕМЬЯ В ЛИРИКЕ В.Л. ГАЛЬСКОГО

Концепт СЕМЬЯ как единица национальной концептосферы является «одним из ключевых концептов, которые представляют собой основополагающие понятия культуры нации, ее исторического, религиозного, научного опыта. В концепте СЕМЬЯ сконцентрированы самые значимые понятия материальной и духовной культуры¹. В художественном мире В.Л. Гальского концепт РОД–ФАМИЛИЯ–СЕМЬЯ имеет некоторые отличительные черты, выражающиеся в выделении основных образов: МАТЬ, СЕСТРА, ДЕТИ (СЫНОВЬЯ), сгруппированных по поколенческому принципу «семейственности» (по классификации В.В.Савельевой).

Как отмечает К.В. Гальской: «Из поэтического наследия отца примечательны стихотворные посвящения матери (моей бабушке) и сестре Мариамне. <...> Ближе всего к отцу в семье была Мариамна Львовна, его защитница и покровительница; между ними сложились теплые, близкие и (в полном смысле этого слова) родственные отношения»². Взаимоотношения

¹ Пьянкова Т.В., Особенности лексического представления художественного концепта «Семья» в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 18.

² Гальской К.В. О родных и близких... С. 76.

между братом и сестрой развивались так же, как развивался «богоданный талант» поэта. Мариамна осталась для Владимира Гальского незаменимым советчиком в жизни и самым близким другом.

Жизнь Мариамны Гальской оставила свой след в литературе эмиграции. В алма-атинских дневниковых записях, датированных апрелем 1959 года, писатель-реэмигрант Ю.Б. Софиев вспоминал стихотворные строки, посвященные белградской «прелестной музе»:

...Уплывала платформа,
И в пятне световом фонаря
Лицо твое!
Печальное, как осень,
Любимое, прекрасное лицо!
(Монтаржи, 1925)¹

В 1943 году в Берлине Гальской написал стихотворение «Сестре», которое было опубликовано в журнале «Возрождение» (Париж, 1951, №17, сентябрь – октябрь, с.145) и в книге «Путь усталости» [14 (без графического выделения строф)]:

Ты была мне в жизни лучшим другом,
Мудрая и нежная сестра.
Стелется за мною вешним лугом
Детства нашего согласная пора ...

На первый план здесь выдвигаются детские воспоминания, сознательно противопоставляются чистота детской души в описании событий прошлого («так кроток был, так чист») и душевная опустошенность в зрелом возрасте («душой не рос», «накопил в себе я много яда»). Это приводит к сосуществованию в тексте разных взглядов лирического героя стихотворения на близкого человека: ребенка на «мать», брата на сестру («девчурка»), мужчины на «друга» («лучший друг») и, наконец, человека, прожившего гармоничную жизнь, на человека со сломанной судьбой («верный поводырь»). Таким образом, чувства к сестре развиваются от беспредельной

¹ Софиев Ю.Б. 1958–1966 гг. Алма-Ата. Компьютерная копия. Подготовка текста Н.М. Черновой. (Семейный архив Софиевых – Кноррингов (Алматы)).

детской, почти сыновней, любви до безвозвратно утраченной «увядшей эмоции»:

Я любви твоей, большой и ясной,
 Не сумел, приняв, другим отдать.
 Той любви не отыскать, как клада,
 Та любовь – увядший желтый лист.

Сестра и ее «живое слово» («У тебя одной прошу совета, / От других его не получить») облегчают страдания и поддерживают в минуту испытаний, напоминая, что все невзгоды имеют временный характер: «...не все еще пропето».

Три концептуальные ипостаси образа-персонажа ДУША – ТЕЛО – ДУХ выражены в противопоставлении физических («телом вырос», «мальчик неуклюжий») и душевных качеств («так кроток был, так чист» «душой не рос», «накопил в себе я много яда»), что помогает проиллюстрировать процесс развития личности на фоне соотнесенности с образом сестры, обладающим житейской, «материнской» мудростью («стала ты нужна, как в детстве, снова»). И это соответствует действительности: М.Л. Жедринская (Гальская) была верна своим жизненным взглядам и традициям, не утратив до конца жизни верности высоким патриотическим идеалам, православной веры и живых детских воспоминаний о своей родине.

Постепенно семейные взаимоотношения Гальских перерастают во взаимосвязь поколений, личностное перерастает в социальное. Сестра и мать поэта, сохранившие морально-нравственные качества дворянско-интеллигентского круга, имеющие глубокие исторические корни, постепенно отдалялись от Владимира Гальского, который, любя Россию и ощущая себя русским, в то же время считал себя немного европейцем, связывая все свои устремления и надежды на будущее со «Старым Светом», что было непонятно большинству представителей старшего поколения эмигрантов, не желавших отказываться от прошлого. Не случайно, что в своей полемической поэме «Бездорожье» Гальской настаивал на

историческом примирении противоборствующих сторон гражданского конфликта («...И в мирный серп перекуется меч»).

Этот образ совершенно не случаен. Сын поэта Константин Гальской отмечал в своих воспоминаниях: «Меч был символом добровольчества. В здании ООН стоит подаренная Советским Союзом статуя, олицетворяющая призыв: "Перекуем мечи на орала". Выполнена она в соцреалистическом стиле. Конечно, такое было неприемлемо для старшего поколения эмигрантов. Конечно, был некоторый вызов молодежи, объединенной в Народно-трудовой союз. Своеобразное противостояние отцов и детей. Это отразил отец "Мы ваша плоть и кровь, но мы не вы...". Это отделение себя от старшего поколения воспринималось как вызов»¹.

Писатели старшего поколения, успевшие войти в литературу и составить себе имя еще в дореволюционной России, обращались к ретроспективным темам и образам: это тоска по «вечной России», переосмысление революции и гражданской войны, русской истории и, конечно же, воспоминания о детстве и юности. Писатели младшего поколения признавали ценность трагического опыта эмиграции, но имели на все собственный взгляд: «...на смену пришло не следующее поколение, выросшее из той же среды, а новая волна эмигрантов, радикально отличавшаяся от предыдущей и воспитанием, и нравами, и жизненными целями, поэтому естественного превращения "детей" в "отцов" не получилось. Представители этого поколения были рождены на рубеже веков, оказались в эмиграции в юношеском, а то и детском возрасте...»².

Не случайно поэтому, что мать Александра Владимировна и сестра поэта Мариамна Львовна, эмигрировавшие со сложившимися еще до революции взглядами, не могли до конца понять Владимира Гальского, у которого остались лишь детские воспоминания о Родине. Его взросление происходило за границей, в Европе, что являлось одним из факторов

¹ Тюрин Г.А. Беседа с К.В. Гальским... С. 27–28.

² Варшавский В. Незамеченное поколение. М.: Русский путь, 2010. С. 544.

отдаления от семьи, несмотря на то, что на протяжении всей жизни поэт не имел более близких людей, чем сестра и мать, сильно повлиявших на его судьбу.

В статье «О родных и близких» К.В. Гальской отмечал: «Моя бабушка по отцовской линии, Александра Владимировна Гальская, урожденная Багговут, сыграла важную роль и в жизни отца, и в судьбе последних Гальских, появившихся на орловской земле»¹. Этот поколенческий исторический дискурс проходит лейтмотивом через все творчество В.Л. Гальского.

В статье «К истории рода Багговутов» Г.А. Тюрин проводит аналогию между двумя стихотворениями Гальского, посвященными матери («Бессонница», «Матери»): «В трудные периоды жизни (война, африканские будни, одиночество) В.Л. Гальской стихотворными произведениями обращается к матери. В изображении женщины преклонного возраста повторяется ключевой эпитет, характеризующий напряженность прожитых в эмиграции лет и подчеркивающий основную деталь портрета: "...Усталых рук трепещущую дрожь" и "Усталая дряхлеющая мать". Сына и мать связывает недавнее прошлое (безмятежная жизнь семьи в орловской усадьбе), но и охватывающий столетия мир предков, основанный на высоких духовно-нравственных началах. Поэт видит в матери "вечного друга, испытанного и верного". При этом он избегает идеализации, передавая сложность ее переживаний: "Сумеешь все осмыслить, все понять, / С укором старческим и горестным участием"»². Лирический герой Гальского все еще надеется на опыт, мудрость, способность матери, несмотря ни на что, понять и простить.

По мнению Г.А. Тюрина, для автора обращений к матери главное – «раскрыть благородство души героини, сохранившей глубинные черты родовой памяти: прощение, жертвенность, любовь... Лейтмотивом

¹ Гальской К.В. О родных и близких... С. 74 .

² Тюрин Г.А. К истории рода Багговутов... С. 53.

стихотворения "Матери" является непоколебимость ее чувств и взглядов. Образ вечности ("мой вечный друг") – связующая нить между настоящим и ушедшим»¹.

Необходимо отметить, что при репрезентации концепта СЕМЬЯ в лирике Гальского происходит смещение «социальных ролей» в семье, образы (мать, сестра) в некотором роде меняют свое значение, и наделяются определением «друг». Сестра характеризуется как «лучший» друг: «Ты была мне в жизни лучшим другом» [14], мать определяется как «вечный друг», «испытанный и верный» [119]. Образ «друга» в отношении избирательного круга родных и знакомых вбирает в себя признаки ушедшей дружбы, когда лирический герой испытывает глубокое разочарование: «Друзья? Их нет, они меня забыли»[53], «И другу лучшему всадил бы в сердце нож»[119], «У тебя одной прошу совета. / От других его не получить»[15].

Вдохновляющие лирического героя чувства – любовь, нежность, – перемежаются с мотивом муки, греха, и в этом проявляется сложность внутреннего мира лирического героя Гальского. Нежность определяется эпитетами «мучительная», «глубокая», «тайная», но даже она не может искупить греха «мученической любви». Герой словно ведет диалог-покаяние с самим собой, а экспрессивная самохарактеристика передает внутреннее его состояние, раскрывает «диапазон чувств», текстологически подчеркнутых восклицательными и вопросительными предложениями («...почему же / Я мучаю всех тех, кого люблю?», «Но кто в том виноват? Конечно, я!» [118]) и многократным употреблением восклицательной частицы «О»: «О, объясни, родная, почему же / Я мучаю всех тех, кого люблю?»[118], «О как люблю я все твои морщинки»[119], «И только ты, о, ласковая мать»[53]. При этом стилистически специфика образа матери подчеркнута натуралистическими чертами и деталями портрета, которые выражают идею безысходности и углубляют внутренний конфликт героя, подчеркивая быстротечность

¹ Там же.

времени и жизни («Одно лишь жаль, что не вернуть то время... / Но детство нам не возвратить назад».[118]).

О ценности детских семейных впечатлений и их влиянии на всю последующую жизнь В.Л. Гальского неоднократно упоминал сын писателя: «На него сильное влияние оказала жизнь в усадьбе и русская природа. Детские золотаревские впечатления сохранились в душе до последних дней его жизни»¹. В критические и кризисные моменты жизни герой обращается к воспоминаниям детства, в пору которого были заложены основные духовно-нравственные фамильно-родовые ценности, формирующие личность человека.

По мнению исследователей, «судьба человека во многом определяется теми жизненными стратегиями, которые осваивает ребенок в семье с помощью матери и отца; дефицит какой-либо из стратегий приводит к сложностям в отношении к окружающему миру и самому себе»². Но в творчестве В.Л. Гальского упоминаний об отце нет. Только у Ю.Б. Софиева находим некоторые черты его характеристики: «...добродушный барин абсолютно равнодушен ко всему, кроме своего сибаритства»³. К.В. Гальской в своей статье подтверждает слова друга семьи: «Дедушка действительно был сибаритом, который экономическими проблемами особенно не интересовался»⁴. Но в то же время в сохранившемся письме к сестре Владимир Гальской просит: «Папику передай особенно нежный привет»⁵.

¹ Гальской К.В. О родных и близких... С. 75.

² Манеров Р.В. Психология отцовства // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов (25–28 июня 2003 года). Т. 5. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003. С. 284–288.

³ Софиев Ю.Б. Гальские (Из «Разрозненных страниц» // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография и В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во Орловского гос. университета; «Вешние воды», 2007. С. 127

⁴ Гальской К.В. О родных и близких... С. 74.

⁵ Гальской В.Л. Письмо Жедринской М.Л. // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т. 5: Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского. Орел: Изд-во Орловского гос. университета; «Вешние воды», 2009. С. 19.

В процессе взросления неизбежно происходит изменение взглядов сына на образа отца, но, несмотря на критичность, со временем на первый план выходят положительные качества, которые связаны с родовым, изначальным осмыслением человеческого бытия.

Индивидуальность каждого человека подразумевает не только то, чем он похож на своих далеких предков, но и существенное отличие его качеств от родительских. После расставания уже со своими детьми В.Л. Гальской написал в Касабланке в 1959–60 годах стихотворения «Нет вблизи ни топота, ни гомона...» и «Мальчики, два маленькие брата...» Одним из главных мотивов в этих произведениях является мотив ОДИНОЧЕСТВА, в котором выразилась нравственная мука человека, страдающего от совершенных им ошибок и грехов («Я ж упрямо мерю все поступки, / Все ошибки этих страшных лет» [59]). Стихи отражают душевный кризис лирического героя, близкого к образу самого поэта. Причины своего несчастья он видит в «судьбе», в хрупкости земных мечтаний: «Господи! Как дорого заплачено / За желание любимым быть». [57] Герой ведет диалог-исповедь с Богом, в «просительной молитве за ближнего» обращаясь к детям: «Помолитесь же о вашем папе! / Любит Бог неопытных во зле».[59]

Одиночества и отсутствие возможности общения с детьми подчеркивается универсальным наречием «навсегда»: «В детской навсегда потушен свет». Образ «судьбы косолапой» из этого же стихотворения, основанный на окказиональном метафорическом сочетании, включает в себе мотив распада и разрушения, отразившийся как на предметном мире («поломанный велосипед», «суставы догрызает ржавчина»), так и на душевном состоянии: «Судьба помяла косолапая / Жизнь мою, как этих крыльев жесть». [59] Актуализация одной из памятных деталей (велосипед сыновей) достигается конкретизацией описания (четыре эпитета поставлены в один ряд: «остался брошенным поломанный детский маленький велосипед») и его метафоризацией: «Но теперь он здесь, в своей усталости, / И не ждет от жизни ничего»; «Все суставы догрызает ржавчина».

Таким образом, можно говорить о том, что, хотя в творчестве В.Л. Гальского художественный концепт РОД–ФАМИЛИЯ–СЕМЬЯ не является ключевым, но в то же время он обладает рядом важных субъективных характеристик. Следует отметить, что содержательным компонентом здесь выступают образы, отражающие семейные родственные отношения, характеризующие женщину: мать, сестру (усталая, дряхлеющая мать, родная, ласковая, мудрая, нежная); мужчину: сына, брата (безразличный, злой, гадкий) и отца («мой мальчик», «мальчики, два маленькие брата»).

3.3 ДОМИНАНТЫ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ В.Л. ГАЛЬСКОГО

Как отмечают специалисты: «Область чувств и эмоций, является именно той областью, где наиболее четко проявляется духовная культура народа»¹. Универсальным, общим для многих культур и картин мира является концепт ЛЮБОВЬ, получающий свою специфику в национальном и индивидуальном сознании². Этот концепт как многогранное явление может «служить индивидуальным концептом в языковой картине автора, своеобразным ключом к пониманию его языковой личности»³.

Стараясь пережить глубинный душевный кризис, поэт-эмигрант В.Л. Гальской, как и многие русские писатели, находил в любви первооснову всего сущего, божественную принадлежность человека (В.С. Соловьев). Однако в реальной жизни утверждал, что «любовные отношения людского

¹ Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. 1995. № 3. С. 56.

² Демина Е.А., Кузнецова Н. В. Лингвистическая репрезентация концепта «любовь» в английском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 167–168.

³ Салимова Л.М. О лингвокультурном концепте «Любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Ч.2. С. 174.

стада подчиняются законам, не основанным на Божественной Гармонии, а выработанными веками лицемерия»¹.

Понятие любви у писателя неразрывно связано с православной традицией, и нередко духовность определяется как главный элемент интимной лирики. В христианстве диапазон его обширен – это любовь к Богу, к ближнему, благословение брака... Для В.Л. Гальского «брак соответствующий Божественной Гармонии <...> может быть построен только на правильной дозировке эгоизма и альтруизма, равно распределенной между обоими партнерами»².

В творчестве В.Л. Гальского прослеживаются черты возрожденческой гуманистической традиции в понимании природы любви, он связывает ее не только с естественно-чувственной природой человека, но и с пониманием духовной основы, поиском высоких нравственных ценностей, с высоким художественным творчеством. Его философия любви, как и у В.П. Шестакова, оказывается постижением божественного³:

Чтоб ласки эти как слова звенели,
Текли, сплетаясь в прихотливый строй,
Чтоб им в ответ в твоём покорном теле
Звучал, как гимн, мой стих глухонемой [26].

Как уже отмечалось ранее, художественное пространство в любовной лирике В. Гальского основано преимущественно на природных образах: небо, луг, лес, трава, хвоя, сосны... Мужчина и женщина для поэта – органичная часть природного мира, близость к земле связывает их с традиционными первоосновами жизни, поэтому характеристики лирических героев в проявлениях их чувственности носят подчеркнuto телесный характер («ласкал», «прижавши», «искать губами»), выраженный описаниями таких частей тела, как ладонь, губы, веки, волосы, руки,

¹ Гальской В.Л. Из письма к С.Н. Коссовской... С. 195.

² Там же. С. 196.

³ См.: Шестаков В.П. Русский эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 5–19.

запястья, колени, лоб. Эти образы осложнены метафорической ассоциативностью: «Волнующим прикосновеньем / Обжег ладони холодок» [24], звукописью: «Искать губами тРепетные веки, / ЗаРыться в РоССыпи янтаРные волоС». [26] Важными составляющими в описании женщины оказываются ольфакторные («образы-запахи») и «осязательные образы (тактильные)»¹: «Пахнут молодым, июньским солнцем / Волосы сожженные твои» [23], «И запах трав, таинственный и острый, / В дыханье чудится твоих волос». [38]

Лирический герой Гальского постоянно переживает физические и душевные метаморфозы, раскрывается интимно-духовный мир человека, где наблюдается устремленность к духовному мироосмыслению взамен эмоционально-чувственного.

Любовная лирика В.Л. Гальского включает стихотворение «Ангел» [101–115], не опубликованное при жизни поэта и изданное в книге «Путь усталости». Оно (без помет о дате и месте создания) вошло в третий раздел книги, озаглавленный «Зеркала». К одноименному программному произведению этой части, написанному в Касабланке в 1960 году, взят эпиграф, который представляет собой переделку строк из сонета И. Анненского «Перед панихидой»:

И ужас притаился в зеркалах,
и страх с поклоном подает нам свечи. [101]

В характеристике метаморфоз отражения («...Юноши счастливого виденье / Заменяет грустным стариком») поэт обращается к сравнению и метафорам-приложениям. Зеркало для лирического героя В.Л. Гальского – средоточие самых трагических примет человеческого бытия:

Зеркало! – страшнее нет прибора,
Что придумала людская злость.
Зеркало! – холодный столб позора
И жестоко хлещущая трость. [101]

¹ Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. Алматы, 1996. С. 174.

Этот «страшный прибор» отражает не только те изменения, которые возникают под воздействием времени (с годами и десятилетиями жизни), но главное – он является импульсом для пробуждения почти забытого прошлого, сокрытых в глубине памяти «темных» воспоминаний («Всем грехам оно ведет учет. / И давно забытого злодея / В зеркалах преступник узнает»).

Зеркало, по мнению М.М. Бахтина, показывает «внешний образ души»¹. Ю.И. Левин считает, что именно «зеркало дает человеку уникальную возможность видеть самого себя, то есть вступать в диалог с самим собой»².

В православной России в определенное время церковь не одобряла употребление зеркал и называла его «вещью запретной, созданной дьяволом»³. Именно этот запрет отразился в стихотворении:

Благостен Господь к Своим созданиям, –
На себя смотреть нам не дано.
Но божественное состраданье
Волей нам подобных снесено. [102]

Зеркало в народной культуре «является символом "удвоения" действительности, границей между земным (реальным) и потусторонним миром <...> зеркало считается опасным и требует осторожного обращения»⁴. Именно так трактуется этот образ у Гальского:

В сатанинском нашем вдохновенье
Мы не тратим жалость на живых,
Но в последнем к смерти уваженье
Черным крепом покрываем их». [102]

¹ Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 240–241.

² Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 562.

³ Толстая С.М. Зеркало // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: 2002. С. 182.

⁴ Ершенко Ю.О. Поэтика сна в творчестве А.С. Пушкина: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 15.

Мотив отражения представлен лексемами «отображенье», «виденье» «зеркала», «витрины», «портрет», образующими единый комплекс и формирующими философское основание стихотворения. Вообще, с темой зеркала у Гальского связан целый ряд мотивов. Это и мотив «двойника» отраженного в зеркале, стекле:

Отражают зеркала, витрины
В шуме улиц, в тишине домов
Те же лица, головы и спины
Сонма ненавистных двойников, –

и мотив «двойника», запечатленного в портрете художником, которым оказывается сама «жизнь»:

Кривится в годах отображенье,
Жизнь, мазок роняя за мазком,
Юноши счастливого виденье
Заменяет грустным стариком. [101]

Именно в этом контексте названия раздела книги Гальского и воспринимается стихотворение «Ангел». Его сюжет строится на сложных взаимоотношениях героя-повествователя, названного в тексте «романтиком» (далее – Герой, Романтик, Мечтатель, Ученик, Жертва), и его антипода – именуемого Ангелом (далее – Учитель, Наставник, Темный дух). Именно потому стихотворение представляет собой повествование от первого лица с включением речи персонажей. Это исповедь человека, прошедшего через сложнейшие жизненные испытания. Архитектоника текста включает две части (соответственно в I части 68 строк, во II – 96), выделенные и пронумерованные автором. В первой из них, выполняющей роль экспозиции, поставлена основная проблема – борьба за человеческую душу, омраченную и заполненную грехом.

Судьба героя-романтика представлена в ретроспективном плане. Пылкий, порывистый и восторженный юноша, вступавший в жизнь, жаждет важных открытий и свершений: «Жег меня исканий вечный голод», «Подвигов искал больших и смелых». Его взгляд устремляется в

безграничные просторы моря, неба и земли. Художественное пространство текста, наполненное динамически напряженными образами, объемно как по горизонтали (океаны, пустыня), так и по вертикали. При этом сближенными оказываются природные объекты с противоположными характеристиками (раскаленные африканские пески и вечная мерзлота севера):

Пенились и звали океаны,
 Видел птиц неведомых полет,
 На песках Сахары караваны,
 В огненном сиянье – вечный лед. [109]

Душа молодого романтика была наполнена высокими и благородными помыслами. Отчетливо обозначена его жизненная позиция: «Верил в правду, ненавидел ложь». Подчеркивая внутреннюю чистоту и возвышенность устремлений героя-мечтателя, поэт вводит метафорический образ «белые крылья» в состав сравнения, чтобы подчеркнуть его особую приближенность к Богу:

И легко паря на крыльях белых,
 Был душою с серафимом схож. [109]

Однако, вспоминая прошлое, Романтик признает свою практическую неопытность и жизненную неискренность: «Был тогда доверчив я и молод»; «В мир глядел сквозь розовый туман». Все это оказалось пагубным для его души.

В стихотворение введен персонаж, который является антиподом Героя. Это падший ангел – искушитель и мучитель, олицетворяющий темные силы, которые стремятся захватить и погубить человеческую душу. Примечательно, что его номинация вынесена в заглавие произведения («Ангел»). Эта «неполное» обозначение подчеркивает его скрытую коварную и пагубную сущность. Не случайно, что, стремясь постичь страшные замыслы антипода-врага, романтический юноша вопрошает его в духе Фауста:

Ты не хочешь честно мне ответить,
 Кем ты послан, ненавистный дух? [110]

Первая часть произведения открывается развернутой характеристикой Ангела, включающей метафоры-приложения и ряд эпитетов (2-я строка) с урегулированной звукописью (повтор шипящих и свистящих звуков):

Ангел, но не ласковый хранитель,
А безжалостный, жестокий, злой,
Воспитатель странный и учитель
Наблюдать приставлен надо мной. [108]

Внешне Ангел оказывается похожим на Героя: «Он во всем со мной обличьем сходен». Писатель подчеркивает сходство (даже в мелких деталях) внешности, привычек и одежды.

Так же гладко выбрит, так же сед,
Волосы стрижет по той же моде,
Носит тот же галстук и жилет. [108]

Допустимо говорить о процессе зеркального отражения персонажей, поскольку их сущности являются противоположными. Ангел выступает двойником Героя. Он следит за неудачами и ошибками своей жертвы, его речь наполнена злорадством. Появляясь незаметно и внезапно, он постоянно напоминает о себе. Особенностью изображения в последних строках цитируемого ниже четверостишия являются анафорический повтор и соотнесенность глаголов в вертикальном контексте:

И за каждой новой неудачей,
Издеваясь над моей бедой,
Он подходит поступью кошачей,
Он стучится у моих дверей. [108]

Если герой-романтик В.Л. Гальского стремится в простор, наполненный красотой и светом, то Ангел представляет мир, «в котором солнца нет». Это низменное существо, связанное с тьмой и несущее мрак, охватывает почти всю землю:

В сумрак ты одел моря и сушу,
Маяков задул зовущий свет. [109]

Сюжет стихотворения связан с любовным конфликтом: душа романтика отдана когда-то зловещему духу «за девичий первый поцелуй» (с. 108). Писатель вводит в стихотворение мотив обмана: «Я не мог заметить твой обман»; «Ты добытую обманно душу / Бросил в мир, в котором солнца нет». [109] В одном из «поучительных» монологов коварный и многоопытный Наставник признается в совершенной краже. Этим мотивируется одна из его резко обличительных номинаций, данная героем-романтиком, – «старый шулер».

Спустя годы Герой с болью осознает бесценную потерю, понимает причины роковой ошибки («Я запутался в твоих тенетах») и с гневом обращается к жестокому учителю:

Я кричу ему: «Отдай мне душу,
Старый шулер! откуп слишком мал.
Я тебе в лицо сказать не трушу,
Что меня ты гнусно обобрал». [109]

Как и Мефистофель, темный дух злорадствует, поскольку уверен в нерасторжимости давней выгодной сделки: «Ты навеки безысходно мой». В его представлениях человеческая душа подобна вещи, ставшей товаром; отсюда его самодовольство и открытый цинизм:

Что мне в том, что куплен по дешевке,
Я всегда удачной сделке рад.
Ни к чему, романтик мой, уловки,
Души я не отдаю назад. [110]

В строфе, построенной на антитезах, писатель раскрывает взгляды героя-антипода, беспощадно отрицающего и разрушающего все, что утверждал Романтик: душевное благородство, стремление к высоким идеалам, жажду свежести и новизны.

Чистота твоя – пустое слово!
Жажда подвигов и странствий – блажь!
В мире все давным-давно не ново,
Все моря и страны все – мираж. [110]

И все же основой конфликта в противоборстве персонажей становится любовь. Захватив обманом душу пылкого юноши, «воспитатель странный» цинично оценивает его первую сентиментальную влюбленность:

Души я не отдаю назад.
Я украл твою, тебя жалея.
Мне смешна была любовь твоя.
Ты б до смерти в сумрачных аллеях
Сладко млел под трели соловья. [110]

В откровениях Ангела семья и дети – это лишь «мещанские нищенские затеи», без которых «проживешь спокойней и богаче». А приговор, вынесенный «ненавистным духом» герою-романтику, суров и беспощаден: «Никого ты полюбить не можешь».

Во 2-ой части стихотворения Романтик представлен усмирленным и успокоенным. Его бунтующее стремление вырваться из-под власти темной силы сломлено и погашено. В четвертой строке этой части изображена идиллическая картина единства и согласия персонажей: «Мы друзьями под руку идем». Униженное состояние Героя передается не только эпитетами («плетусь покорно и устало») и сравнением («как верный пес»), но и размещением его в нижней части художественного пространства: «(плетусь) ...у его ноги». Изменившийся Романтик ведет «ученую беседу / С другом ласковым о том, о сем...»[114].

Важную роль в понимании художественного замысла стихотворения играет изображение природы. Вторая часть произведения открывается описанием зимнего городского пейзажа. В создании этой красочной картины несколько аллитерационных рядов создают эффект звукоподражания (повтор звука [P]) и всеохватности пространства снежным покровом (повтор звука [C]):

ХРуСткий Снег моРозно СеРеБрится,
ГоРод Спит, опутан Снежным Сном.

Однако красота природы вытесняется неприглядными деталями городской архитектуры:

Дыбятся дома над площадями,
Паутиной улицы сплелись,
Острыми акульными зубами
Крыши в лунную вонзились высь. [111]

В этом лабиринте улиц и нагромождении высотных зданий теряются колокольни храмов, возносящих к небесам «неумолчную каменную молитву». Европейский город-гигант оказывается чуждым человеку. Стены его зданий, которые писатель сравнивает с «древними скрижалями», таят «тысячи потерянных имен». Город – гигантское болото, высасывающее человеческие души, – является скопищем ночных призраков:

Не один зарезан здесь, замучен,
Не один здесь сам себя судил.
Здесь ночами бродят те, чьи души
Этот город засосал, как ил. [112]

Кульминацией стихотворения является описание дома, в котором товаром становится женское тело. В этой части текста наблюдается сужение художественного пространства: от городских площадей и улиц к переулку («каменной щели» с фонарем, с грязной панелью) и до страшного здания, перед которым «сердце сжималось комом». Дом, где «гнусный торг цветет бесстыдно», определяется «страшным» и «жутким». В нем царит культ животных инстинктов. Единство описания создает анафорический повтор местоимения «здесь». Изображая будничные моменты этой жизни, поэт вводит в текст сниженные детали («запах пота и дурных духов», «мерзкий шорох непристойных слов») и натуралистические описания (выделим ударный звук [О] во всех рифмующихся словах цитированного четверостишия):

За подруг случайных, рыжекосых,
В первобытной ярости самцов,
Здесь дерутся пьяные матросы,
Чуя близость бедер и сосцов.

С одной стороны, в описании поэт выделяет дух наживы владельцев непристойного заведения: «Шелестят презрительно банкноты, // Покупая

вечное на срок». С другой – раскрывается безграничная власть «покупателей» над жертвами продажной любви:

Бей! Насилуй! Хочешь, в морду плюй!

 Как царю, тебе здесь все подвластны,
 Все твои, какую ни возьмешь. [113]

Все здание пронизано атмосферой губительного тлена. Это проявляется в отдельных деталях (кровавый отсвет фонаря перед входом, «смертный шепот <...> непристойных слов») и в описаниях, где дом соотносится, благодаря развернутой метафоре-приложению, с местом казни и гибели:

Этот страшный дом – людская бойня,
 Где живое мясо продают. [112]

Остается одна плоть: город высасывает душу человека. В этом замкнутом и темном мире нет места чистым помыслам и стремлениям, в нем умирает любовь: «Распинают здесь любовь веками».

Сюда, в этот «жуткий и манящий дом», Спутник-друг («видно, завсегда тай») «уверенно» приводит Героя и «ласково советы подает». Здесь точка предельного нравственного падения бывшего Романтика, предавшего свою первую возлюбленную («Мне уже не чудится ночами / Та одна, которую любил» [114]). Девиз этой распутной жизни: «Позабудь», – воплотился в жизни Героя:

Над ушедшим празднуя победу,
 Запиваю прошлое вином. [114]

Герой, ставший частым гостем заведения в «каменной щели» и понявший настоящую сущность падшего Ангела (только в конце стихотворения определена его основная номинация), окончательно погубил свою душу:

Я давно не верю детским книгам,
 Усмирил мечты строптивый бег.

И далее:

Душу дьяволу – блуднице тело –

Стал закон извечный мне знаком. [114]

Опытный наставник стремился опорочить и вычеркнуть светлые мечты-воспоминания своего прилежного воспитанника и показать быстро доступные прелести вольной жизни. В монологе-поучении персонажа примечательна соотнесенность продажной женщины с животным. Обращает внимание натуралистический эротизм этих описаний:

Видишь, эта, с козьими грудями,
Ведь она милее, лучше той,
Чью любовь подстерегал годами,
Для которой проклял жребий свой. [113]

Финальная часть стихотворения (последние пять четверостиший) вносит существенные изменения во взаимоотношения персонажей. Автор вводит упоминание о «Песне Сольвейг» – музыкальной композиции, написанной Эдвардом Григом к пьесе Генрика Ибсена «Пер Гюнт». Сила искусства (игра скрипок) пробуждает падшую душу Героя: «Что-то рвется и кричит во мне». При этом рушатся тяжкие оковы, связывающие с Искусителем: «Исчезает друга образ зыбкий, / Расплываясь в дымной пелене». Являющаяся в видениях Сольвейг – женщина, всю жизнь хранившая верность возлюбленному, – заставляет обманутого героя по-новому взглянуть на прошлое. В его сознании появляется робкая надежда на возможное очищение и освобождение от греховной жизни. В двух строках текста, объединенных амебейной структурностью, появляется двукратный анафорический повтор, в котором слышится мольба о спасении:

Может, близится мое спасенье?
Может быть, жива моя душа? [114]

В сложном процессе перерождения души Героя слиты торжественные и трагические моменты: путь к новой жизни связан со страданием – «животворящей мукой». Душа через страдания и кровь вырвавшаяся из дьявольских пут, обретает новую жизнь. В последних четырех строках

стихотворения, связанных с мотивом смерти, изображена метафорическая сцена торжества любви над грехом:

Я, безглавый, по кровавым нотам
Гимн освобождения пою. [115]

Стихотворение «Ангел» является художественно-философским размышлением об извечной борьбе добра и зла. В центре противоборства человека с темными силами находятся красота и любовь. Отдельные детали, связанные с обстоятельствами создания произведения, позволяют уточнить его художественный замысел.

Стихотворение посвящено Сергею Бонгарту. Это имя является своеобразной отсылкой к культурно-исторической ситуации, отраженной в «Ангеле». Художник и поэт второй «волны» эмиграции Сергей Романович Бонгарт (1918–1985 гг.) вместе с В.Л. Гальским и другими «дипийскими» литераторами участвовал в издании коллективного сборника «Стихи», изданного в 1947 году в Мюнхене. В эту книгу вошла «Элегия» В.Л. Гальского, отдельные мотивы и образы которой соотносятся со стихотворением «Ангел» (ср.: «душащий каменный город» с «фонарями, мостовыми, фасадами, заборами»; «мир расчетливой скуки»). Повторяется даже мелкая деталь мужского портрета – «дешевенький галстук». Последние строки «Элегии» заканчиваются возможным самоубийством «ненужного дворянского поэта»: «К виску своему, не спеша, поднесу пистолет». По аналогии с этим безрадостным финалом в «Ангеле» изображены приметы убогого «дипийского» быта, который также безысходен:

Каждый день вставай, ходи, работай,
Вечером опять вались в постель!
За стеной кричат и плачут дети,
Каждый шорох больно ранит слух. [109–110]

Все это позволяет говорить о широте художественного обобщения, о своеобразной художественной исповеди поэта, раскрывающей духовную трагедию целого поколения, пережившего изгнание и войну.

Итогом духовного переосмысления концепта ЛЮБОВЬ в любовной лирике В.Л. Гальского становится «символический прообраз рожденного Слова»¹. Любовь и творчество для Гальского взаимосвязаны. И процесс зарождения стихотворения происходит в именно моменты любовно-чувственной страсти:

Чтоб ласки эти как слова звенели,
Текли, сплетаясь в прихотливый строй,
Чтоб им в ответ в твоём покорном теле
Звучал, как гимн, мой стих глухонемой.[26]

Топос любви способствует созданию художественного целого и ориентирован на хронотоп сельской природы и города. Именно на лоне природы герой с возлюбленной начинает чувствовать себя частью мира, пространство которого определено горизонтально (просека, стадо, опавшая хвоя) и вертикально (лес, сосна, ветки, закат, звезда). Широкие еловые ветви, поперечные стволу, образуют крест, а точкой пересечения назван образ «распятой» птицы. При этом выразительные возможности стихотворных строк усилены несколькими аллитерационными рядами: «ГДе на СоСне РаСПяТый ПеСТРый ДяТел / ДолбиТ уПРямо киноВаРь СТвола». В топосе любви поэт изображает конкретное местонахождение героя: «Уйти в тот лес с тобою на закате <...> Под пологом ветвей, на вялой хвое, / В твоих руках растаять навсегда». [27]

Хронотоп любви в поэзии В.Л. Гальского отражает особенности мироощущения художника, именно поэтому время и пространство пронизывает бытие героев, их сознание, представления о мире. Они выступают важнейшими атрибутами их жизни. Время как основной параметр любовного бытия героев характеризуется сменой календарных (осень, весна, лето) и суточных ритмов. Поэт вводит отчетливые приметы времен года: «бабье лето», «вянущий опавший плод», «листопад», «плаксивость ноября»,

¹ Рябцева Н.Е. Топос тела в современной женской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 151–153.

«почка развернулась в лист», «зной». Изображая суточный цикл, поэт выделяет переходные состояния (вечер, полумрак), характеризующиеся сумрачностью: «Когда тускнеют в сумерках просеки», «И в час, когда отходит день к покою».

В топосе, связанном с концептом ЛЮБОВЬ, природные явления приобретают особенные свойства. Усилиями художественной фантазии поэта сумрак воплощается в реальные очертания кошки, получая характерные для этого животного характеристики действия и цвета: «Дымчатую кошкой / Сумрак ласково вползает в дом». Некоторые из них, особенно – связанные с описаниями осени, строятся на ассоциациях с религиозно-церковной сферой: «...осени смиряющий елей»[23], «...тихий марш, как будто погребальный, / что по стеклу выстукивает дождь» [73], «...под саваном рождественских снегов». [71]

Наступление весны вполне традиционно совпадает с расцветом любви героя. Процессы обновления и возрождения, которые происходят весной, занимают в художественном мире поэта существенное место (стихотворения «Весна», «Великий пост», «Воскресенье»):

Ты дышала, и таял холод,
И пьянело сердце весной...[42]

и

Но весной, когда синие глубины
Открываются в пепельном небе,
Здесь, как всюду, мечтают и любят,
Забывая о стали и хлебе. [67]

Портрет возлюбленной В. Гальской лишает материально-чувственных черт. Образ героини составлен из отрывочных воспоминаний, он воспринимается как некая абстракция, в раскрытии которой важен глагольный ряд: «приснилась» [23], «опять являлась» [126], «мелькнуло». [28]

Воплощая в интимном топосе образ женщины, В.Л. Гальской вводит натуроморфную (по классификации О.В. Рудневой) метафору «женщина –

природный мир»¹. Значимой является метафорическая модель ЖЕНЩИНА – СВЕТ в разных ее вариантах. Например, женщина – источник света (солнце): «Счастлив я, ведь мне сияет солнце / Юности пленительной твоей». [23] Причем выделяются определенные части тела, обладающие «солнечными» свойствами (обратим внимание на звуковую урегулированность соответствующих строк): «Но топи во мне неверья Лед / Теплым блеском Гла[С] Своих Лучистых», «Под пологом ветвей, на вялой хвое, / В твоих руках растаять навсегда» [27], «Скользят Лучи, нет не Лучи, а Руки / Касаются в Спокойной Ласке Лба». [38] Метафоры «света» являются одними из наиболее частотных в лирике Гальского, что определяет место женщины в мировосприятии его лирического героя по системе бунинских координат: женщина – «это центр мироздания, создание греховно-божественное»².

При исследовании любовной лирики И.А. Бунина выделена конфессиональная метафора «женщина – богиня/икона»³, эта особенность образной системы присуща и поэзии В.Л. Гальского. У автора книги «Путь усталости» метафорика связана с образами христианской православной культуры. Художник подчеркивает красоту возлюбленной и наделяет ее ангелоподобными чертами, не присущими обычному человеку:

С упреком ласковым глядели
Твои спокойные глаза,
В лампадном полумраке келий
Так ночью смотрят образа... [126]

и

Платье, как ризу иконы целуя. [153]

Создавая образ возлюбленной, поэт выделяет выразительные художественные детали, как в стихотворениях «Я уйду и все будет как прежде...», «Вечер был хрупок и розов, как женские плечи...», «У печки» и

¹ Руднева О.В. Метафорическая модель мира в творчестве И. А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 29.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 29.

др. От текста к тексту он создает психологический и телесный портрет идеальной женщины. Описание образа любимой включает внешний (вещно-телесный) аспект: «Тонкая, в одежде бледно-синей» [23], «Вот за стволами мелькнуло знакомое платье». [28] Женские волосы, веки и глаза пронизаны тонкими ассоциациями: «Пахнут молодым, июньским солнцем / Волосы сожженные твои» [23], «Искать губами трепетные веки», «Зарыться в россыпи янтарные волос» [26], «Теплым блеском глаз своих лучистых». [39]

При исследовании концепта ЛЮБОВЬ обнаруживается контраст урбанистического окружения человека (город) и нерукотворной природы. Очистительное действие последней создает ряд специфических параллельных описаний: «Вечер был хрупок и розов, как женские плечи, / Кудри густые рассыпала рыжая осень». [28] В этом контексте выделяется «наоборотная» метафора, раскрывающая не взгляд человека на природу, а обратный процесс. На фоне описания города такие приемы редки: «Уйти, забыть о том, что близко где-то / О городе вздыхают поезда», хотя образ Возлюбленной заполняет все душевное пространство лирического героя: «В этот вечер праздничный город / До краев был полон тобой». [42] Образ-видение «скользит... в дымном мареве кабаков», «растворяется в сумраке зыбком», «исчезает в тенях домов». При изображении возлюбленной художник использует мотив иллюзорности, который стал основным принципом изображения образа героини; при этом поэтизируется все неуловимое и незавершенное, иллюзорное и мимолетное: тени, сны, видения, мгновения, ароматы, дуновения, дыхания и т. п. Автор создает полуреальный образ: образно-ассоциативные средства формируют картину неясных и смутных очертаний, бестелесной воздушности и неземной легкости объекта изображения.

Особенностью художественной рецепции женского начала у Гальского является также резкая контрастность изображения, доходящая до оксюморонности. Это позволяет поэту раскрыть сложность взаимоотношений влюбленных: «Ты была близка и далека...»[21],

«Волнующим прикосновеньем / Обжег ладони холодок» [24], «Мы так долго и мало знакомы», «Как любовь, наша дружба остыла, / Ухожу я так поздно – так рано...»[25].

Таким образом, при исследовании одного из основных концептов художественного мира поэзии В.Л. Гальского выделена земная (естественно-чувственная) и духовная, основанная, по утверждению самого писателя, на «Божественной Гармонии», ипостаси концепта ЛЮБОВЬ. Описание образа женщины включает реалии телесной сферы, при этом ее портрет наделен приметами иллюзорности и двойственности. Влюбленные оказываются в двухчастном художественном пространстве (сельская природа и город), при этом природные и урбанистические объекты наделяются женскими чертами. Героиня любовной лирики В.Л. Гальского выступает светоносным духовно-нравственным и творческим (эстетическим) источником. При этом поэтика воплощения женского образа, как правило, предельно выразительна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате предпринятого исследования поэтического мира В.Л. Гальского были получены результаты, позволяющие говорить о типологической специфике творчества поэта-эмигранта, на долю которого выпала нелегкая судьба «вечного скитальца». Его жизненный и творческий путь представляют собой постоянный поиск смысла и назначения человеческого бытия, что является неотъемлемой частью художественного сознания практически каждого русского писателя.

При обобщении введенного в научный оборот архивно-исторического и историко-литературного материала удалось выделить основные периоды творческой биографии В.Л. Гальского, охватывающей более 40 лет.

Первый из них – до катастрофических событий 1917 года – ученический, характеризуется становлением личности и зарождением творческого дарования будущего поэта в России. Все последующие периоды связаны с эмиграцией.

Во второй белградский период (1920 – начало 1930-х гг.) проявилась жизненная и творческая активность начинающего писателя: учеба в гимназии и в университете, участие в литературных кружках и в скаутском движении. Особое место в творческой биографии и художественном мире В.Л. Гальского занимает скаутская песня «На Авале на горе...», единственный дошедший до нас образец его раннего творчества, авторство которого установил старейший русский скаут-эмигрант Р.В. Полчанинов. Своеобразие этого произведения заключается в том, что начинающий поэт подчинил казачий песенный дискурс художественным задачам, связанным со скаутским движением в эмиграции.

Третий период творческой биографии В.Л. Гальского (с середины 1930-х годов до 1947 года) характеризуется развитием его зрелого литературно-художественного творчества. Здесь допустимо выделить довоенные и послевоенные годы. Примечательные события этих лет:

публикации в белградской «Литературной среде», в журналах «Русские записки» и «Грани», в поэтических альманахах «Походный сборник. Десять первых» и «Стихи» (Мюнхен).

Четвертый период (1947–1961 гг.) связан с переездом В.Л. Гальского в Марокко, где писатель продолжал сотрудничать с парижским журналом «Возрождение» и осуществлял подготовку к изданию книги стихотворений «Путь усталости».

Обзор научно-критической литературы, посвященной творчеству В.Л. Гальского позволяет выделить два этапа: 1) в 1930–1960 годы в зарубежной печати появляются отдельные публицистические статьи, посвященные писателю-эмигранту, 2) после публикации книги стихотворений «Путь усталости» и отдельных произведений писателя в постперестроечной России начинается изучение литературного наследия, появляются биографические и научно-критические статьи.

Актуализация понятия поэтический (художественный) мир во второй половине XX века позволила провести комплексный анализ концептосферы В.Л. Гальского, в результате чего были выявлены доминантные концепты его лирики – ДОМ, РОДИНА, ЧУЖБИНА, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СЕМЬЯ, ВЕРА, образующие в совокупности гиперконцепт ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.

Концепт ДОМ воплощен в обобщенно-символическом изображении русской дворянской усадьбы – поместья Гальских в селе Золотарево Мценского уезда Орловской губернии. В восприятии писателя-эмигранта усадьба являлась символом малой родины и всей России. Этот концепт выполняет мировоззренческую функцию, представляя воспоминания детства, историческую память как условие жизни человека в этом мире.

Особенности описания отчего дома связаны с проблемой соотнесенности в творчестве писателя биографического и художественного аспектов. Изучение историко-архивного материала (документы, воспоминания, фотографии), сохранившегося в государственных и личных архивах, а также проведенное натурное обследование усадебного места

(расположение, рельеф, окрестности и др.) позволяют заключить, что биографические истоки играли существенную роль в литературно-художественном творчестве В.Л. Гальского.

Спецификой описания усадьбы являются ретроспективность ракурса изображения и восприятие прошлого глазами ребенка. Детское мироощущение, характеризующееся достоверностью и глубиной переживаний, определяет эмоциональный и иконический строй стихотворений этой тематической направленности: близкие люди, книги, детали быта, природные образы и т.д. Композиция отдельных стихотворений в отношении отбора и расположения материала внеэстетической реальности, пространственно-временных связей, включая онейрическое пространство, обусловлена в лирике В.Л. Гальского особенностями психологии ребенка.

Примечательна сфера концептуального пространства дворянской усадьбы в описании поэта. Если городские реалии едва намечены, то сельские просторы описаны во всем их многообразии, включая обонятельные и тактильные рецепции. Ключевой образ ЗЕМЛЯ, фиксирующий особенности местного рельефа и включающий описания разных видов земельных угодий, изображен в динамике, связанной со сменой времен года. При этом, в традициях русского романтизма, природа у Гальского одухотворяется чаще всего за счет метафоризации свето-цветовых обозначений.

Таким образом, в составе концептуального поля РОДИНА оказываются такие концепты, как УСАДЬБА, ДОМ, дополненные образами-детальями (луг, сад, река, город и др.) и эмоциями (радость, гордость, благодарность, разочарование и т.д.). Анализ ключевых концептов этого арсенала оказывается особо значимым для понимания специфики художественного мира русского поэта.

Концепт РОДИНА у Гальского представлен различными видами образов и особой пространственно-временной организацией, формирующими

вкуже с выразительными средствами (различные типы звукописи, повторов, метафорические конструкции) авторскую модель поэтического мира.

Исследование внеэстетической (биографической) реальности дает возможность уточнить в творчестве В.Л. Гальского некоторые особенности соотносительности типологического и конкретно-исторического аспектов художественного изображения. Несомненно, проблематика поэзии В.Л. Гальского несет на себе отчетливо выраженные типологические черты эмигрантского менталитета (мучительное переживание изгнания, ностальгические воспоминания о родном крае и др.). Однако нами не принимается некоторая односторонность подхода тех исследователей, которые сводят особенности творчества поэта только к обобщенности и типичности общечеловеческого характера трагедии «незамеченного поколения». Многообразие конкретно-исторического содержания концепта РОДИНА раскрывается не только в изображении повседневно-бытового уклада родной усадьбы, дома, но и в индивидуально-психологическом восприятии фактов отдаленного и недавнего прошлого.

При исследовании концепта ЧУЖБИНА актуализирован имагологический аспект анализа, определены типологические особенности изображения человека, оказавшегося в вынужденном изгнании. В.Л. Гальской противопоставляет судьбы эмигрантов старшего поколения «отцов» и «незамеченного поколения» («детей»), обладающего «иной памятью». Важную роль в дискурсе писателя-эмигранта играет мотив утраты отчизны, в котором через призму инонациональной культуры более выпукло отражаются основные характеристики концепта РОДИНА. Этот образ в эмигрантском сознании осмысливается как некий идеал, утраченный рай, что вызывает прямые ассоциации с мотивом блудного сына как особой культурной модели.

Культурно-историческое пространство зарубежной среды отчетливо маркировано в лирике В. Гальского. Изобразительный ряд концепта ЧУЖБИНА, базирующегося на понятии «чужой», включает доминантные

образы, связанные с инонациональной культурой. В творчестве В.Л. Гальского раскрывается специфика инонациональной реальности в рецепции русского писателя-эмигранта. Европа воспринимается его лирическим героем как центр мировой культуры («Париж», «Бюргерам Вены», «Панония», «Будапешт»), но при этом в лирике этой тематической группы проявляются антиурбанистические мотивы, которые раскрывают негативное влияние города-гиганта на душу человека. Включенные в текст таких стихотворений детализированные пейзажные зарисовки хотя и являются художественно-выразительными, однако встречаются довольно редко.

Применяя приемы экфразиса и реминисценции, поэт добивается особенной выразительности изображения своих впечатлений от шедевров европейской архитектуры, скульптуры, живописи и музыки, описываемых в традициях русского романтизма. Целый ряд стихотворений посвящен В.Л. Гальским выдающимся деятелям и историческим событиям, определившим современный облик Европы. Исторические аллюзии в форме топонимов и онимов, большая группа инонациональных образов, связанных с Библией и европейской литературной традицией, формируют в художественном мире В.Л. Гальского индивидуально-авторский концепт ЧУЖБИНА, противопоставленный синонимичным в своей общеэстетической функции концептам ДОМ и РОДИНА. В отличие от символически обобщенного образа Отчизны, ментальный комплекс ЧУЖБИНА характеризуется детализированной организацией пространственно-временного континуума. Его хронотопическая модель базируется на непосредственных ощущениях лирического героя, характеризующихся двойственным отношением к зарубежному миру, который приближен по ряду параметров к образу Родины, но не идентичен ей.

Поэт изображает сложные душевные переживания лирического героя, связанные с процессом вынужденного вхождения русского эмигранта в инонациональную культурную среду. При этом раскрывается отчетливое

осознание им его «ненужности» и «чуждости». Глубинное чувство памяти, ностальгия по утраченной Родине не позволяют изгнаннику полностью принять новые жизненные ориентиры и ценности. Именно потому доминантным в концептосфере ГОРОД у поэтов-эмигрантов часто становится определение «чужой» как воплощение ностальгических ощущений всего поколения младоэмигрантов. Эти мотивы роднят дипийское творчество В. Гальского с общими настроениями русской эмиграции.

В результате исследования духовно-нравственных аспектов творчества В.Л. Гальского выделены биографические источники, раскрывающие становление религиозных (христианско-православных) взглядов писателя, который был «человеком церковным». Духовная лирика поэта – это опыт литературно-художественного постижения сущности веры, которая воспринимается как исключительная духовная ценность всей русской эмиграцией, как путь к «тайне нерешенной мироздания» и «благодным и ясным откровеньям».

Концепт ВЕРА, являющийся базовым в языковой картине русского мира (Ю.С. Степанов), становится структурообразующим в лирике В.Л. Гальского для реализации таких религиозных художественных концептов, как БОГ, НЕБЕСА, ДУША, ВЕЧНОСТЬ. Уже само название книги «Путь усталости» и отдельных произведений («Великий пост», «Воскресенье», «Голова Иоканаана», «Вавилонская башня» и др.) говорят о направленности духовных поисков поэта.

Смысловое поле концепта ВЕРА включает знаковые (по классификации В. Ноздриной) библейские образы (ветхозаветный Бог, «вестник Господа» – Иоанн Предтеча, Христос, Иов, Адам, Ева и др.), изображения которых характеризуются детализацией и глубокой выразительной ассоциативностью. Стихотворения «Голова Иоканаана», «Адам», «Вавилонская башня» и некоторые другие представляют собой художественную интерпретацию библейских сюжетов или содержат реминисценции из библейской истории, которые соотносятся с жизнью

русских изгнанников на чужбине. Иисус Христос («родной и ласковый Бог») противопоставлен суровому ветхозаветному Иегове и «призрачному» Аллаху. Эмигранты («жизнью искалеченные воины»), завершающие свой «бесславный путь» и охваченные «предельной усталостью», надеются на Божью милость и щедрость. При этом в описании церковных таинств важную роль играют сгущенная метафоризация, экфразисная звуковая инструментовка, парадигма цветowych эпитетов, придающих тексту художественную выразительность и даже подчас – молитвенную откровенность.

Для раскрытия соотнесенности биографического и художественного аспектов при исследовании концепта СЕМЬЯ нами были использованы архивно-исторические материалы (воспоминания, письма, документы). Ключевыми образами этого концептуального поля являются мать и сестра поэта, которые воспринимаются лирическим героем В. Гальского прежде всего через призму воспоминаний детства. Взаимоотношения между родными, проходя через стадии разочарования, непонимания и конечного притяжения, перерастают в не всегда простую связь поколений, когда личностное становится социальным.

При исследовании одного из основных концептов художественного мира В.Л. Гальского – ЛЮБОВЬ – выделена земная (естественно-чувственная) и духовная ипостаси этого чувства. В душевных переживаниях и страданиях раскрывается устремленность лирического героя к духовному осмыслению любви как основы человеческого бытия.

Одним из ярких воплощений этой концепции является стихотворение «Ангел», раскрывающее трагедию негероического поколения, которое в период страшных социально-исторических катастроф (революции, гражданская война, эмиграция, Вторая мировая война) понесло не только материальные, но и духовно-нравственные утраты. «Ангел» – это своеобразная художественно-аллегорическая исповедь, с пронзительной откровенностью и поэтическим мастерством раскрывающая сложный

нравственно-психологический опыт молодого эмигранта и позволяющая прикоснуться к самому сокровенному в душе разуверившегося человека.

В любовной лирике В.Л. Гальским разрабатываются уникальные принципы создания портрета женщины, включающие, по аналогии с бунинской эстетикой чувственности, элементы описания телесности, натуралистический эротизм продажной любви, ориентированные одновременно с этим на контрастность изображения иллюзорности и двойственности чувственного бытия. Хронотоп любви включает двухчастное художественное пространство (сельская природа и город), смену календарных и суточных ритмов. При этом часто природные и урбанистические объекты наделяются чертами возлюбленной, ее светоносным духовно-нравственным потенциалом. Особенной художественной выразительности в воплощении концепта ЛЮБОВЬ поэт добивается с помощью применения различных типов метафор, урегулированной звукописи, специфически эмфатических описаний и амебейной структурности.

Таким образом, можно говорить о том, что поэтический мир В.Л. Гальского представляет собой не во всем уникальное, но художественно значимое явление в литературе Русского Зарубежья, складывающегося из суммы поэтик больших и малых творческих индивидуальностей. Изучение поэтический мир В.Л. Гальского дает читателю уникальную возможность понять сложные процессы, происходящие в русском поэтическом сознании по обе стороны государственной границы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Публикации литературно-художественных произведений

В.Л. Гальского

Книги

1. Гальской В.Л. Путь усталости / Сост. и авт. вступ. статьи К.В. Гальской. Худ. Иевлев С.М. Вологда: Грифон, 1992. 196 с.
2. Гальской В.Л. Запоздалые листы: Избранные стихотворения и поэмы / Сост. и авт. вступ. статьи К.В. Гальской. Отв. ред. Г.А. Тюрин. Библиография И.А. Меркулова. Дизайн А.А. Ермакова. Орел: Издатель А. Воробьев, 2008. 84 с. (К 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского).

Коллективные сборники, журналы

3. Гальской В.Л. Карусель; Осень; Элегия; Париж; «Все, что я называл искусством...» // «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья: 1920 – 1990: в 4кн. / Сост. Е.В. Витковский. М.: Московский рабочий, 1994. Кн. 3. С. 294, 380.
4. Гальской В.Л. Воскресенье («Дни прозрачные под солнцем тают...») // Возрождение. Париж, 1950. № 8 (март-апрель). С. 28.
5. Гальской В.Л. Весна («Почти неуловимый шорох...») // Возрождение. Париж, 1950. № 9 (май-июнь). С. 53.
6. Гальской В.Л. Набат («Будь проклята, душа глухонемая!..») // Возрождение. Париж, 1950. № 10 (июль-август). С. 146.
7. Гальской В.Л. Сестре (с пометой «Берлин, 1943») // Возрождение. Париж, 1951. № 17 (сентябрь-октябрь). С. 145.
8. Гальской В.Л. «Все, что я называл искусством...»; Мохач (с авторск. коммент.) // Возрождение. Париж, 1954. № 32 (март–апрель). С. 102–103.
9. Гальской В.Л. Bassiana; «Губ твоих румяный зрелый мед...» // Возрождение. Париж, 1954. № 33 (май-июнь). С. 15.

10. Гальской В.Л. «В тишине прозрачной и сторожкой...»; Черный город; Великий пост (с посвящ. «Е.Г.К.») // Возрождение. Париж, 1954. № 34 (июль-август). С. 65,113,144.
11. Гальской В.Л. Голова Иоканаана («Где тобой обещанное чудо?..») // Возрождение. Париж, 1954. №35 (сентябрь-октябрь). С. 71.
12. Гальской В.Л. На отъезд в Америку («Напруженные цепи заскулят...») // Возрождение. Париж, 1954. №36 (ноябрь-декабрь). С. 90.
13. Гальской В.Л. Мохач // Грани. Мюнхен, 1946. №2 (октябрь). С. 11.
14. Гальской В.Л. Наполеон (два отрывка из поэмы Наполеон) // Грани. Мюнхен, 1947. №3 (январь – март). С. 16.
15. Гальской В.Л. Черный город; «Это было – в Брюсселе? В Париже?..»; Bassiana; «Губ твоих румяных зрелый мед...»; «На отъезд в Америку» (публикация стихотворений, биографическая справка) // «Вернуться в Россию – стихами...»: 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт., предисл., коммент. и биогр. сведен. В.П. Крейд. М.: Республика, 1995. С. 146–148.
16. Гальской В.Л. Бабье лето; «В тесном скверике косили травы...» (с посвящ. «И. Голенищеву-Кутузову»); «С каждым днем твое смуглело тело...» (с посвящ. «Кн. В.В. Голицыной»); «Где темно-бурые листья каштана...» // Литературная среда. Белград, 1935/36. [Вып.] 1. С. 5–8.
17. Гальской В.Л. «На Авале на горе...» // Русские скауты (1909 – 1969). Сан-Франциско, 1969. С. 271.
18. Гальской В.Л. «С каждым днем твое смуглело тело», «Где темно-бурые листья каштана...» // Русский временник. Париж. 1938. №2. С. 96–97.
19. Гальской В.Л. Бездорожье (глава IV) // Русские записки. Париж, 1938. №8–9 (август – сентябрь). С. 85.
20. Гальской В.Л. Бездорожье (глава IV) // Походный сборник: Десять Первых. Менхенгоф: Посев, 1945. С. 8.
21. Гальской В.Л. «Все, что я называл искусством...»; «Черный город»; «Это было – в Брюсселе? В Париже?»; «Bassiana»; «С каждым днем твое

смуглело тело...»; «Губ твоих румяных зрелый мед...» // Встречи: Альманах: Ежегодник. / Ред. В.А. Синкевич. Филадельфия, 1990. С. 118–126.

22. Гальской В.Л. «Это было – в Брюсселе? В Париже?»; Осень; Черный город; Bassiana; «Губ твоих румяный зрелый мед...»; Звериная карусель (под названием «Карусель»); Элегия; Париж («Ты не стареешь вместе с нами...»); «Все, что я называл искусством...» // Стихи. Мюнхен, 1947. С. 25–34.

23. Гальской В.Л. Бездорожье (отрывок из поэмы); «Все ново, шляпы, платья, лица...»; Голландия; «Безобразной, измятой гирляндой...»; Звериная карусель; «мы шли в тот хрусткий, зимний вечер...»; «Уйти в тот лес с тобою на закате...»; У печки; и т.д. // Писатели Орловского края. XX век: Хрестоматия. / Под ред. Е.М. Волкова Орел: Вешние воды, 2001. С. 654.

II. Историко-архивные материалы

25. Личный фонд В.Л. Гальского (рукописные стихотворные произведения, письма) // Отдел фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева. 35180 оф. РК. Ф. 149, оп. 1. 228.

26. Материалы к истории села Золотарево Мценского уезда Орловской губернии // Государственный архив Орловской области. (ГАОО, ф. Р-477, оп.1, ед. хр. 25; ГАОО, ф. Р-477, оп.1, ед. хр. 174; ГАОО, ф. 566, оп.3, ед. хр. 1107; ГАОО, ф. 566, оп.3, ед. хр. 1085; ГАОО, ф. 566, оп.1, ед. хр. 1099; ГАОО, ф. 592, ед. хр. 1602; ГАОО, ф. Р-477, оп.1, ед. хр. 184; ГАОО, ф. Р-477, оп.1, ед. хр. 346; ГАОО, ф. Р-477, оп.1, ед. хр. 30; ГАОО, ф. 453, оп.1, ед. хр. 40; ГАОО, ф. 22, оп.1, ед. хр. 173; ГАОО, ф. 525, оп.1, ед. хр. 730; ГАОО, ф. Р-477, оп.1, ед. хр. 9; ГАОО, ф. Р-12, оп.1, ед. хр. 2613 и др.)

27. Материалы к родословию Гальских // Архивный фонд Историко-этнографического музея «Усадьба Гальских» (г. Череповец Вологодской области) (РГАДА, ф.1355, оп. 1, д. 879; ГАВО, ф. 881, оп. 2, д. 16; РГВИА, ф. 577, оп. 22, д. 3623 и др.)

28. Кнорринг И.Н. Дневник XIII. 7 мая 1937 – 24 сентября 1940. Париж. Рукопись // Семейный архив Софиевых-Кноррингов (Алматы, Республика Казахстан). Хранитель Н.Н. Чернова.
29. Переписка Г.А. Тюрина (г. Орел, Россия) и Р.В. Полчанинова (США). 2006-2008 гг. // Личный архив Г.А. Тюрина (г. Орел).
30. Переписка Г.А. Тюрина (г. Орел, Россия) и К.В. Гальского (США). 2006-2008 гг. // Личный архив Г.А. Тюрина (г. Орел).
31. Учетная карточка захоронения. Гальской Владимир Львович // Русская православная церковь в Марокко [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.orthodox-rabat.ru/index (Дата обращения: 20.06.2019)

III. Творчество В.Л. Гальского в литературно-художественной критике

32. Бекчеев А. (Софиев Ю.Б.) «Литературная среда». Сборник белградских поэтов. [Рецензия] // Русский временник. Париж, 1938. №2. С.94–97.
33. Бекчеев А. (Софиев Ю.Б.) «Литературная среда». Сборник белградских поэтов. [Рецензия] // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т.4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. / Под научн. ред. Е.А. Михеичевой. Авт. науч. проекта (том, серия), отв. ред. и сост. Г.А. Тюрин Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С.133–140.
34. Полчанинов Р.В. Неизвестная песня поэта В.Л. Гальского // Страницы истории разведчества – скаутизма. Редактор-издатель Р. Полчанинов. New Hyde Park, N. Y. 2004. октябрь. №36 (93). С.1-3. Опубликовано вс, 10/04/2005. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.scouts.ru/library/13035> (Дата обращения: 20.06.2019)
35. Полчанинов Р.В. Разведческие годовщины в 2008 году // Раздел: Газета "Скаутский Мир". Опубликовано ср, 06/02/2008. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.scouts.ru/library/13626> (Дата обращения: 20.06.2019) (Сообщение о рождении В.Л. Гальского, «известного

зарубежного поэта и скаутского деятеля, автора песни «На Авале на горе...»).

36. Софиев Ю.Б. Разрозненные страницы: Воспоминания бывшего эмигранта. Предисл. и публ. И.Ю. Софиева // Простор. Алма-Ата, 1994. №7 (июль). С.38–126 (глава «Гальские», С.62–65).

37. Черных А. Поэты и читатели [о сборнике «Стихи» (Мюнхен, 1947)] // Огни: Литературно-общественный журнал. Мюнхен, 1947. №1 (21). С. 61–65.

Некрологи

38. Ганусовский Б.К. Бедный поэт // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1961. 16 сентября, суббота. С. 4.

39. Завалишин В.К. На родину вернулся посмертно. Русский эмигрант устал // Русская жизнь. 1994. 2 апреля, суббота. С. 9–10.

40. Яконовский Е.М. Владимир Гальской // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1961. 29 августа, вторник. С. 3.

Газетные публикации (Вологда, Орел)

41. Аринин В.И. Найдёт строку о себе // Русский Север. Вологда. 1992. 29 декабря. №208 (364). С. 2.

42. Аринин В.И. Вернулся на родину поэт // Русский Север. Вологда. 1993. 1 апреля. №49 (413). С. 3.

43. Брылева О. Нашедший приют (К 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского) // Аргументы и факты в Орле: Бесплатное региональное приложение. Орел, 2008. 25 марта. №13 (667). С. 3.

44. Вологина О.В. Орловское детство изгнанника (о В.Л. Гальском) // Орловская правда. Орел, 1997. 17 июня. С. 3.

45. Ефремов С.М. «...Я души моей лучшие звуки слил для родины в гимне едином» (К 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского) // Маяк. Залегощ (Орловская область). 2008. 21 марта. №12 (8962). С. 1–3.

46. Кавыршина Д. Возвращение. (Был такой поэт...) (о В.Л. Гальском) // Орловская правда. Орел, 1991. 7 ноября. №27 (20688). С. 4.
47. Павлова Г.Н. «Бездомные России сыновья...» (о В.Л. Гальском) // Город Орел. Орел, 2008. 16 апреля. №15 (19). С. 16; 23 апреля. №16 (20). С. 16.
48. Панфилова Л.Г. Историко-этнографический музей «Усадьба Гальских "Горка"»: [Буклет]. Вологда: Грифон, 1992. 6 с.
49. Панфилова Л.Г. Столбовые дворяне Гальские // Московский журнал. М., 1993. №8. С. 56-57.
50. Панфилова Л.Г. Столбовые дворяне Гальские... // Речь. Череповец, 1991. 19 апреля. №70 (18039). С. 3.
51. Панфилова Л.Г., Коквина О. «Мело, мело по всей судьбе...» (о Гальских) // Речь. Череповец. 1990. 6 ноября. №208 (17929). С. 2.
52. Посохова Т.И. «Путь усталости» Владимира Гальского // Свеча. Вологда, 1995/1996. №7. С. 29–30.
53. Прыгова Э.М. Стихи вернулись на родину // Речь. Череповец. 1993. 23 февраля. №40 (18485). С. 3.
54. Сенина Т.Н. Поклонный крест – забытому прошлому // Город Орел. Орел, 2008. 3 декабря. №48(52). С. 20. (Об установлении Поклонного креста в селе Золотарево на месте церкви, в которой крестили В.Л. Гальского).
55. Сопина Т. Поэт незамеченного поколения (о В.Л. Гальском) // Вологодские новости. Вологда, 1996. 21-27 ноября. №47(936). С. 13.
56. Тюрина В.Г. Звено духовного понимания. Орловские страницы из парижского архива // Орловский вестник. Орел, 1999. 1 апреля. №13 (365). С. 9 (раздел «Бездомные России сыновья...»).
57. Фильчаков Ю. Возвращение забытого поэта. (К 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского) // Орловская правда. Орел, 2008. 22 марта. №46(24786). С. 5.
58. Шахов В. «Гальской стал моим поэтом....» // Свеча. Вологда, 1995–1996. №7. С.101–122.

59. Щекина Г.А. При чем тут усадьба? К истории издания Гальского // Свеча: Литературный журнал. Вологда, 1995-1996. №7. С. 26–27.

Орловские сборники

60. Литература русского зарубежья 1917–1939: новые материалы / Министерство образования и науки Рос. Федерации, Упр. общ. и проф. образования Администрации Орл. обл., Орл. объедин. гос. лит. музей И.С. Тургенева [и др.]; под науч. ред. А.М. Грачевой, Е.А. Михеичевой; авт. науч. проекта, отв. ред. и сост. Г.А. Тюрин - Орел: Вешние воды, 2004 (ООО ИД Орлик). Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. 2007. 185 с.

61. Литература русского зарубежья 1917–1939: новые материалы / Министерство образования и науки Рос. Федерации, Упр. общ. и проф. образования Администрации Орл. обл., Орл. объедин. гос. лит. музей И.С. Тургенева [и др.]; под науч. ред. А.М. Грачевой, Е.А. Михеичевой; авт. науч. проекта, отв. ред. и сост. Г.А. Тюрин Орел: Вешние воды, 2004 (ООО ИД Орлик). Т. 5: Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского: материалы Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского, 17-18 марта 2008 г., г. Орел. 2009. 223 с.

Справочно-информационные издания

62. «Мы жили тогда на планете другой...»: В 4 кн. / Сост. Е.В. Витковского; Биограф. справки и коммент. Г.И. Мосешвили. М.: Моск. рабочий, 1994. Кн.1. 498с., Кн.2. 466 с., Кн.3. 402 с, Кн.4. 386 с.

63. Антология поэзии русского Белграда = Антологија поезије руског Београда / Сост., пер., предисл. и биограф. справки: Остоя Джурич; Библиограф.: Алексей Арсеньев. Рус.-серб. изд. Белград: Zepher book world, 2002. VII, 203, VII, 176 с. встреч. паг.

64. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции // Гуль Р.Б. Собр. соч.: В 3т. Нью-Йорк: Мост, 1984. Т. 2: Россия во Франции. 1984. 351 с.

65. Дальние берега: Антология поэзии русского зарубежья / Сост. В.В. Кудрявцев; вступит. статья В.В. Кудрявцев; отв. ред. Е.Н. Агинская. Смоленск: Русич, 2006. 608 с.
66. Литература русского зарубежья: антология: В 6 т. / авт. вступ. ст. и науч. ред. канд. филос. наук А.Л. Афанасьев. М.: Книга, 1990. Т. 1, ч. 1. 430 с.; Т. 1: 1920–1925. Т. 1, Ч. 2. 398 с.; Т. 2: 1926–1930. 1991. 559 с.; Т. 3: 1931–1935. 1997. 543 с.; Т. 4: 1936–1940. 1998. 558 с.
67. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; сост. и отв. ред. О.Н. Михайлов. М.: Наследие: Наука, 1993. [Вып. 1]. 1993. 332 с.; [Вып. 2.] 1999. 327с.; [Вып. 3.] 2004. 590с.; [Вып. 4.] 2008. 383 с.; [Вып. 5.] 2013. 541 с.
68. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). / Гл. ред. А.Н. Николюкин; Редкол.: Н.А. Богомоллов и др. М.: ИНИОН, 1993–2003; 2-е изд.: М.: РОССПЭН, 1997. <Т. 1.> Писатели русского зарубежья. Ч. I–III. М.: ИНИОН, 1993–1995. 238 + 288 + 321 с.; 2-е изд.: М.: РОССПЭН, 1997. 511 с.; Т. 2. Периодика и литературные центры. Ч. I–III. М.: ИНИОН, 1996–1998. 299 + 320 + 272 с.; 2-е изд.: М.: РОССПЭН, 2000. 639 с.; Т. 3: Книги. Ч. I–III. М.: ИНИОН, 1999–2000. 349 + 367 + 293 с.; 2-е изд.: М.: РОССПЭН, 2002. 712 с.; Т. 4: Русское зарубежье и всемирная литература. Ч. I–III. М.: ИНИОН, 2001–2003.
69. Литературное зарубежье России: энцикл. справ. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, А.Я. Дегтярева [и др.]. М.: Парад, 2006 (Рыбинск: Рыбинский Дом печати). 677 с.
70. Русское зарубежье = Russia abroad: золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / Отв. ред. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.
71. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. М.; Paris: ЭКСМО; YMCA-Press, 1995–1997. Т. 1: 1920–1929. 1995 VI, 630 с.; Т. 2: 1930–1934. 1995. 659 с.; Т. 3: 1935–1940. 1996. 619 с.; Т. 4: Указатели. 1997. 676 с.

72. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940-1975. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1-4 (5-8). М.; Paris: Русский путь; YMCA-Press, 2000-2002. Т. 1 (5): 1940-1954. 2000. VI, 671 с.; Т. 2 (6): 1955-1963. 2000. 585 с.; Т. 3 (7): 1964-1975. 2001. 430 с.; Т. 4 (8): Указатели. 2002. 662 с.
73. Словарь поэтов Русского Зарубежья / Рус. христиан. гуманитар. ин-т; Под общ. ред. Вадима Крейда. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. 470 с.

IV. Историко-литературные и теоретические издания

74. Агеносов В.В. Литература ди-пи: (к формированию второй волны русской эмиграции) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: Сер.7: Литературоведение. Реферативный журнал. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. С. 144-154.
75. Агеносов В.В. Литература russkogo зарубежья: (1918-1996): уч. пос. для студ. пед. вузов и уч. сред. учеб. завед. М.: Терра спорт, 1998. 540 с.
76. Азаров Ю.А. Литературные центры первой русской эмиграции: история, развитие и взаимодействие: дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. 452 с.
77. Русский альманах / Сост. Зинаида Шаховская, Ренэ Герра, Евгений Терновский. Париж, 1981. 490 с.
78. Алексина Р.М. Село Золотарево – «дворянское гнездо» Нилусов // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 61–68.
79. Андреева И.С, Гулыга А.В. Шопенгауэр. М.: Мол. гвардия, 2003. 367 с. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 846).

80. Аникеев И.В., Жиликов С.В. К вопросу об интерпретации культуры (на примере образа «вавилонской башни») // Территория науки. 2013. № 4. С. 177–182.
81. Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич: Переписка его и биография. М.: в тип. Каткова и Ко, 1857. 395 с.
82. Антология военной песни от полтавской битвы до чеченской войны / Сост. и авт. предисл. В. Калугин. М.: Эксмо, 2006. 798 с.
83. Аргуткина А.А. Концепт числа один как фрагмент языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Межд. научн. конф-ции. Минск, 1999. С. 108–112.
84. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
85. Афанасьева С.И. Способы реализации концепта «Дом» в творчестве И.А. Бунина доэмигрантского периода // Язык и социальная динамика. Красноярск: ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2012. №12-1. С. 144–149.
86. Ахматова А.А. Соч.: В 2 т. / 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Проза. Переводы / Сост., подгот. текста, коммент. Э.Г. Герштейн и др.; Вступ. ст. Э. Герштейн. М.: Худож. лит., 1990. 493 с.
87. Бабарыкова Э.В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. 23 с.
88. Бабичева Ю.В. Гайто Газданов и творческие искания Серебряного века: уч. пос. Вологда: Русь, 2002 (Литография Сев. лесоустроит. предприятия). 85 с.
89. Базыма Б.А. Цвет и психика. Харьков: ХГАК, 2001. 172 с.
90. Баранова Л.А. Некоторые особенности вторичных текстов и образы персонажей в интерсемиотическом контексте (на примере произведений О. Уайльда и Дж. Остен) // Вестник Томского государственного университета: Культурология. 2011. №350. С. 69–73.

91. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
92. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
93. Белый А. Лирика и эксперимент // Белый А. Символизм: книга статей / Подгот. текста В.М. Пискунова. М.: Культурная революция, 2010. 527 с.
94. Бердникова О.А. Мотив искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 279–288.
95. Бердникова О.А. Мотив искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. №1. С. 12–19.
96. Казачьи песни / Сост. Ю.Е. Бирюков. М.: Современная музыка, 2004. 312 с.
97. Битов А.Г. Текст как текст: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2010. 208 с. (Серия «Небольшая книга»).
98. Богомолова М.А. Философско-аксиологические основания современного изобразительного искусства // Вестник Чувашского университета. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. 2008. № 1. С. 350–354.
99. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественной картины мира как отражение поэтической картины мира автором // Коммуникативная стилистика художественного текста: Вестник ТГПУ. 2004. Выпуск 1 (38). С. 20–24.
100. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: В 4 ч. Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 2001. Ч. 1. 2001. 129 с.; Ч. 2: Основные признаки текста. Текстовые категории. Типология текстов. 2004 (Изд-во Том. гос. пед. ун-та).

168 с.; Ч. 3: Структура текста. Текстобразующие возможности языковых единиц. Факторы текстообразования. 2005. 271 с.; Ч. 4: Методы исследования. 2003. 119 с.

101. Бондарева Е.А. *Rex Rossica*. Русская государственность в трудах историков зарубежья: работы русских историков-эмигрантов белградского круга, 1920-1941 гг. / Авт.-сост. Е.А. Бондарева. М.: Вече, 2012. 416 с.

102. Борецкий М.И. Художественный мир и частотный словарь поэтического произведения (на материале античной литературной басни) // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1978. Т. 37. № 5. С. 453–461.

103. Борzych Л.А. Флористическая поэтика С.А. Есенина: классификация, функция, эволюция: дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2012. 186 с.

104. Борисова И.З. Концепт «чужой» в языковой картине мира // Вестник ИрГТУ. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет. 2014. №8 (91). С. 219–224.

105. Бочаров С.Г. О художественных мирах: Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с.

106. Брагинская Н.В. Генезис «Картин» Филострата Старшего // Поэтика древнегреческой литературы: Сб. статей. / Отв. ред. С.С. Аверинцев. М.: Наука, 1981. С. 224–289.

107. Быкова А.А. Образная интерпретация явлений психической сферы: метафоры с семантикой температурных изменений // Вестник ТГУ. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2011. № 348. С. 11–14.

108. Варавва И.Ф. Песни казаков Кубани / Запись текстов и подгот. к печати И.Ф. Вараввы; Предисл. В. Сидельникова. Краснодар: Кн. изд-во, 1966. 326 с.

109. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 387 с.

110. Витковский Е.В. Против энтропии: (Статьи о литературе): / Возвратившийся ветер: (Поэзия русской эмиграции) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lib.ru/NEWPROZA/WITKOWSKIJ/s_entropia.txt_Piece40.16. (Дата обращения: 20.06.2019)
111. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография. М.: Флинта: Наука, 2010. 248 с.
112. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. М.: ООО «Филологические науки». 1995. №3. С. 56–66.
113. Габдуллина В.И. Мотив возвращения блудного сына в романах И.С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПГУ. 2013. № 11. С. 135–149.
114. Габдуллина С.Р. Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (Сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 243 с.
115. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики / Пер. с нем.; Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
116. Гаспаров М.Л. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры (ЯСК). Т. 1: О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997. 664 с. Т. 2: О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. 504 с. Т. 3: О стихе. М.: Языки русской культуры, 1997. 608 с. Т. 4: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации: точные методы анализа речи, морфология и синтаксис в борьбе за стих, разбор «темных» стихотворений, неизвестные и забытые поэты. 2012. 720 с.
117. Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культур. памяти. М.: РГГУ, 1999. 297 с.
118. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: Тр. Лозан. симп.: Сборник / Université de Lausanne; Под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–22.

119. Гельфонд М.М. Лорнеты, окна и зеркала в романе «Евгений Онегин» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 31–34.
120. Гехтляр С., Осадчая О. Концепт «Дворянская усадьба» в русской культуре: место в концептосфере, содержание, структура // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: Ред. междунар. науч. журн. «Мир науки, культуры, образования». 2012. № 6 (37). С. 18–21.
121. Гехтляр С.Я., Осадчая О.А. Концепт «Дворянская усадьба» и его место в индивидуально-авторской картине мира И.А. Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник научных трудов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 2015. С. 365–372.
122. Гимаев Я.А. Актуализация ключевых компонентов концепта «Родина» в учебниках по литературному чтению // Проблемы современного образования. М.: НПБ им. К.Д. Ушинского. 2012. № 5. С. 135–141.
123. Голованов И.А. Категория пространства в преданиях Южного Урала // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. 2009. №6. С. 217–223.
124. Головня А.И., Фан Миньюй. Реализация концептов родина, чужбина в русском и китайском языках // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 6: В 2 ч. Ч. 2. Минск: «Белорусский Дом печати», 2012. С. 57–59.
125. Гомолицкий Л.Н. «Русские записки» № 1 // Меч. 1937. 22 августа. № 32 (168). С. 6.
126. Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Предисл. и развернутый указ. имен Олега Коростелева. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. Т. 1: Россия в Германии. 2001. 554 с. Т. 2: Россия во Франции. 2001. 518 с. Т. 3: Россия в Америке. 2001. 494 с.
127. Гурская Н.В. Военизированный образ жизни уральского казачества // Вестник Военного университета. М.: Научно-исследовательский центр «Наука-XXI». 2010. № 2 (22). С. 94–100.

128. Демина Е.А., Кузнецова Н.В. Лингвистическая репрезентация концепта «любовь» в английском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 167–168.
129. Денисова О.Е. Юрий Софиев о поэзии русского зарубежья // Литература русского зарубежья 1917-1939: новые материалы. Т. 5: Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского: мат-лы Международных литературных чт., посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского, 17-18 марта 2008 г. Орел. 2009. С. 140–144.
130. Денисова О.Е. Жизнь и творчество Ю.Б. Софиева: историко-литературный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2015. 231 с.
131. Десницкий А. Поэтика библейского параллелизма / Сер. Современная библеистика. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 554 с.
132. Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта: Наука, 2012. 259 с.
133. Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ. 2004. 224 с.
134. Элита-Вильчковский К. Русские записки. № VIII–IX (август–сентябрь 1938 г.) // Бодрость. 1938. 18 сентября. № 192. С. 3.
135. Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре: (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: ЗабГГПУ, 2009. 296 с.
136. Ершенко Ю.О. Поэтика сна в творчестве А.С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 204 с.
137. Жигальцова Л. «Принадлежность к России должна быть источником гордости...»: Абрам Осипович Гукасов // Родина. М.: Редакция «Российской газеты». 2010. № 10. С. 108–111.
138. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Избр. тр. / Вступ. статья Д.С. Лихачева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 407 с.

139. Жолковский А.К., Щеглов, Ю.К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Т. VII. С. 160–161.
140. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с. (Язык. Семиотика. Культура)
141. Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. Курс лекций // Раздел III. О боге спасителе и особенном отношении его к роду человеческому. Гл.1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticeskoe-bogoslovie/8 (Дата обращения: 20.06.2019)
142. Искусство и архитектура русского Зарубежья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.artz.ru/menu/1804649234/1805307478.html> (Дата обращения: 20.06.2019)
143. Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М.: Традиция, 1997. 319 с.
144. Казак В. Лексикон русской литературы XX века: [Пер. с нем.]. М.: РИК «Культура», 1996. 512 с.
145. Казачий словарь-справочник: [В 3 т.] / Сост. Г.В. Губарев; Ред.-изд. А.И. Скрылов. М.: ТО «Созидание», 1992. Т. 1: АБРАМОМ-ЗЯБЛОВСКИЙ Изд.-ли: А.И. Скрылов, Г.В. Губарев. Кливленд, Охайо, С.Ш.А. 1966. Т. 2: Ибн Батута-Пятый Дон.каз.полк. / Сост. словаря Г.В. Губарев Ред.-издатель А.И. Скрылов. Сан. Ансельмо, Калифорния, С.Ш.А. 1968. 178с. Т. 3. РАЛ-ЯТОВЬ Сост. словаря Г.В. Губарев Ред.-издатель А.И. Скрылов. Сан. Ансельмо, Калифорния, С.Ш.А. 1970. 341 с.
146. Каменева К.Д. «Свое» и «чужое» в культуре русской эмиграции «поколения полутора»: на примере творчества Г. Газданова: дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 179 с.
147. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

148. Карпенко Е.И. Один библейский параллелизм в свете лингвокультурологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. М.: Издательство: МГЛУ. 2013. № 4 (664). С. 100–107.
149. Карташева И.Ю. К проблеме изучения современной литературы русского зарубежья // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: ЧГУ. 1994. Т. 2. № 1. С. 110–113.
150. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте: коллективная монография / Л.П. Дронова, Л.И. Ермоленкина, Д.А. Катунини и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 350 с.
151. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст: Проблемы неклассической теории познания / Рус. Христиан. гуманит. ин-т, Ин-т философии РАН. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1999. 407 с.
152. Каткова М.М. Имагологический аспект восприятия прозы А. Платонова: на материале англоязычной критики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 154 с.
153. Катунин Д.А. Метафорические модели времени // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте: монография. Т.10 / Отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 354 с.
154. Ключев Е.В. Риторика: [микроформа]: Инвенция. Диспозиция. Элокуция: Уч. пос. для вузов. М.: Приор. 2001. 271 с.
155. Ключева А.В. Информационная среда политической коммуникации российской эмиграции: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 154 с.
156. Ковалев П.А. Версификация И.А. Бунина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2019. №1 (82). С. 104–107.
157. Ковалев П.А. Об особенностях ритма 4-стопного ямба в одах М.В. Ломоносова // Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество. М., 2012. Ч.1. С. 24–31.

158. Ковалев П.А. Рифменный дискурс и архитектоника русского стиха // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. №4 (48). С. 245–249.
159. Ковалев П.А. Современный русский стих (актуальные аспекты стихосложения). Орел, 2001. 142 с.
160. Ковалева Т.В. «Лермонтовский цикл» в ранней лирике И.А. Бунина: к вопросу о семантическом ореоле пятистопного хорея // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 188–191.
161. Кожин В.В. Основы теории литературы: (Краткий очерк). М.: Знание, 1962. 48 с.
162. Колоколова О.А. Мотив «Блудного сына» в романе А. Тимонена «Мы карелы» // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 3. С. 149–153.
163. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании. М.: Наука, 1990. 103 с.
164. Комаков В.Б. Ценность жизни в романтической традиции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. Воронеж: Издательство: ВГУ. 2013. № 2 (10). С. 38–49.
165. Комаров С.Г. Драма Эдварда Бонда «Летом» в контексте библейской архетипики // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ. 2009. № 2. С. 158–162.
166. Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь: ПГНИУ. 2011. № 4(16). С. 130–143.
167. Коровина Е.Н., Бабошина Е.К. К истории рода дворян Гальских // Литература русского зарубежья 1917-1939: новые материалы. Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Вешние воды, 2007. С. 10–14.

168. Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2008. № 22. С. 3–50.
169. Кострубина Е.А. Гиперконцепт Семья/Дом - Family/Home в русской и английской лингвокультурах: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 20 с.
170. Котова Т.А. Повседневная жизнь в европейских лагерях для перемещенных лиц в 1945-1952 гг.: автореферат дис ... канд. ист. наук. М.: Российский ун-т дружбы народов, 218. 29 с.
171. Кравцов А.Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение»: Париж, 1949–1974: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 267 с.
172. Кравченко Я.П. К истории становления категории «художественный мир» в литературоведческом дискурсе [Электронный ресурс] Режим доступа: http://web.znu.edu.ua/herald/issues/2008/fil_2008_1_2/2008-26-06/017.pdf. (Дата обращения: 20.06.2019)
173. Кудряшов В.Ю. Владимир Гальской в скаутском движении 1920-х – 1940-х годов // Литература русского зарубежья 1917-1939: новые материалы. Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Вешние воды, 2007. С. 151–162.
174. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Комкнига, 2007. 268 с.
175. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: уч. пос. для студ. высш. уч. завед., обуч. по спец. «Русский язык и литература» / 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 207 с.
176. Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Шк. «Языки рус. культуры»: Кошелев, 1998. С. 559–577.

177. Леденев А.В. Поэтика и стилистика В.В. Набокова в контексте художественных исканий конца XIX – первой половины XX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2005. 345 с.
178. Леонтьева С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 291 с.
179. Летин В.А. Теоретико-методологические основания изучения концепта русской усадьбы XVII в. – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. (Гуманитарные науки). Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. 2011. № 4. Т. 1. С. 285-289.
180. Ли Шумэй Образ русской усадьбы в рассказах И.А. Бунина // Современные гуманитарные исследования. М.: ООО «Издательство "Спутник+"». 2015. №1(62). С. 39–43.
181. Лизунова И.В., Лбова Е.М. Диалог двух культур: французская и русская в контексте книжной культуры // Интерэкспо Гео-Сибирь. Новосибирск: Сибирский государственный университет геосистем и технологий. 2013. № 1. Т. 6. С. 87–89.
182. Литература русского зарубежья («Первая волна» эмиграции: 1920–1940 годы): уч. пос.: В 2 ч. / Под общ. ред. А.И. Смирновой. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003-2004. Ч. 1. 2003. 241 с.; Ч. 2. 2004. 229 с.
183. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940: В 3 т. / РАН. ИНИОН; [Гл. ред. А.Н. Николюкин]. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1: Писатели русского зарубежья. 1997. 511 с. Т. 2: Периодика и литературные центры. 2000. 640 с. Т. 3: Книги. 2002. 712 с. Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. 2006. 544 с.
184. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
185. Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Ленингр. отд-ние, 1987. Человек в литературе Древней Руси (1970). Т. 2: Великое наследие; Смех в Древней Руси; Заметки о русском. Л.: Худож. лит: Ленингр. отд-ние, 1987. 493 с.; Т. 3: Человек в литературе Древней Руси; О «Слове о полку Игореве»;

Литература - реальность - литература, О садах. Л.: Худож. лит.: Ленингр. отделение, 1987. 519 с.

186. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М.: Академия, 1997. С. 28–37

187. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство. 1994. 399 с.

188. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2 изд., доп. СПб.: Искусство, 2002. 413 с.

189. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992-1993. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 1992. 479 с.; Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII-первой половины XIX века. 1992. 478 с.; Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. 1993. 494 с.

190. Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960-1990 / Вступ. ст. Б.Ф. Егоров. СПб.: Искусство. Ленингр. отделение, 1997 . 847 с.

191. Лыткина О.И. К вопросу о типологии концептов в современной лингвистике // Вестник Московского гос. гум. унив. им. М.А. Шолохова. Филологические науки. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова. 2010. № 2. С. 68–75.

192. Манеров Р.В. Психология отцовства // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов (25–28 июня 2003 года). СПб.: Изд-во Санкт-петерб. ун-та, 2003. Т. 5. С. 284–288.

193. Марасинова Е.Н., Каждан Т.П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 265–368.

194. Маслова Ж.Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира: монография / 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. 420 с.

195. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3). С. 149–151.
196. Матвеева Ю.В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века: уч.-метод. пос. для студ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. 90 с.
197. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. С. 378–415.
198. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. СПб.: АОЗТ «Златоуст». 2000. № 4. С. 39–46.
199. Морозова Н.Г. Экфрасис в прозе русского романтизма: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 210 с.
200. Московский архив: историко-краеведческий альманах. М.: Мосгорархив, 1996. 544 с.
201. Нимарочева С. Журналы русского зарубежья // Литература. 2002. № 45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200204509> (Дата обращения: 20.06.2019)
202. Ноздрина В. Библейские образы в творчестве Достоевского // Международный литературный клуб: ИнтерЛит. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://interlit2001.com/nozdrina-1.htm> (Дата обращения: 20.06.2019)
203. Оболенская-Флам Л.С. Времена «дипийские» // «Наставникам, хранившим юность нашу...»: Памяти тех, кто посвятил себя формированию молодого поколения российских беженцев в послевоенной Германии и Австрии / Ред.-сост. Л. Флам-Оболенская, О. Раевская-Хьюз, А. Аристова. Вашингтон; М., 2012. С. 27–28
204. Охоцимский А.Д. Образ-парадигма Божественного Огня в Библии и в христианской традиции [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://hierotopy.ru/contents/ImageParadigmFire_AndrewSimsy_RusEng_2013_02_16.pdf (Дата обращения: 20.06.2019)

205. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. Энциклопедия гуманитарных наук. 2010. № 1. С. 251–253.
206. Парахневич Е.В. Аксиосфера журнала «Путь»: культурные ценности русской эмиграции // Теория и практика общественного развития: научный журнал. Краснодар: ООО Издательский дом «Хорс». 2013. №7. С. 150–152.
207. Парахневич Е.В. Концепт «вера» в текстовом пространстве журнала «Путь» (1925–1940) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 162–166.
208. Песня. Н.К. и В.Ч. // Литературная энциклопедия: В 11 т. Отв. ред. В.М. Фриче, гл. ред. А.В. Луначарский. М.: Советская энциклопедия, 1934. Т.8. (Немецкий язык – Плутарх). 736 с.
209. Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья: воспоминания, 1941–1951. М.: Посев, 2009. 415 с.
210. Полчанинов Р.В. Песни скаутов – разведчиков // В помощь руководителю: Издание Главной Квартиры Организации Русских Юных Разведчиков. Ред.–издатель Р.В. Полчанинов. 2002. (апрель). № 48 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://a-pesni.org/baby/a-pskautov.php> (Дата обращения: 20.06.2019)
211. Пономарева М.В. Дворянская усадьба в культурно-художественной жизни России: XVIII - XIX вв.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2005. 123 с.
212. Пономарева Т.А. Концепт пути в поэзии Вл. Гальского (Устный) // Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А. Бунина: Всероссийская научная конференция. (Орел. 28 –30 сентября 2010 г.) Орел, Россия, 28-30 сентября 2010.
213. Пономарева Т.А. Поэзия Владимира Гальского // Северо-Запад: Историко-культурный региональный вестник. Череповец: изд-во Череповецкого гос. пед. Института им. А.В. Луначарского, 1995. Вып. 1. С. 58-65.

214. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. 30 с.
215. Поташова К.А. Усадебная культура в жизни и творчестве А.С. Пушкина // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф-ции. Уфа: Лето, 2013. С. 43–47.
216. Православие и современность: Информационно-аналитический портал Саратовской епархии Русской Православной Церкви: Православие и современность: Электронная библиотека: Библейская энциклопедия / Архимандрит Никифор. // [Электронный ресурс] Режим доступа: lib.eparhia-saratov.ru/.../1807.html (Дата обращения: 20.06.2019)
217. Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980-2005 гг.: библиометрический анализ. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co.KG. Saarbrucken, 2011. 480 с.
218. Пьянкова Т.В. Особенности лексического представления художественного концепта «Семья» в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» // Мир науки, культуры, образования. 2010. №6 (25). С. 18–22.
219. Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919-1939; Предисл. О. Казниной; перевод А. Ратобыльской. М.: Прогресс-академия, 1994. 292 с.
220. Ремизов А.М. Для кого писать: Числа. Париж, 1931, №5. С. 283–285.
221. Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. №30. С. 5–26.
222. Рожков В.В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких: на материале романа «Трудно быть богом»: дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 228 с.
223. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития: литературно-эстетические работы разных лет / Вступ. ст. В.В. Ерофеева, коммент. О. Дарка. М.: Искусство, 1990. 604 с.

224. Романов Е. Вместо программной статьи // Грани. 1946. Июль. №1. С. 2
225. Руднева Е.Г. Романтика в русском критическом реализме: Вопросы теории. М.: МГУ, 1988. 173 с.
226. Руднева О.В. Метафорическая модель мира в творчестве И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2011. № 345. С. 26–33.
227. Руммель В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий / В.В. Руммель, В.В. Голубцов. СПб: А.С. Суворин, 1886–1887. Т. 1. 1886. С. 89–93.
228. Русская мысль. Париж, 1947. 6 декабря. № 34.
229. Русские записки. 1939. №14. С. 73.
230. Русский Париж / Сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 526 с.
231. Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И.Н. Березиным. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1873–1880. Отд. 1. Т. 3: Б. 1873. 15, XVII, III, 686 с.
232. Рябцева Н.Е. Топос тела в современной женской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Общество с ограниченной ответственностью; Изд-во "Грамота". 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 151–153.
233. Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. Алматы: Дайу-пресс, 1996. 191 с.
234. Салимова Л.М. О лингвокультурном концепте «Любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32). Ч. 2. С. 173–175.
235. Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. 281 с.
236. Седойкина К.А. Гальские в Орле: достопримечательности городского квартала // Литература русского зарубежья (1917-1939 гг.): новые материалы:

- Т.4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 118–125.
237. Селезнева Л.В. Частотный словарь как основа реконструкции художественного мира: На примере «Романтических цветов» и «Огненного столпа» Н.С. Гумилева: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 22 с.
238. Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века – границы и перспективы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М.; «Индрик», 1996. С. 7–26.
239. Синкевич Валентина. Иван Елагин и русские художники Америки // Новый журнал. 2010. №260. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/nj/2010/260/si21.html> (Дата обращения: 20.06.2019)
240. Слепцова Е.В. Содержание концепта ДОМ в русском языковом сознании (по данным вербально-ассоциативного эксперимента) // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. №10. С. 76–81.
241. Словарь античности. М.: «Прогресс», 1989. 704 с.
242. Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В.П. Крейда. СПб.: РХГИ, 1999. 470 с.
243. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. 2-е изд., стер. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 1. 241 с.
244. Смирнова А.И. Литература русского зарубежья (1920–1990): уч. пос. М.: ФЛИНТА, 2012. 990 с.
245. Смирнова А.Ю. Образ души в стихотворении И.А. Бродского «Теперь все чаще чувствую усталость» (1960) и его перевод на английский язык Дж. Клайном // Вектор науки ТГУ. Тольятти: ТГУ. 2012. № 2 (20). С. 106–109.

246. Смолина А.Н. Синестезия как троп метафорического типа // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2009. № 2. С. 101–107.
247. Соловьев В.С. *Философия искусства и литературная критика: сб. / Сост. и вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской; коммент. А.А. Носова. М.: Искусство, 1991. 699 с.*
248. Софиев Ю.Б. *Синий дым: Стихи и проза / Предисл. и сост. Н.М. Чернова. Алматы: Б.и., 2013. 244 с.*
249. Софиев Ю.Б. Гальские (Из «Разрозненных страниц. Воспоминания бывшего эмигранта»). Публикация И.Ю. Софиева и Н.М. Черновой. Подг. текста и примеч. Г.А. Тюрина // *Литература русского зарубежья (1917-1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 127–132.*
250. Стаканова М.В. Эмигранты «первой волны» о национальных проблемах // *Вестник Брянского государственного университета. Брянск: БГУ имени академика И.Г. Петровского. 2015. № 2. С. 187–190.*
251. Станюкович Н.В. *Итоги // Возрождение. Париж. 1960. Апрель. № 100. С. 32–34.*
252. Степанов Ю.С. *Константы: словарь русской культуры / 2. изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.*
253. Степанов Ю.С. *Концепты: Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур. 2007. 248 с.*
254. Степанова Н.С. *Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: автореферат дис. ... докт. филол. наук. М., 2016. 41 с.*
255. Степанова Н.С. *Образ отца в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Ученые записки Российского государственного социального университета. М.:РГСУ. 2013. №3(115). Т.1. С. 38–42.*

256. Стрижев А.Н. По следам Сергея Нилуса: Раздумья, встречи, разыскания. М.: Паломник, 1999. 172 с.
257. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Общ. ред. В.Б. Кудрявцева, К.Ю. Лаппо-Данилевского; сост., вступ. статья К.Ю. Лаппо-Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
258. Сухих И.Н. Русская литература. XX век // Звезда. 2009. №1. С. 227–234.
259. Сухман Т.П. Усадьба Горка: историческая записка // Литература русского зарубежья (1917-1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 23–33.
260. Сухов Н.В. Эмиграция из России в Марокко в XX в. // Исторический формат. 2016. №2. С. 157–184.
261. Танин С.Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009. 304 с.
262. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.
263. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж; Нью-Йорк: Альбатрос-Третья волна, 1987. 352 с.
264. Терапиано Ю. Человек 30-х годов // Числа. 1933. №7-8. С. 210–212.
265. Толстая С.М. Зеркало // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Международные отношения, 2002. С. 182–183.
266. Тюрин Г.А. Воронежская ветвь: Гальские и Машлыкины // Литература русского зарубежья (1917-1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 43–47.
267. Тюрин Г.А. Идеалы прошлого и «иная память» В.Л. Гальского в историко-биографическом контексте // Литература XX – XXI веков: история

и поэтика. Исследования. Наблюдения. Публикации / ОГУ. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2002. С. 52–60.

268. Тюрин Г.А. К истории рода Багговутов // Литература русского зарубежья (1917-1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 50–54.

269. Тюрин Г.А. На родине Владимира Гальского (село Золотарево: прошлое и настоящее) // Литература русского зарубежья (1917-1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 80–95.

270. Тюрин Г.А. Орловские дворяне Гальские (к истории рода): К 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского [Предисловие к публикации свидетельства о внесении Гальских в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии] // Орел литературный 2007–2008. Орел: Вешние воды, 2009. С. 140.

271. Тюрин Г.А. Пространство интертекста в «Пути усталости» В.Л. Гальского // Художественный текст и культура – III: Материалы и тезисы докладов на международной конференции 13-16 мая 1999 года. [К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина]. Владимир: ВГПУ, 1999. С. 134–135.

272. Тюрин Г.А., Тюрина В.Г. Юрий Софиев и Владимир Гальской: несостоявшийся диалог поэтов // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 141–150.

273. Тюрина В.Г. «Бездомные России сыновья...»: Образ родины в поэзии В.Л. Гальского и И.Н. Кнорринг // Писатели Орловского края: XX век: Методические рекомендации и материалы. / Под ред. Е.М. Волкова. Орел: Вешние воды, 2004. С. 385–400.

274. Тюрин В.Г. Инонациональная (африканская) действительность в поэзии И.Н. Кнорринг и В.Л. Гальского (к проблеме типологических связей) // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): Исследования и публикации: Материалы научной конференции, посвященной 70-летию присуждения И.А. Бунину нобелевской премии. Орел: Вешние воды, 2003. С. 270–276.
275. Федоров В.В. О природе поэтической реальности. М.: Сов. писатель, 1984. 184 с.
276. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 456 с.
277. Фигуры Танатоса: Искусство умирания / Под общ. ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. 218 с.
278. Филоненко Н.Ю. Раннее творчество С.Н. Сергеева-Ценского: танатологический ракурс // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1. С. 235–244
279. Хлызова И.Ю. Жанровая дестабилизация притчи о блудном сыне в древнерусских бытовых повестях и Пушкинских «Повестях Белкина» // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. СПб., 2002. Вып.26. С. 162–164.
280. Ходасевич В. Литература в изгнании // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М.: «Согласие», 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939 гг. С. 256–267.
281. Ходасевич В.Ф. Подвиг // Возрождение. 1932. От 5 мая. С. 3.
282. Хоружий С.С. Визуальный опыт и пространственный опыт в практике исихазма // Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 387–432.
283. Хутова Э.Р. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 1–5.

284. Цирулев А.Ф. «Поэтическая идея» в трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. С. 27–32.
285. Чельшев Е.П. Ветвь на общем стволе. О литературном наследии российской эмиграции // Пространство и Время. М., 2011. № 1(3). С. 107–114.
286. Чернец Л.В. Мир произведения // Введение в литературоведение: Литературное произведение: Основные понятия и термины: Уч. пос. / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк.; Издательский центр «Академия», 2000. С. 191–202.
287. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 379 с.
288. Чудаков А.П. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков. М.: Сов. писатель, 1992. 317 с.
289. Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2002. 513 с.
290. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты): Уч. пос. к спецкурсу. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2000. 101 с.
291. Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. М.: Наука, 1979. 312 с.
292. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика «иноэтнокультурного текста» в русской прозе Дины Рубиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 240 с.
293. Шестаков В.П. Русский эрос, или Философия любви в России: сб. / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского. М.: Прогресс, 1991. 443 с.
294. Шестакова Н.А., Задорожнюк Н.Г. Музейный комплекс «Усадьба Гальских»: история, опыт работы, перспективы // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы: Т. 4: Творческая биография

В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Орел: Изд-во ОГУ, изд-во «Вешние воды», 2007. С. 34–42.

295. Шешкен А.Г. «Русский след» в истории сербской литературы и критики 20–30-х гг. XX века (к вопросу о роли русской эмиграции в культурной жизни Сербии) // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране књижевности и културе. Међународни тематски зборник радова. Косовска Митровица, 2012. С. 216–232.

296. Шешкен А.Г. Молодая поэзия русского Белграда // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен. Мат-лы Международной научной конференции: В 2 ч. М.: Новый гуманитарный университет, 2003. Ч. 2. С. 24–29.

297. Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии: Пер. с нем. М.: Наука, 1993. 672 с. (Памятники философской мысли).

298. Эйхенбаум Б.М. К столетию рождения Н. Лескова // Лесков Н.С. Избр. соч. М.; Л., 1931. С. XLX–LXII.

299. Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1891. Т. II-а. 947 с.

300. Юпп М.Е. Библиографическая путаница // Библиография. 2008. №6. С. 79–82.

301. Яковлев Р.О. Роль малой родины в воспитании будущего гражданина // Перспективы науки. 2017. №3 (90). С. 60–62.

302. *Jakobson R. Selected writings. Vol. 5: On verse, its masters and explorers. The Hague, 1979. С. 465–466.*

Публикации по теме диссертации

Публикации в изданиях по списку, утвержденному ВАК:

1. Бобылева И.А. Творчество В.Л. Гальского в литературном процессе XX века // Ученые записки ОГУ. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки»:

научный журнал. Орел: изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ». 2014. №5 (61). С. 179–185. 0,81 п.л.

2. Бобылева И.А. Русская дворянская усадьба в художественном мире В.Л. Гальского // Ученые записки ОГУ. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. Орел: изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ». 2015. №1 (82). С. 97–101. 0,58 п.л.

3. Бобылева И.А. Концепт «любовь» в художественном мире В.Л. Гальского // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. №5. С. 62–69. 0,47 п.л.

4. Бобылева И.А. Мотив блудного сына в лирике И.А. Бунина и В.Л. Гальского // Ученые записки ОГУ. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. Орел: изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ». 2019. №5 (68). С. 79–84. 0,58 п.л.

Публикации в других изданиях:

5. Меркулова И.А. Библиография // Гальской В. Запоздалые листы: Избранные стихотворения и поэмы. Орел: изд. А. Воробьев, 2008. 84 с. 0,15 п.л.

6. Меркулова И.А. Русская дворянская усадьба в художественном мире В.Л. Гальского. // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5: Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского: Материалы Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского. 17–18 марта 2008 г. Орел: изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 145–152. 0,47 п.л.

7. Меркулова И.А. Учетная карточка захоронения В.Л. Гальского (1961 г.). Подг. текста и прим. И.А. Меркуловой // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5: Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского: Материалы Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского. 17–18 марта 2008 г. Орел: изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 57–59. 0,12 п.л.

8. Меркуловой И.А. Примечания / Тюрин Г.А. Беседа с К.В. Гальским (2008 г.) // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5: Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского: Материалы Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского. 17–18 марта 2008 г. Орел: изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 24–39. 0,17 п.л.
9. Меркулова И.А. Материалы к библиографическому указателю «В.Л. Гальской: родословие, биография, творчество» // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Т. 5: Родословие, биография и творчество В.Л. Гальского: Материалы Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского. 17–18 марта 2008 г. Орел: изд-во ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2009. С. 186–199. 0,81 п.л
10. Меркулова И.А. «За мной Россия и за мной Европа...»: Владимир Гальской: дворянин, поэт, эмигрант // Орел литературный. 2007–2008. Орел: Вешние воды, 2009. С. 142–143. 0,3 п.л.
11. Меркулова И.А. Образы инациональной (европейской) культуры в поэзии В.Л. Гальского // Славянский сборник: Материалы VII Международных Славянских Чтений «Русская цивилизация: диалог в культурном пространстве» (30 апреля 2009 г., ОГИИК). Вып. 7. Орел: ОГИИК; издатель А. Воробьев, 2009. С. 206–211. 0,35 п.л.
12. Меркулова И.А. От Орла до Касабланки. (О творческом пути В.Л. Гальского). / Литературная Орловщина. Орел, 2009. С. 32–38. 0,41 п.л.
13. Меркулова И.А. Поэзия В.Л. Гальского в литературном процессе русского зарубежья // Проблемы литературоведения с точки зрения молодых ученых: Сб. научн. тр. Вып. 2. Орел, 2009. С. 127–136. 0,58 п.л.
14. Меркулова И.А. Духовно-нравственные основы поэзии В.Л. Гальского // Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А. Бунина. Мат-лы Всероссийской научн. конф-ции (28-29 сентября 2010 года). Орел, 2010. Вып. 2. С. 272–276. 0,29 п.л.

15. Меркулова И.А. Мотив возвращения в поэзии В.Л. Гальского // Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура. Сб. ст.: Материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. 27–29 апреля 2011 года / ОГУ, ОГЛМТ, НИИ филологии ОГУ. Орел, 2011. С. 235–237. 0,17 п.л.
16. Меркулова И.А. Белградский друг парижского поэта (о В.Л. Гальском) // Простор. 2011. №2. С. 160–162. 0,5 п.л.
17. Меркулова И.А. Скаутская песня В.Л. Гальского (литературоведческие наблюдения) // Афонинские чтения: Сб. мат-лов научн. конф-ции. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2013. С. 82–85. 0,23 п.л.